

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., О. А. Козадеров, д-р хим. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Сирота А.А., д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; О. Н. Чарыкова, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции,
издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2021

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА
Выходит 4 раза в год

Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 2. Апрель – июнь

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Аксенова О. Н., Швец Е. В.</i> МЕМ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ	5
<i>Барицкий Д. С.</i> МОТИВ ТОСКИ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «КЛАРА МИЛИЧ»	8
<i>Бобровская П. В.</i> КНИГИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ В ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ М. КАРАСИКА	14
<i>Бородина Н. А., Трубицина Н. А.</i> АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА	18
<i>Бурко Н. В.</i> СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ ГНУС В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ	22
<i>Гун Цзэхуэй.</i> ТВОРЧЕСТВО И. А. БУНИНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ УЧЕНЫХ КИТАЯ: НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ 2000-Х ГГ.	25
<i>Житенев А. А.</i> СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКФРАСИСА И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКФРАСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА	28
<i>Зипунов А. В., Валганов С. В.</i> ГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО РИТМА «ЧАСТНОЕ-ВСЕОБЩЕЕ» В ТЕКСТАХ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ	35
<i>Зятькова В. В.</i> ФУНКЦИИ ОПЕРЫ «ФАУСТ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ М. А. БУЛГАКОВА	39
<i>Кротова Д. В.</i> КАТЕГОРИЯ ЧУДА В ПОЭЗИИ В. ШАЛАМОВА И Б. ПАСТЕРНАКА	42
<i>Лемякина Н. А.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА	47
<i>Марков А. В.</i> СКАЗ И ФОЛЬКЛОРНАЯ СТИЛИЗАЦИЯ В ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. ГАЛИЧА И А. БАШЛАЧЁВА	50
<i>Попова Е. А., Кудрявцева С. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В МЕМУАРИСТИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА	54
<i>Синицына М. В.</i> ТРАДИЦИИ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. Ф. МЕРЗЛЯКОВА	58
<i>Фесенко О. П., Петренко Е. Е.</i> АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК ВЕДУЩАЯ ОСОБЕННОСТЬ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ФРАЗЕОЛОГИИ ВОЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	61
<i>Шпилева Г. А., Бондаренко В. А., Горбацевич О. А.</i> К ВОПРОСУ О НАРРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО, Н. М. СОКОЛОВСКОГО, А. П. ЧЕХОВА (ТЮРЬМА, ССЫЛКА И КАТОРГА В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)	64

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Богуславская В. В., Кувычко А. А.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: АНТИНОМИЯ «ДОЛГ ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ — ПРАВО ЖЕНЩИНЫ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ».....	71
<i>Гатилин А. С.</i> МУНИЦИПАЛЬНАЯ ГАЗЕТА В ДИАЛОГЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ИНСТРУМЕНТ ИЛИ СУБЪЕКТ?.....	75
<i>Дмитровский А. Л.</i> НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА.....	82
<i>Дун Яфэн.</i> РАДИОКОНТЕНТ В ИННОВАЦИОННОМ ПЕРИОДЕ РЕФОРМ СМИ КИТАЯ В 1990-Е ГГ.....	91
<i>Евсеев А. Ю.</i> СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИЙНОЙ ПОЛИТИКИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	93
<i>Калинина М. В., Калинина М. А.</i> МОТИВИРОВАННОСТЬ РЕЧЕВЫХ НЕПРАВИЛЬНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ.....	98
<i>Палахан Наттаноп.</i> СОВЕТСКИЕ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ СССР И ТАИЛАНДОМ В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ.....	101
<i>Овсейко В. И.</i> ЧАСТНЫЕ ИЗДАНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: СОДЕРЖАНИЕ, ОФОРМЛЕНИЕ, АВТОРЫ.....	106
<i>Олешко В. Ф.</i> ИМИДЖ ПОЛИТИКА В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ МАССМЕДИА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ.....	109
<i>Родионова Т. С.</i> ВНЕШТАТНОЕ КОРРЕСПОНДИРОВАНИЕ В МЕСТНОЙ ГАЗЕТЕ КАК ОПЫТ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	114
<i>Сусская О. А.</i> СМЫСЛОВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ «ВНЕВРЕМЕННЫХ» ХАРАКТЕРИСТИК МЕДИАПРОСТРАНСТВА.....	119
<i>Тулупов В. В.</i> ТВОРЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ В КЛАССИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.....	123
<i>Фролов В. В.</i> ОБРАЗ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА СТРАНИЦАХ ВОЕННОГО ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ «ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ 1914–1917 ГГ.» В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1915 ГГ.).....	129
<i>Эшкинина У.Ю.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СПОРТИВНЫХ ЖУРНАЛОВ.....	133
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ.....	141

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2021. № 2. April – June

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Aksenova O. N., Shvets E. V.</i> MEME AS A PHENOMENON OF MODERN INTERNET COMMUNICATIONS.....	5
<i>Baritskii D. S.</i> THE MOTIF OF LONGING IN THE NOVEL OF I. S. TURGENEV «KLARA MILICH»	8
<i>Bobrovskaya P. V.</i> BOOKS OF MODERN POETS IN THE CREATIVE PRACTICE OF M. KARASIK.....	14
<i>Borodina N. A., Trubitsina N. A.</i> ANCIENT MYTHOLOGY IN THE POETRY OF I. A. BUNIN	18
<i>Burko N. V.</i> LEXICAL MEANING OF THE WORD GNUS IN RUSSIAN FOLK DIALECT	22
<i>Gong Zehui.</i> I. A. BUNIN'S CREATIVITY IN THE INTERPRETATION OF CHINESE SCIENTISTS: BASED ON THE WORKS OF THE 2000S.	25
<i>Zhitenev A. A.</i> MODERN CONCEPTS OF ECPHRASIS AND THE EPISTEMOLOGICAL MODEL OF THE ECPHRASTIC TEXT	28
<i>Zipunov A. V., Valganov S. V.</i> GRAPHIC INTERPRETATION OF THE SEMANTIC RHYTHM "PARTICULAR-UNIVERSAL" IN THE TEXTS OF THE AUTHOR'S SONG.....	35
<i>Zyatkova V. V.</i> FUNCTIONS OF THE OPERA "FAUST" IN THE ARTISTIC SPACE OF M. A. BULGAKOV.....	39
<i>Krotova D. V.</i> CATEGORY OF A MIRACLE IN THE POETRY OF V. SHALAMOV AND B. PASTERNAK.....	42
<i>Lemyaskina N. A.</i> EMOTIONAL CONCEPT OF «JOY» IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF A PRIMARY SCHOOL STUDENT	47
<i>Markov A. V.</i> TALE AND FOLKLORE STYLIZATION IN THE SONGS OF A. GALICH AND A. BASHLACHEV	50
<i>Popova E. A., Kudryavtseva S. V.</i> FEATURES OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE MEMOIRS OF O. E. MANDELSTAM	54
<i>Sinitsyna M. V.</i> TRADITIONS OF SENTIMENTALISM IN THE EARLY WORK OF A. F. MERZLYAKOV	58
<i>Fesenko O. P., Petrenko E. E.</i> ANTHROPOCENTRICITY AS A LEADING FEATURE OF THE PHRASEOLOGY CONCEPTOSPHERE OF MILITARY IDIOMS.....	61
<i>Shpilevaja G. A., Bondarenko V. A., Gorbatcevich O. A.</i> TO THE QUESTION OF NARRATIVE STRATEGIES OF F. M. DOSTOEVSKY, N. M. SOKOLOVSKY, A. P. CHEKHOV (PRISON, EXILE, HARD LABOR IN DOCUMENTARY AND FICTION LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY)	64

JOURNALISM

<i>Boguslavskaya V. V., Kuvychko A. A.</i> LINGUISTIC AND CULTURAL UNDERSTANDING OF MOTHERHOOD IN THE RUSSIAN MEDIA DISCOURSE: ANTINOMY «THE DUTY OF A MOTHER WOMAN – A WOMAN’S RIGHT TO SELF-DETERMINATION».....	71
<i>Gatilin A. S.</i> MUNICIPAL NEWSPAPER IN THE DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY: TOOL OR SUBJECT?.....	75
<i>Dmitrovsky A. L.</i> TOWARDS A GENERAL THEORY OF JOURNALISM: METHODOLOGICAL MATRIX.....	82
<i>Dong Yafeng.</i> RADIO CONTENT IN THE INNOVATIVE PERIOD OF CHINA’S MEDIA REFORMS IN 1990S.....	91
<i>Evseev A. Yu.</i> STRATEGIC COMMUNICATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF MEDIA POLICY OF THE CHECHEN REPUBLIC.....	93
<i>Kalinina M. V., Kalinina M. A.</i> MOTIVATION OF SPEECH IRREGULARITIES IN MODERN ONLINE PUBLICATIONS ISSUES.....	98
<i>Palahan Nattanop.</i> SOVIET MEDIA IN THE FORMATION OF CULTURAL RELATIONS BETWEEN THE USSR AND THAILAND DURING THE COLD WAR.....	101
<i>Ovseiko V. I.</i> PRIVATE PUBLICATIONS OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES: CONTENT, DESIGN, AUTHORS.....	106
<i>Oleshko V. F.</i> THE IMAGE OF A POLITICIAN IN THE FOCUS OF ATTENTION MASS MEDIA OF THE DIGITAL AGE.....	109
<i>Rodionova T. S.</i> FREELANCE CORRESPONDENCE IN A LOCAL NEWSPAPER AS A SOCIAL COMMUNICATION EXPERIENCE.....	114
<i>Susskaya O. A.</i> SENSE DIRECTION OF «TIMELESS» CHARACTERISTICS OF THE MEDIA SPACE.....	119
<i>Tulupov V. V.</i> CREATIVE SPECIALTY AT THE CLASSICAL UNIVERSITY.....	123
<i>Frolov V. V.</i> THE IMAGE OF GREAT BRITAIN ON THE PAGES OF THE MILITARY PERIODICAL «CHRONICLE OF THE WAR OF 1914–1917» IN THE EARLY YEARS OF THE FIRST WORLD WAR (1914–1915).....	129
<i>Eshkinina U. Yu.</i> TRANSFORMATION OF MODERN SPECIALIZED SPORTS MAGAZINES.....	133
SUBMISSION GUIDELINES.....	141

МЕМ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ

О. Н. Аксенова, Е. В. Швец

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 21 марта 2021 г.

Аннотация: развитие интернет-среды породило новые коммуникативно-социальные привычки. Среди них особое место занимают мемы, которые в настоящее время полностью интегрировали на веб-сайты и порталы. Распространение интернет-мема занимает от нескольких дней до нескольких лет, включая процесс его внедрения в традиционные области общения. Актуальные мемы сочетают в себе важное и смешное, порождают разные эмоции, что обеспечивается включением адресата в контекст и наличием определенных предварительных знаний.

Ключевые слова: мем, интернет-среда, интернет-коммуникация, социальные сети.

Abstract: the development of the Internet environment has given rise to new communicative and social habits. Among them, a special place is occupied by memes, which are now fully integrated into websites and portals. Distributing an Internet meme takes from several days to several years, including the process of its implementation in traditional areas of communication. Actual memes combine the important and the funny, give rise to different emotions, which is ensured by the inclusion of the addressee in the context and the presence of certain preliminary knowledge.

Keywords: meme, Internet environment, Internet communication, social networks.

В современном мире специфика интернет-коммуникации определяется глобальностью масштаба и возможностью практически мгновенного свободного распространения любой информации. Интернет имеет такие важные характеристики, как открытость, доступность и географическая независимость, децентрализация, оперативность, удобство, измеримость, персональный подход, интерактивность и др. [1, 69–73]. Глобальная электронная цивилизация, являясь отражением перемен и видоизменений окружающей действительности, продуцирует различные, порой весьма оригинальные текстовые и визуальные феномены. Чаще всего мы переносим реальное сообщение в интернет, но существует феномен, который проникает из интернет-пространства в нашу повседневную жизнь — это интернет-мем.

Слово «мем» означает любую единицу культурной информации, будь то идея, манера, образ действия или символ, передаваемую от человека к человеку в различных формах. Впервые в подобном значении термин был употреблен английским биологом Ричардом Докинзом в 1976 году. Он предположил, что вся культурная информация состоит из базовых единиц — мемов, как биологическая информация состоит из генов [2]. Став массовым и высоко популярным явлением, интернет-мем представляет собой уникальный феномен компьютерной коммуникации.

Интернет-мемы можно подразделить на визуальные (картинки) или визуально-словесные (картинка

+ текст), а также «языковые мемы», представляющие собой слова и фразы. В 2013 году на ежегодной интернет-премии «Webby Awards» награду «Мем года» получил Сердитый кот (Grumpy Cat). Grumpy Cat — интернет-прозвище кошки по кличке Тард, у которой вечно недовольное выражение мордочки. После того, как один из пользователей выложил ее снимок в интернете, фотография кошки «разлетелась» по сети.

В январе 2017 года, после размещения в интернете фотографии скульптуры *Homunculus loxodontus* голландской художницы Маргрит ван Бреворт, она стала популярным мемом в Рунете под именем «Ждун».

Примерами языковых мемов могут служить некоторые слитные написания слов, например, «ржунимагу» или литературные слова и словосочетания (в исковерканном написании), которым приписали особые значения: «аффтар жжот» (автор жжёт), «выпей йаду» (яду), «зачот» (зачёт) и др.

Спустя 44 года с момента появления мем несколько мутировал и приобрел ряд устойчивых признаков:

- привлекательность,
- легкость восприятия,
- потенциал виральности, который определяет, с какой вероятностью пользователи интернета захотят поделиться мемом [3].

Производятся и распространяются мемы в соответствии с несколькими целями общения: критиковать, комментировать, смешить людей, выразить негодование или удивление. Другой характеристикой мема является то, что он распространяется преиму-

щественно в социальных сетях в Интернете и имеет более или менее фиксированную структуру. С одной стороны, мем содержит некую информацию, несет сообщение, вовлекает в дискуссию. С другой, мем — это почти всегда эмоция. Недаром мем часто выступает в художественной форме: карикатура, песня, шутка [4]. Следовательно, он обычно легко распознается пользователями сети. Учитывая данные причины, ряд исследователей считают мем жанром интернет-коммуникации [5].

Сегодня мемы функционируют как индикатор мнений населения. Когда происходит событие национального или мирового масштаба, ожидается широкое распространение мемов по этому вопросу. В период эпидемии коронавируса в сети появилось множество мемов, посвященных этой проблеме. Например, в сети распространялась картинка обертки шоколадки «Аленка», на которой лицо девочки было закрыто маской, а шоколад был переименован в «Удаленка». Некоторые интернет-порталы создавали подборки популярных мемов, распространяемых в социальных сетях в разгар эпидемии. «Мем смешной, ситуация страшная» [6], — под таким заголовком была опубликована подборка мемов в сетевом журнале для женщин.

Новая форма общения использовалась для комментирования поступавшей информации о коронавирусе, методах профилактики и борьбы с болезнью. Эту проблему население считало актуальной. Особый интерес также обычно проявляется к фактам и событиям, которые касаются политики, футбола, повседневных фактов и жизни знаменитостей. Источники создания интернет-мемов весьма разнообразны: горячие новости в СМИ (иранские ракеты, челябинский метеорит), художественные работы (Мона Лиза), фильмы, персонажи аниме, сериалы, фразы отдельных пользователей или известные медийные личности и т.д.

Актуальные мемы сочетают в себе важное и смешное, активизируют нейроны мозга, отвечающие за разные эмоции. Возможность достижения комического эффекта при использовании интернет-мемов связана с включением адресата в контекст, наличием определенных предварительных знаний. Это связано с относительной хрупкостью существования мемов. Распространение интернет-мема занимает от нескольких дней до нескольких лет, включая процесс его внедрения в традиционные области общения (хотя многие мемы исчезают из активного использования, не становясь известными широкой аудитории). После этого процесс репликации замедляется или останавливается, мем попадает в категорию «старых мемов» и заменяется другими мемами. Следовательно, возможность понимания и достижения комического эффекта связана с определением культурных коннотаций, которые включают интернет-мемы. Адекватная интерпретация интернет-мемов

требует совпадения компонентов культурного багажа участников общения. Несовпадение элементов апперцептивной базы может привести к коммуникативному сбою — отсутствию комического эффекта.

Распространение мемов в социальных сетях сравнивают с распространением лесных пожаров [7]. Это связано в том числе и с таким явлением, как «мутация мемов», их последующей доработкой. Таким образом, творчество одного человека (например, создание персонажа) продолжается творчеством другого, который использует уже созданный образ, помещает его в нужный контекст (не всегда хороший с точки зрения создателя) и получает новый мем. В таких условиях некоторые создатели, чьи работы стали мемами, начали предъявлять иски (или угрожали предъявить иск) за использование их персонажей, которое им не нравится.

Мутирующие мемы требуют другого способа осмысления того, как сотворчество может быть допустимо и ценно. В противном случае, рассматривая каждое последующее изменение и использование мема как последовательно произведенную работу, можно прийти к ситуации, когда появятся многочисленные претензии на право собственности. Если рассматривать каждое изменение мема с точки зрения авторского права, то едва ли это будет способствовать развитию творчества. Кроме того, этот подход к мемам не в состоянии признать и учесть творческий вклад тех, кто преобразовал контент в мемы, придавая ему дополнительный коммуникативный смысл.

Сегодня мемы могут стать и иллюстрациями к информационному поводу. Созданием картинок в разных СМИ могут заниматься отдельные люди — пикчеры. Пикчер (от англ. Picture — картина) — это художник, который рисует для сайтов и соцсетей смешные актуальные картинки и мемы [8]. Пикчер обязан:

- разбираться в текущей ситуации в стране;
- ориентироваться в новых и актуальных мемах, чтобы на их основе создавать свои;
- знать целевую аудиторию сообщества, их вкусы и предпочтения, улавливать их настроение;
- понимать особенности соцсетей. Даже если новость одна и целевая аудитория одна, порой нужны разные картинки для ВКонтакте, Facebook, Инстаграма;
- быть оперативным: жизнь мема быстротечна;
- владеть Adobe Photoshop и другими графическими программами (Adobe Illustrator, Adobe Premiere Pro, Adobe After Effects и т.п.);
- иметь чувство юмора и креативность;
- хорошо владеть русским языком. Помимо надписей на картинках, пикчеры нередко пишут подводки к новостям, которые публикуются в соцсетях [9].

Использование мемов в контенте СМИ позволяет:

— увеличить лояльность читателя; текстовый формат новостей уже надоел, а вот картинка выглядит привлекательнее;

— повысить вовлеченность подписчиков. Если обычную новость пролистывают, то на яркой картинке заостряют внимание, лайкнут, репостнут, прокомментируют;

— привлечь новых читателей и подписчиков. Мемы, посвященные даже негативным явлениям в обществе, привлекают внимание. Шанс, что человек пройдет по ссылке, посмотрит посты и подпишется на паблик, значительно возрастает.

В настоящее время процесс создания мемов стал максимально простым и доступным с использованием платформ-генераторов мемов (например, buzza.ru, meme.ru, meme-arsenal.com, risovach.ru). Пользователь может создать свой мем, чтобы поделиться мыслями и чувствами о чем-то с друзьями, знакомыми, используя популярные картинки, сгруппированные по тематике, или загрузить свою картинку. Однако, приступая к мему-творчеству, стоит проанализировать аудиторию, среди которой будет распространяться мем, определить идею с учетом того, будет ли она актуальна и понята предполагаемой целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-СМИ: Теория и практика: учеб. пособие / под ред. М. М. Лукиной. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 348 с.
2. Болдырева А. Мемасики подъехали: что такое мемы и нужны ли смешные и не очень картинки в журналистике / А. Болдырева // Журналист. — 2018. — № 8. — Режим до-

Воронежский государственный технический университет

Аксенова О. Н., доцент кафедры «Связи с общественностью» культурно-просветительского факультета
E-mail: aksenova.on@mail.ru

Швец Е. В., доцент кафедры «Связи с общественностью» культурно-просветительского факультета
E-mail: shvetsel@mail.ru

ступа: <https://jrnlst.ru/mems> (дата обращения: 03.03.2021).

3. Гордовский Д. Что такое виральность контента и как ее использовать. — Режим доступа: <https://blog.calltouch.ru/chto-takoe-viralnost-kontenta-i-kak-ee-ispolzovat/> (дата обращения: 12.03.2021).

4. Фролов Д. А. Меметика: к вопросу о культурных генах. — Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/memetika-k-voprosu-o-kulturnykh-genakh> (дата обращения: 12.03.2021).

5. Крылов Ю. В., Стексова Т. И. Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) / Ю. В. Крылов, Т. И. Стексова. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-zhanry-internet-kommunikatsii-na-primere-demotivatora-i-mema> (дата обращения: 05.03.2021); Часовский Н. В. Интернетмем как особый жанр коммуникации // Ученые записки ЗабГУ. — 2015. — № 2(61). — С. 124–127.

6. Мем смешной, ситуация страшная. — Режим доступа: <https://hochu.ua/cat-relax/positiv/article-100326-mem-smeshnoy-situatsiya-strashnaya-samyie-veselyie-memyi-prokoronavirus-foto/> (дата обращения: 18.03.2021).

7. Stacey M. Lantagne Famous on the Internet: The Spectrum of Internet Memes and the Legal Challenge of Evolving Methods of Communication / M. Stacey. — Режим доступа: <https://lawreview.richmond.edu/files/2018/01/Lantagne-522.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

8. Кто такой пикчер? Сколько зарабатывает и чем занимается: обзор новой интернет-профессии — Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fsergeysmirnovblog.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

9. Кто такой пикчер? Сколько зарабатывает и чем занимается: обзор новой интернет-профессии — Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fsergeysmirnovblog.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

Voronezh State Technical University
Aksenova O. N., Associate Professor of the Department of Public Relations of the Cultural and Educational Faculty
E-mail: aksenova.on@mail.ru

Shvets E. V., Associate Professor of the Department of Public Relations of the Cultural and Educational Faculty
E-mail: shvetsel@mail.ru

МОТИВ ТОСКИ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «КЛАРА МИЛИЧ»

Д. С. Барицкий

Московская духовная академия

Поступила в редакцию 10 мая 2020 г.

Аннотация: в настоящей статье автор обращается к анализу эмоционально-ценностной ориентации повести И. С. Тургенева «Клара Милич» с целью выявления ее религиозного подтекста. Автор исходит из той методологической установки, согласно которой эмоционально-ценностная ориентация мысли и творчества И. С. Тургенева представляет собой взаимодействие двух ценностных иерархий, аксиологические доминанты которых, природа и человеческая личность, находятся в непримиримом конфликте. Типологически и генетически эти иерархии связаны с двумя типами религиозных парадигм – пантеистической и теистической. В рамках указанного взаимодействия важную роль занимает настроение тоски. Оно имеет метафизические основания и выполняет важную мировоззренческую функцию, а именно, является той точкой, в которой сосредоточено отношение повествования к альтернативным ценностным иерархиям и связанным с ними религиозным парадигмам. В цикле «таинственные повести» настроение тоски объективируется в один из ведущих мотивов. Анализ особенностей его формирования, структуры и функционирования на материале повести «Клара Милич» позволяет определить, с учетом какой именно аксиологической парадигмы организована область идейно-эмоциональной ориентации этого произведения, и выявить таким образом его религиозный подтекст.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «таинственные повести», «Клара Милич», любовь, природа, личность, вера, религия, тоска, уныние, пантеизм, теизм.

Abstract: in this article, the author addresses the analysis of the emotional-valuable orientation of Turgenev's novel «Klara Milich» in order to reveal its religious connotations. The author proceeds from the methodological approach according to which the emotional-valuable orientation of I.S. Turgenev's thought and work is the interaction of two value hierarchies, the axiological dominants of which, nature and the human personality, are in irreconcilable conflict. Typologically and genetically, these hierarchies are associated with two types of religious paradigms - pantheistic and theistic. Within this interaction, the mood of longing plays an important role. It has metaphysical bases and carries out the important world outlook function, namely, it is that point in which the narrative attitude to alternative value hierarchies and the religious paradigms connected with them is concentrated. In the cycle «mysterious stories», the mood of longing is objectified into one of the leading motives. The analysis of the peculiarities of its formation, structure and functioning on the material of the «Klara Milich» story makes it possible to determine, taking into account which axiological paradigm the area of ideological and emotional orientation of this work is organized and thus to reveal its religious connotation.

Keywords: I. S. Turgenev, «mysterious stories», «Clara Milich», love, nature, personality, faith, religion, longing, gloom, pantheism, theism.

И. С. Тургенев не является писателем религиозным в прямом смысле этого слова, но его творчество находится в диалоге с традицией религиозной веры. Для того чтобы это продемонстрировать, исследователи обращаются как к формально-содержательной стороне его произведений, так и к особенностям его мировоззрения. В настоящей статье мы ставим цель продемонстрировать, что религиозный подтекст творческого наследия И. С. Тургенева можно выявить, обратившись в том числе к области его «эмоционально-ценностной ориентации» [1, 10–12].

Нередко, определяя доминантную эмоцию творчества И. С. Тургенева, исследователи говорят о том, что для него характерна «трагическая установка духа» [2, электронный ресурс]. Суть трагического заключа-

ется в ощущении присутствия в мире неразрешимого конфликта между двумя равнозначными, но противоположными друг другу ценностями. В художественном мире И. С. Тургенева в такой резкий антагонизм вступают человек, который стремится реализовать свой личностный потенциал, и природа, которая навязывает ему совершенно противоположную модель бытия. Иными словами, каждое из этих начал предлагает и стремится утвердить определенную аксиологическую парадигму, предполагающую в свою очередь собственный «способ достижения бессмертия».

Наличие этого противостояния в творчестве И. С. Тургенева вполне можно объяснить, с одной стороны, его тяготением к пантеистическому мировосприятию, в основе которого лежит идея о преобладании безличного и всеобщего над личным; с другой стороны, влиянием на его мировосприятие теистической

парадигмы в лице восточно-христианской традиции, в основе которой лежат идеи преобладания личного над безличным, идея личного бессмертия, а также идея максимального утверждения и раскрытия личного начала через его жертвенное служение ближнему.

Тезис, который мы попытаемся обосновать, заключается в том, что настроение тоски, которое является ключевым элементом «эмоционально-ценностной ориентации» произведений И. С. Тургенева, имеет метафизические основания и выполняет важную мировоззренческую функцию, а именно, является той точкой, в которой, как в фокусе, сосредоточено отношение повествования к альтернативным ценностным иерархиям, которые, в свою очередь, в контексте мысли и творчества И. С. Тургенева восходят к пантеистическому и теистическому идеалу.

Этот тезис можно продемонстрировать на материале произведений цикла «таинственных повестей». В отличие от социальной проблематики, которая доминирует в романах, в этих повестях на первый план выходит проблематика религиозно-философская. Как заметил по этому поводу Б. И. Бурсов, «в романе Тургенев ставит человека преимущественно перед лицом своей эпохи в её общественном содержании, в повести — перед вечностью» [3, 376]. Кроме того, в отличие от романов, для которых характерно эпическое восприятие действительности [4; 6; 8], эмоционально-ценностная ориентация этих произведений в силу их жанрового своеобразия имеет ярко выраженную трагическую направленность. То есть конфликт между двумя ценностными иерархиями (а по сути, между двумя религиозными парадигмами, теистической и пантеистической), а также отношение повествования к каждой из них представлены здесь максимально наглядно.

Материалом нашего исследования станет одна из самых известных повестей цикла — «Клара Милич» (1882). Настроение тоски является здесь ведущим эмоциональным мотивом. Наша задача заключается в том, чтобы выявить причины его формирования, а также определить особенности его функционирования с точки зрения духовно-нравственной проблематики произведения.

Повесть «Клара Милич» («После смерти») (1882) — самое позднее произведение, которое исследователи относят к циклу «таинственных повестей». Несмотря на то, что в основу сюжета была положена реальная история молодой талантливой певицы Е. П. Кадминой и В. Д. Аленицына, любовь которого к актрисе (принявшей яд прямо на сцене) после ее смерти приняла форму психоза, в художественном переложении И. С. Тургенева эта история тесным образом становится связана с центральной проблематикой всего творчества писателя — противостояние природы и человеческой личности. Соответственно и настроение тоски также играет в произведении огромную роль.

В фокусе авторского внимания оказываются таинственные силы. Эта тема вводится практически

с первых же строк. По словам рассказчика, главный герой верил, что «существуют в природе и в душе человеческой тайны, которые можно иногда прозревать, но постигнуть — невозможно, верил в присутствие некоторых сил и веяний, иногда благосклонных, но чаще враждебных» [5, 69]. Повесть есть не что иное, как иллюстрация действия этих сил в жизни двух героев — Якова Аратова и Клары Милич.

С наибольшей силой природное начало сконцентрировано в образе Клары, женщине «демонического» типа [6]. Она воплощение необузданной природной стихии. Об этом говорит уже сам ее портрет. И. С. Тургенев использует характерный для своих повестей прием — наделяет героиню восточными чертами. Ее лицо было «смуглое, не то еврейского, не то цыганского типа, глаза небольшие, черные, под густыми, почти сросшимися бровями <...> Натура страстная, своевольная — и едва ли добрая, едва ли очень умная — но даровитая — сказывалась во всем» [5, 75]. Взгляд у Клары «темный» и «пристальный» [5, 75]. Первоначально на Аратова она производит неприятное впечатление: «черномазая, смуглая, с грубыми волосами, с усиками на губе, она, наверно, недобрая, взбалмошная... “Цыганка”» [5, 79]. Не случайно и то, что «перевитая лентой густая коса падала змеей на обнаженную руку» [5, 99]. Сравнение со змеей — деталь, которая не раз встречается в произведениях цикла при характеристике «природных» персонажей. Это же стихийное природное начало проявляется и в ее своенравном, независимом характере. По словам Анны, сестры Клары, в детстве она была, «несомненно, неприятным ребенком; и в девушках она была не многим мягче: своевольная, вспыльчивая, самолюбивая» [5, 98]. «Она была вся — огонь, вся — страсть и вся — противоречие» [5, 98]. Даже отец Клары, словно прозревая темную сущность своей дочери, называет ее «бесенок черномазый» [5, 99] — опять же характеристика, которой наделяются в художественном мире И. С. Тургенева персонажи, олицетворяющие темную природную стихию.

О том, что Клара является медиумом таинственных сил, свидетельствует и то, что она будто не имеет собственной воли. Не случайно героя поражает нечеловеческая «неподвижность» [5, 76] ее лица, лба и бровей. А когда Купфер, товарищ Аратова, восхищается душевными качествами Клары, тот про себя отмечает: «“Душа! С таким неподвижным лицом!” Он находил, что она и держится и движется, как намагнетизированная, как сомнамбула» [5, 77].

Те силы, которые действуют через Клару, вторгаются в судьбу Аратова под видом любовного чувства. Мы видим, как постепенно оно подчиняет героя себе вопреки его воле. Аратов начинает ощущать это с первой же встречи с Klarой, после которой он унес в душе «смутное и тяжелое впечатление» [5, 72]. Повторно встретив девушку на литературно-музыкальном вечере, где она читала письмо Татьяны Евгению Онегину, он теряет покой. Ее чтение «как будто на-

рушало что-то в нем, являлось каким-то насилием» [5, 78]. Постепенно Яков все больше начинает ощущать, что нечто «тяжелое и темное тайно сопровождало его на всех его путях. Так большая, только что пойманная на крючок, но еще не выхваченная рыба плывет по дну глубокой реки под самой той лодкой, на которой сидит рыбак с крепкой лесой в руке» [5, 86]. Мысль о том, что Клара насильно овладевает Аратовым, проходит лейтмотивом через всю повесть и является одной из причин формирования в ней настроения тоски. После смерти Клары это ощущение порабощенности становится все явственней, пока однажды ночью Яков не понимает, что «в него что-то внедрилось... что-то завладело им» [5, 94]. В итоге сам он осознает, что «в ее власти... он не принадлежит себе более. Он взят» [5, 103]. При этом связь с девушкой первоначально не доставляет Аратову удовольствия. В этом смысле отношения между молодыми людьми чем-то напоминают отношения между героями повести «Призраки». Таинственная незнакомка является рассказчику каждую ночь, путешествует с ним, переносит его с места на место, овладевает им и словно вампир капля за каплей высасывает из него жизнь, чтобы стать полнокровным живым существом. Однако до конца ей сделать этого все же не удается. В «Кларе Милич» все заканчивается иначе. Призрак в такой степени завладевает Аратовым, что забирает его с собой, в область смерти.

Это темная, inferнальная сторона повести. Она наполняет отношения Клары и Аратова тяжелым, гнетущим чувством, глубокой тоской от того, что человек не властен над своей жизнью и смертью, но вынужден подчиняться силам до конца ему неясным и непонятым. То чувство, которым Клара привязывает Аратова к себе, становится для него источником страдания: «В его мольбе, в искаженных чертах его лица было что-то до того отчаянное, что оно походило даже на злобу, на страдание. Да он и страдал действительно. Он словно сам не мог предвидеть, что над ним стряется такая беда,— и раздраженно молил о пощаде, о спасении» [5, 101]. Однако силы природы имеют безраздельную власть над жизнью человека, а потому спасение ждать неоткуда. Именно поэтому Платоша, тетка Аратова, видя перемену в своем племяннике, который пребывает словно «в каком-то оцепенении» [5, 95], «до того растерялась, что даже обычной молитвы своей не произносила. В такой беде и Господь Бог помочь не мог!» [5, 95] Весьма знаменательное замечание: глядя на то, как человек страдает и вынужден подчиняться безликому, часто враждебному началу, Небо молчит. В этом контексте глубоко символично и то замечание, которое делает Анна, сестра Клары. По ее словам, Клара «верила в судьбу и не верила в Бога» [5, 98]. Ведь там, где есть место вере в личное, заинтересованное в тебе Начало, нет места действию безликого фатума и игре равнодушных сил с человеческой судьбой. И наоборот.

Трагизм и настроение тоски усиливаются благодаря тому, что безликая и равнодушная природа получает власть над существом чистым. Аратов именно такой человек. Он «и душой и телом был девственник» [5, 78], отличался «душевной чистотой», «идеальностью» [5, 69], что привлекало к нему окружающих людей. В этом молодой человек похож на свою мать, о которой Платоша говорит: «мать твоя была голубка» [5, 81]. Аратов и живет затворником, словно оберегая себя для чего-то возвышенного. Его пренебрежение тем, в чем находит удовлетворение большинство людей, таково, что Купфер даже замечает ему: «Нравственность — дело хорошее, почтенное... Но зачем же в аскетизм вдаваться? Не в монахи же ты себя готовишь!» [5, 71] Безусловно, в этом образ героя типологически схож с образом тургеневской девушки, является его вариантом. Более того. В своей статье К. В. Лазарева показывает, что подобная характеристика Аратова коренится именно в области христианской культуры. И. С. Тургенев, по ее словам, наделяет героя чертами тех, кого в христианской книжности именуют «тайнозрителями» [7, 50].

Действие враждебной природной стихии, которая подчиняет человека себе против его воли, раскрывается не только в связи с темой любви. В повести присутствует также тема судьбы и фатальной обреченности человеческого существа. В первую очередь она связана с образом Клары. Ее образ амбивалентен, что часто встречается на страницах «таинственных повестей». С одной стороны, она представитель природной стихии, с другой — ее жертва. А потому она совмещает в себе черты темного природного начала и начала светлого, чистого. Сестра считает Клару настолько безупречной, что даже не находит человека, который мог бы быть ее достоин. Ведь мало «кто дорос до того идеала честности, правдивости, чистоты, главное, чистоты, который, при всех ее недостатках, постоянно носился перед нею» [5, 100]. Этот высокий порыв Клары исследователи сравнивают с религиозными исканиями Софи из «Странной истории». По замечанию А. Б. Муратова, для обеих девушек характерно «представление об универсальной испорченности мира и, как следствие, отгороженность от него, напряженность поисков идеала, красоты, бескомпромиссность в отношении к себе и к людям» [8, электронный ресурс]. Именно презрительное отношение к тому, что составляет пошлость этой жизни, устремленность к идеалу и одновременно невозможность его достичь и становятся для девушки причиной страдания и смерти.

В этом опять же мы видим параллель с сюжетом «Призраков», где героиня не просто темное inferнальное существо, но и та, кто хочет стать полнокровным человеком. Подобно таинственной незнакомке Клара не может до конца материализоваться, не может зажить полноценно. Эта полнота, которая есть жизнь по своей воле, связана для нее с раскрытием личностного потенциала. Другое счастье для нее не-

мыслимо: «Не могу жить, как хочу, так и не надо...» [5, 100] Не случайно она была даровитая актриса. Ведь именно в искусстве, по мысли И. С. Тургенева, человек хоть на мгновение обретает бессмертие и реализует свой личностный потенциал. Однако в первую очередь для Клары жить по своей воле означает быть вместе с любимым человеком.

Не получив этого, Клара тоскует, что отражается во всем ее облике. «Выражение унылости» было разлито «по всем ее строгим чертам» [5, 77]. «Какие у нее трагические глаза» [5, 75], — замечает один из персонажей повести. Унылость чувствуется в самом ее голосе [5, 78], и чем стремительней развивается сюжет, чем ближе к смерти она приближается, тем это состояние сильнее. В одну из последних встреч Купфер «большую перемену в ней заметил: скучная такая стала, молчит, по целым часам слова от нее не добьешься» [5, 89]. Эту печаль и тоску чистого, возвышенного существа видит в ее лице и сам Аратов во время их единственного свидания при жизни Клары: «он увидал такое испуганное, такое глубоко опечаленное лицо, с такими светлыми большими слезами на глазах, с таким горестным выражением вокруг раскрытых губ — и так было это лицо прекрасно, что он невольно запнулся и сам почувствовал нечто вроде испуга и сожаления и умиления» [5, 84].

Не удается Кларе полноценно зажить и после своей смерти. И после нее она словно остается во власти неведомых сил, и вынуждена влачить без своего любимого тоскливое призрачное существование, которое началось еще на земле. Именно поэтому при появлении ее призрака Аратову слышится, что «кто-то говорит по-русски, торопливо, жалобно — и невнятно» [5, 106], издает «протяжные звуки... как бы стоны» [5, 106].

Безусловно, эта личная трагедия имеет не бытовые причины. Это результат действия универсального мирового закона, согласно которому, не суждено человеку в этой жизни в полноте овладеть счастьем. Поэтому Клара чувствует свою фатальную обреченность. «Своей судьбы не минуешь» [5, 99], — говорит она сестре перед расставанием. Это замечают и окружающие. «У Кати словно на роду было написано, что она будет несчастна» [5, 100], — говорит ее сестра. «Несчастливая Клара» [5, 79], — не раз повторяет Аратов на протяжении повести.

Итак, если в жизни Аратова темная природная сила проявляет себя в любовном влечении, которое связывает его против воли с Klarой, то в жизни самой Клары эта сила не позволяет ей удовлетворить высокие духовные запросы, наиболее важным из которых является способность любить и быть любимой. В обоих случаях мы имеем дело с подавлением личного начала, что и является основной причиной возникновения мотива тоски на страницах повести.

И все же идейно-эмоциональное содержание произведения включает в себя не только настроение бе-

зыходной тоски и уныния. Подобно образу Клары, тема любви также характеризуется амбивалентностью. Любовь не только темный морок, проявление равнодушной природной силы, которая детерминирует человека. Это еще и светлое, возвышенное чувство, которое преодолевает инерцию природы и тесным образом связано с настроением надежды и светлой печали, «тоски по» тому миру, где человеческая личность может получить удовлетворение своих духовных запросов. Тесным образом эта идея связана именно с линией главного героя. Именно поэтому в начале повести в Аратове живет не только «смутное и тяжелое» предчувствие, он ощущает, что надвигается «нечто значительное» [5, 72]. По словам А. Б. Муратова, «Аратов ощущает губительную власть любви как проявление Неведомого, но это лишь этап в его собственном духовном “прозрении”» [8, электронный ресурс].

Источник той силы, которая стала причиной «магнетизма» двух душ, Аратов постепенно начинает видеть не в безликих силах природы, но в своей собственной девственной чистоте и непорочности Клары. «“Нетронутая!” внезапно поразило его... Словно что и обожгло и осветило. — Да, — промолвил он громко, — она нетронутая — и я нетронутый... Вот что дало ей эту власть!» [5, 105] Метания и тоска Аратова по Кларе в этом аспекте сродни не унынию, а скорее восторженному предчувствию обретения полноты счастья. «Аратов имел вид человека, который узнал великую, для него очень приятную тайну — и ревниво держит и хранит ее про себя» [5, 115]. Клара из мучительницы становится для него чем-то очень родным и ассоциируется с источником тепла. Этот мотив проступает в их отношениях с самого начала, когда в ее неподвижном облике он заметит одну деталь: «сквозь едва раскрытые губы тепло сверкнул ряд белых, тесно поставленных зубов» [5, 76]. И потом он повторяется еще несколько раз, как, например, в сцене их единственного свидания: «ему почудилось, что кто-то подошел и близко стал сзади его... чем-то теплым повеяло оттуда... Он оглянулся... Она!» [5, 82]

Более того, тесным образом тема любви в этом ее аспекте соприкасается с темой смерти и человеческого бессмертия [9]. Именно переживание связи с Klarой после ее смерти побуждает Аратова размышлять о свойствах человеческой души. Сам себе он признается, что явление девушки, с одной стороны, напугало бы его. Однако, с другой стороны, — он обрадовался бы ему, так как «это было бы доказательством, что есть другой мир, что душа бессмертна!» [5, 106]. И далее мы видим, что по мере того, как крепнет связь между ним и Klarой, страх смерти постепенно исчезает у Аратова. Она мыслится им как неизбежный этап, который необходимо преодолеть на пути к счастью. «Умереть — так умереть. Смерть теперь не страшит меня нисколько. Уничтожить она меня ведь не может? Напротив, только так и там я буду счастлив... как

не был счастлив в жизни, как и она не была» [5, 115]. Как замечает по этому поводу А. Б. Муратов, «тургеневский герой утверждает в мысли о величии любовного чувства, красоты его, даже если оно доставляет человеку страдания и приносит смерть. Вся повесть строится в соответствии с этой идеей. Аратов в конце концов подчиняется любовной власти с радостным чувством; любовь побеждает смерть и торжествует над нею» [8, электронный ресурс].

Эти переживания очевидным образом связаны в сознании героя не с темной мистикой. В художественном пространстве текста они получают религиозное измерение и конфессиональную интерпретацию, благодаря отсылкам к библейскому тексту. Именно в том опыте, который зафиксирован в Священном Писании, Аратов находит поддержку своим переживаниям. «Мысли о бессмертии души, о жизни за гробом снова посетили его. Разве не сказано в Библии: “Смерть, где жало твое?” <...> Библейское изречение особенно подействовало на Аратова» [5, 105].

Итак, власть, которая связала Клару и Аратова, переживается героем не только как вторжение в его жизнь «Неведомого», враждебных сил природной стихии. Наряду с этим это и власть любви в Евангельском смысле: «“Большее сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за друга своя...” Он подумал: “Не так сказано. Надо было сказать “Большее сея власти никто же имать...”» [5, 105] Аратов провозглашает здесь одно из фундаментальных положений христианской религии. Подлинная сила и власть — это любовь. Именно это показал Своей жизнью и смертью Христос. Истинная любовь связывает людей так крепко, что способна преодолеть саму смерть, которой перед ее лицом просто не существует. Безусловно, речь идет не просто о любви, как половом влечении между мужчиной и женщиной. Но скорее о том фундаменте, на котором основывается само бытие в различных его проявлениях. На наш взгляд, отношения между Аратовым и Кларой во многом демонстрируют именно эту идею. Вспомним, что Клара при жизни совершенно не привлекала Аратова как женщина. Влечение, которое возникло после ее смерти и описание его чувственных проявлений (Аратов «вспоминал он тот поцелуй... и чудный холод быстро и сладко пробегал по всем его членам» [5, 115]) — скорее способ указать на более глубокую связь, которая глубже всяких чувств и самой сексуальности и которая может возникнуть только при условии душевной чистоты и непорочности.

С особой силой тема торжествующей любви и ее победы над смертью проявляет себя в финальной сцене повести. Умирая, Аратов обращается к Платоше: «Тетя, что ты плачешь? тому, что я умереть должен? Да разве ты не знаешь, что любовь сильнее смерти? Смерть! Смерть, где жало твое? Не плакать, а радоваться должно — так же, как и я радуюсь» [5, 117]. «Смерть, где твое жало?» — первая половина

цитаты из послания апостола Павла к Коринфянам (1 Кор. 15:55). Она имеет продолжение: «ад, где твоя победа?» В данном случае возникает аллюзия на пасхальное богослужение. Ведь именно в таком цельном виде эта цитата приводится в «Слове огласительном на Святую Пасху» свт. Иоанна Златоустого, которое по богослужебной традиции Православной Церкви читается перед праздничной Литургией. Именно эта радость Пасхи как преодоления смерти венчает собой земные метания Клары и Аратова, и вместе с тем дает надежду на обретение человеком счастья там, за пределом жизни. Предчувствуя это, Аратов и говорит Платоше: «Я счастлив» [5, 114]. А перед самой смертью сообщает ей «о заключенном, о совершенном браке; о том, что он знает теперь, что такое наслаждение» [5, 117].

Так возникает мотив всепримиряющей смерти, который нам знаком по финальной сцене романа «Отцы и дети» и который не раз повторяется в цикле «таинственных повестей» (в первую очередь в повестях «Фауст», «Несчастливая», «Рассказ отца Алексея», «Бригадир»). Лишь после смерти человек способен достичь того, к чему он стремится как существо личное и бессмертное, а также испытать то состояние, которое в этой жизни ему не дано пережить. Поэтому первоначально повесть и носила название «После смерти», что в большей степени, по мысли ряда исследователей [5, 426], отображает замысел писателя. Намек на то, что главное событие истории выходит за пределы этой жизни и развернется там, за порогом смерти. Здесь же, на земле, царствует закон равнодушной природы. Поэтому и заключается повесть взглядом на происходящее с точки зрения Платоши [10, 85–86], для которой этот высокий опыт пока закрыт: «И опять на лице умирающего засияла та блаженная улыбка, от которой так жутко становилось бедной старухе» [5, 116].

Таким образом, сюжет повести можно рассматривать как историю внутренней трансформации героя. Если в начале произведения перед нами «впечатлительный», «нервный» и «мнительный» юноша, который подобно Гамлету [11] заиклен на самом себе и с подозрением относится ко всему иррациональному, то в финале мы видим человека, который полностью отдается любовному чувству, весь превращается в порыв, на который способны лишь Дон-Кихоты, люди веры и долга. То, к чему он вначале относился скептически, с неприязнью, открывает ему свою подлинную глубину и красоту и помогает реализовать себя, пусть и после смерти, как личностное начало. Этим обусловлена и эмоциональная динамика повествования: настроение тоски-уныния сменяется настроением тоски-надежды. Однако поскольку описываемые события даны также с точки зрения няни Аратова, Платоши, и самой Клары, тоскливая тональность в ее отрицательном аспекте присутствует в повести до самого конца.

Итак, в художественном пространстве повести «Клара Милич» настроение тоски тесным образом связано с образной системой произведения, участвует в развитии сюжета и возникает по той причине, что в этом мире господствуют природные силы, которые мыслятся как враждебные по отношению к человеку. Они вторгаются в его жизнь под видом таинственных сил. Последние представлены как любовное чувство, насильственно порабощающее человеческую волю, а также под видом судьбы, которая не дает возможности обрести счастье здесь, на земле. Как любовь, так и судьба не позволяют человеку реализовать себя как личностное существо, но делают его подобным сомнамбуле. Тесным образом любовь соседствует со смертью, которая вселяет ужас в сердца людей. В ситуации тотальной власти этих природных сил в мире человек не в силах реализовать свое высоко духовное достоинство, связанное с личным бытием. Свое отношение к этому аспекту любовного чувства повествование передает посредством настроения тоски-уныния.

Однако, с другой стороны, мотив тоски структурно неоднороден и содержит в себе настроение надежды, которое обогащается мотивами радостного предчувствия. Подобное настроение также непосредственно связано с любовным чувством, которое представлено в произведении как нечто светлое, возвышенное, доступное лишь тем, кто чист душой и телом. Такая любовь побеждает смерть, помогает человеку преодолеть инертность природы и собственного эгоистического «я» и в результате становится для него источником счастья, а также опытом, в котором он обретает себя как бессмертная, свободная личность. Речь идет о любви жертвенной, преображающей. В данном случае писатель подходит к одной из глубочайших христианских интуиций. Смерть мыслится всего лишь как переход в иной мир, в котором человек и может обрести желаемое счастье, реализовать себя как личность, чей духовный потенциал неисчерпаем. Смерть перестает быть страшным, жутким событием. Как замечает по этому поводу В. Н. Топоров, она «открывает путь к свободе, к освобождению от уз времени <...> Смерть, как и любовь, открывает возможность вхождения в вечность. Именно через любовь жизнь и смерть взаимосвязаны на последней их глубине и придают друг другу особое значение, чем неотвратимей смерть, тем выше цена жизни, определяемая ее смыслом» [12, 55]. Именно мотив любви, побеждающей смерть, а также мотив смерти как примирения сообщает произведению настроение надежды, благодаря чему унылая тональность повествования обогащается оптимистическими настроениями.

Итак, мотив тоски представлен в своем динамиче-

ском аспекте: «тоска от» тесным образом переплетается с «тоской по». Обе имеют метафизическое основания и глубоко укоренены в теистической парадигме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций / Т. А. Касаткина. — М.: Наследие, 1996. — 336 с.
2. Зеньковский В. В. Миросозерцание И. С. Тургенева / В. В. Зеньковский // Издательство «Русский путь». [Электронный ресурс] URL: https://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php#_edn7 (дата обращения: 20.01.2021).
3. Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы. — Л.: Сов. писатель, 1967. — 396 с.
4. Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева / И. А. Беляева. — М.: Изд-во МГПУ, 2005. — 252 с.
5. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / Тургенев И. С. — АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). — М.: Наука, 1982. — Т. 10. Повести и рассказы 1881–1883; Стихотворения в прозе 1979–1883; Произведения разных годов. — 608 с.
6. Дедюхина О. В. Образ демонической женщины в повестях И. С. Тургенева / О. В. Дедюхина // Интерактивная наука. — Чебоксары: Изд-во ООО Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2016. — № 10. — С. 105–108.
7. Лазарева К. В. Традиции жанра видений в повести И. С. Тургенева «Клара Милич (После смерти)» / К. В. Лазарева // Спасский вестник. — Спасское-Лутовиново: Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново», 2005. — № 12. — С. 49–53.
8. Муратов А. Б. Тургенев-новеллист / А. Б. Муратов. — Режим доступа: <http://i-s-turgenev.ru/books/item/f00/s00/z0000014/st000.shtml> (дата обращения: 20.01.2021).
9. Сенькина Ю. Н. Тургеневская концепция любви в интерпретации ученых / Ю. Н. Сенькина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — № 101. — С. 183–188.
10. Федунина О. В. Функции снов и видений в «Кларе Милич» И. С. Тургенева (специфика сюжета и жанровая традиция) / О. В. Федунина // Новый филологический вестник. — М.: Изд-во ООО «Смелый дизайн», 2008. — № 1 (6). — С. 85–86.
11. Хрисанова А. П. Реализация психологического сюжета в «таинственной» повести И. С. Тургенева «Клара Милич» / А. П. Хрисанова, О. Ю. Саленко // Научные труды молодых ученых-филологов XIV. — М.: Изд-во МПГУ, 2015. — С. 76–81.
12. Топоров В. Н. Странный Тургенев (четыре главы) / В. Н. Топоров. — М.: РГГУ, 1998. — 192 с.

Московская духовная академия
Барцкиий Д. С., кандидат богословия, доцент кафедры
филологии
E-mail: Baricky1981@yandex.ru

Moscow Theological Academy
Baritskii D. S., Candidate of Theology, Associate Professor of
the Department of Philology
E-mail: Baricky1981@yandex.ru

КНИГИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ В ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ М. КАРАСИКА¹

П. В. Бобровская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 мая 2020 г.

Аннотация: статья посвящена книгам современных поэтов, представленным в творческой практике Михаила Семеновича Карасика. Приводится анализ иллюстрированных сборников по произведениям Б. Л. Пастернака и Д. И. Хармса.

Ключевые слова: книга художника, поэзия, авангард.

Abstract: the article is devoted to the books of modern poets presented in the creative practice of Mikhail Semenovich Karasik. The article provides an analysis of illustrated collections based on the works of B. L. Pasternak and D. I. Kharms.

Keywords: artist's book, poetry, avant-garde.

Михаил Семенович Карасик — центральная фигура в отечественной версии направления «книга художника». Он родился в 1953 году в Ленинграде. Окончил художественно-графический факультет Ленинградского Государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Уже в конце 1980-х годов он создал свою первую книгу. С этой книги начался его творческий путь художника-экспериментатора. Всего он создал более 80 «книг художника». Стоит отметить, что Карасик был не только практиком, но и теоретиком «книги художника». В рамках данного направления он вел активную исследовательскую и популяризаторскую деятельность. С 1978 года он участвовал в выставках, в 1988 году вступил в Союз художников. В 1993 году Карасик был принят в члены международного Гутенберговского общества. Книги, созданные Карасиком, представлены во всех крупнейших книгохранилищах мира, включая Британскую библиотеку и библиотеку МоМА в Нью-Йорке.

Михаил Семенович отмечал, что главным связующим звеном между литературой и изобразительным искусством является иллюстрация. С развитием книжной практики иллюстрация, которая зародилась как вспомогательный элемент, становится самоценной. В связи с этим Карасик разделял книги на два типа: книги для чтения и книги для просмотра. Магистральным направлением его профессиональной деятельности стала «книга художника». В интервью для газеты «Педагогические вести» Карасик определил «книгу художника» как книжный объект, который создается от начала и до конца самим художником: графика, иллюстрации, текст, макет [8; 57]. Главным качеством такой книги становится оригинальность, при всем стремлении к рекламе и коммерческому успеху такая

книга прежде всего ориентирована на своего ценителя. В статье «Нечаянный ренессанс» Михаил Семенович дал характеристику этому арт-явлению: «Книга художника — предмет для посвященных, однако она популярна и любима, и, хотя предназначена для немногих, но о ней знают все. Одни ее делают, другие коллекционируют, третьи рассматривают на выставках. Эта книга реально существует, и в то же время она — миф» [5].

В статье «Типографская “питёрка действ”» Карасик рассмотрел предпосылки формирования направления «книга художника», он писал: «Начало XX века, 1910–1920-е годы — самый яркий и интенсивный период в русском и западном искусстве, период открытий и экспериментов. В полной мере это относится к оформлению книги и типографской печатной продукции, которое до этого играло сугубо служебную роль, не возвышаясь до искусства и не претендуя на особое художественное творчество» [1]. Первым толчком для новой художественной мысли стали эксперименты футуристов. Они предложили новый графический образ слова, страницы и самого издания, провозгласив свои эксперименты «типографской революцией». Основная идея футуристов заключалась в привнесении на страницы книги стратегий других видов визуальных и синтетических искусств: живопись, театр, плакат, декламация, кино. Михаил Семенович писал: «Главным средством для реализации таких изданий, как книга-стихокартина, книга-плакат, книга-партитура, книга-фильм послужил собственный полиграфический материал — набор, а также фотоиллюстрация и фотомонтаж. Благодаря типографике слово обрело звучание, интонации, ритм, энергию. Теперь образ книги формировали не книжные «украшения» и картинки-иллюстрации, против которых выступал Маринетти, а типографская аранжировка текста» [1].

Примером «звучного текста» стал сборник стихотворений В. В. Маяковского «Я!» с рисунками Чекрыгина и Л. Ш., изданный в 1913 году. Произведение «По мостовой моей души» стало первым в композиции

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00205.

сборника, расположение слов в данном произведении способствует созданию эффекта «звучности» текста:

По мостовой моей души
 изъезженной
 шаги помешанных
 вьют жестких фраз пяты.
 Где
 города
 повешены
 и в петле облака застыли
 башен кривые
 Выи —
 Иду один рыдать что перекрестком
 Распяты
 Города =
 ВЫЕ [8].

Стоит отметить, что футуристы не только предложили отказаться от тенденций «старого искусства», они разработали новые материалы и техники оформления книги. Новые материалы осложняли процесс создания и гармонизации книги, но вместе с тем наделяли ее совершенно новыми художественными свойствами. Футуристы предложили заменить фотомеханические репродукции иллюстраций на «кустарные» художественные типы печати: литография, гравюра на дереве, резиновые штампы, стеклогравюра, а традиционные материалы на газетную бумагу, обои, картон и цветную фольгу. Теоретические положения нашли свое отражение в практической деятельности футуристов, например, Василий Каменский создавал книги на обоях. Обои достаточно сложный материал, они слишком тонкие и, в связи с этим, страницы пропускают краску при печати, также этот материал трудно нарезать и формировать в переплет. Однако при всей своей сложности обои способствуют формированию принципиально нового композиционного строя печатной страницы. Самыми известными работами Каменского стали «Нагой среди одетых» 1914 г. и «Танго с коровами» 1914 г. Еще одной предпосылкой для развития книжного искусства в целом и «книги художника» в частности стали эксперименты конструктивистов с типографским набором. В этой связи Карасик выделил книгу «17 ерундовых орудий» Игоря Терентьева и сборник стихов Владимира Маяковского «Для голоса», сконструированный Эль Лисицким в 1923 году. В статье «Типографская “питёрка дейстф”» Михаил Семенович резюмировал: «Начиная с 1910-х годов типографика становится инструментом в прочтении слова, делает его зримым, находит для него точный графический образ, выделяет главное, создает текст в тексте. В 1920-е годы в качестве визуализации содержания на помощь типографике приходят фотоиллюстрация и фотомонтаж. Теперь новый тип книги включает в себя методики плаката, агитационного искусства, фильма, превращаясь в интермедийальный продукт, максимально отражающий свое время» [1].

В качестве отправной точки для отечественного варианта «книги художника» Михаил Семенович в интервью к каталогу Марсельской выставки обозначил выставку 1990 года, прошедшую в Российской Национальной библиотеке в Ленинграде в зале эстампов. С момента возникновения на отечественной почве «книга художника» пережила три волны интереса. Наиболее перспективной, по мнению Карасика, стала третья волна, которая смогла преодолеть «высокомерие» авторских техник офорта, литографии и ксилографии, а также предложила новый инструментарий, включающий в себя компьютерные графические программы. За годы своего существования «книга художника» позволила значительно расширить границы графики и сделала книгу более свободным и независимым искусством.

Концепция «книги художника» Карасика строится на идее трансляции личного опыта и постоянном поиске новых материалов, тем и способов их воплощения. В своей деятельности Карасик позиционировал книгу прежде всего как художественный объект. Работы Михаила Семеновича, как правило, предназначались для выставочных демонстраций, что давало ему большую свободу творчества. Сам Карасик в интервью для интернет-журнала «Папмамбук» отмечал, что главное в «книге художника» — это воля художника [3]. В этом же интервью он продемонстрировал несколько своих работ, отражающих его концепцию «книги художника». Одной из них была книга «Рукавица. Эссе», изданная в 2001 году. Это произведение на первый взгляд имеет традиционную книжную форму, однако первичная форма, с которой контактирует реципиент, является лишь футляром. Карасик называл подобные экземпляры «книги-обманки». Обложкой этой книги являются реальные рукавицы, которые своей формой задали весь внутренний строй печатного произведения. Книга посвящена истории рукавицы в России. Основная ее идея — актуализация национальной культуры, монолог о знаковом объекте, уходящем в прошлое. В книге присутствует автобиографическое начало, повествующее о личном опыте Карасика: «У меня дома тоже есть рабочие рукавицы. Я всегда надеваю их, когда шлифую литографские камни» [3]. Отечественный искусствовед Ирина Нисоновна Карасик, описывая «книгу художника» Михаила Семеновича, отмечает: «Осознанно или нет, но Михаил Карасик в своем творчестве постоянно ведет спор с традициями концептуализма. Его искусство тоже существует «между букв» и уже потому не может восприниматься вне этого опыта. Художники концептуального направления работают с чужим языком и на чужом языке, исследуя феном типологического сознания — общественного или частного. Карасик предпочитает говорить о себе и о своей жизни, всемерно подчеркивая интимный, доверительный характер разговора» [2].

«Книга художника» в первую очередь — произведение графического искусства, потому что создается

с помощью различных графических техник. В связи с этим сам Карасик определил «книгу художника» как книгу для просмотра, но он также отметил, что даже в таком ракурсе принципиально важной оказывается связь «книги художника» с литературой. Говоря об этой связи, Карасик отмечал, что в его творческой практике литература стала ориентиром и источником вдохновения. В его «книге художника» свое отражение нашли стихотворения И. А. Бродского, Д. И. Хармса, Б. Л. Пастернака, А. А. Ахматовой.

Одной из первых «книг художника» Карасика, посвященной творчеству современных поэтов, стала книга «Маленький пловец», созданная совместно с поэтом Николаем Михайловичем Кононовым. Книга была издана в 1989 году в Ленинграде. Книга была напечатана литографским способом на плакате работы В. Трубанова. Плакат был разделен на фрагменты, которые далее были сброшюрованы бечёвкой в книжную форму. Графические элементы, фрагментарно представленные на страницах книги, были дополнены текстом Кононова и рисунками Карасика. Визуальный строй книги отсылает к конструктивистским работам Эль Лисицкого, оригинальность книге придает текст — прописной, напечатанный литографским способом, словно написан от руки. В выходных данных книги указан тираж в 46 экземпляров. Карасик так писал об этой книге: «Два лирика всерьез, но и не без иронии, как это случалось у поэтов и художников в былые времена, решили заняться авангардной книгой. Нам повезло: после полугодовой охоты по магазинам политплаката удалось купить замечательный и актуальный плакат «Перестройка». Мы перевернули его на оборотную сторону, разделили на число страниц книги, разрезали, как режется детская картинка в кубиках, а потом собрали по листам в книжный блок. И вот на второй странице сам собой получился символ — знак времени, демократии и перемен — депутатский значок...» [7]. Кононов вспоминает: «Суть проекта состояла в том, чтобы издать мою полноценную книгу в том лохматом 1989 году пусть и ограниченным тиражом». На тот момент Николай Михайлович уже имел первую крупную публикацию «Орешник» в составе коллективного сборника «Дебют. Поэтом надо быть до тридцати» 1987 года, однако его книгу стихов «Пловец» издательство «Советский писатель» никак не подавало в печать. Сам Кононов называет печать «Пловца» в формате малотиражной «книги художника» «отчаянным шагом». Николай Михайлович, вспоминая рабочий процесс, пишет: «Книгу мы напечатали на плакате, их я купил в Доме книги на Невском (там был на 2-м этаже отдел плаката, обожаемый иностранцами) целую стопку. Плакат назывался «ГЛАСНОСТЬ, ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ, ПЕРЕСТРОЙКА». Купил я в магазине все до остатка — этим и был ограничен тираж. Я был книгой не очень доволен из-за сюжетного внедрения художника. Я хотел изначально, чтобы обыгрывалась только символика знаков плаката, как бы просачивающаяся на обо-

ротную сторону бумаги. Но что вышло — то и вышло. Книга эта имела успех».

В 1988 году Карасик издал сборник «Борис Пастернак. 12 стихотворений». В рамках этого сборника Карасик проиллюстрировал стихотворение «Дурные дни». Простейшими графическими средствами он постарался воссоздать эпизоды из жизни Христа. В первой части «Дурных дней» описан триумфальный поход Христа в Иерусалим и события, предшествующие Его аресту. Во второй части повествуется о деяниях Христа, начиная с бегства в Египет и до воскрешения Лазаря. Иллюстрируя «Дурные дни», Карасик использует два типа иллюстраций: черно-белые и цветные. В цветных он использует синий (голубой), красный, желтый и коричневый цвета. Контур — черный, очевидный и грубый, отчасти произвольный. Фигуры условны, схематичны, лица намечены или вовсе отсутствуют. Иисуса Карасик изображает в красном одеянии, работая с символикой цвета. Красный в данном случае символизирует жертвенность. В иллюстрировании эпизодов художник следует за поэтом, однако Карасик отходит от содержательной обобщенности, добавляя детали из Священного писания. Например, у него Иисус все-таки не сам входит в Иерусалим, а приезжает туда на осле. Карасик продолжает оборвавшееся повествование Пастернака, завершая произведение иллюстрациями распятия, снятия Иисуса с креста и оплакиванием.

Особое место в «книге художника» Михаила Семеновича занимает творчество Даниила Ивановича Хармса. Это во многом связано с тем, что Хармс был петербуржцем, как и Карасик. Стоит отметить, что Михаил Семенович имел совершенно особенное отношение к культуре Петербурга, в этом городе его увлекало все вплоть до мельчайших деталей. К примеру, он выпустил целую книгу о петербургских канализационных люках. Книга получила название «Генезис. Книга бытия» и была выпущена в 2006 году. Несмотря на то, что первоочередной была идея создания книги в форме окружности, творческие поиски Карасика привели его именно к люкам родного города. Более того, в этой книге художник в очередной раз обращается к опыту прошлого. В интервью интернет-журналу «Папмамбук» Карасик сказал: «Я захотел сделать круглую книгу и начал искать текст, не сразу пришел к нему, а случайно. У нас у Русского музея есть старый люк. Я шел к дирекции Русского музея и обнаружил на мостовой старую дореволюционную надпись «Канализация», так ко мне пришла идея сделать книгу из люков» [3]. Далее в интервью Карасик называет эту книгу «питерской библией». Актуализируя личный опыт, Михаил Семенович часто так или иначе обращается к культуре настоящего и прошлого Санкт-Петербурга. Закономерно, что центральной фигурой в ракурсе поэтической «книги художника» становится Даниил Хармс — петербургский писатель, поэт и драматург. В интервью для газеты «Педагогические вести» Карасик так проком-

ментировал свое отношение к Даниилу Ивановичу: «Я очень люблю Хармса. Почему-то он считается детским писателем, но это не так, он глубокий философ. В одно время я очень много общался с учеными — «хармсоведами», вошел в какую-то хармскую среду. Хармс — тот писатель, который дает полную свободу художнику. Если ты хочешь сделать книгу художника, но не знаешь, что взять за основу, бери Хармса. Хармс — самый необычный ленинградский писатель 30-х годов 20 века, уникальная и талантливая личность» [8, 59]. Творчество Даниила Ивановича проникло во все аспекты деятельности Карасика. В рамках направления «книга художника» Михаил Семенович выпустил несколько книг, посвященных произведениям Хармса: «Четыре случая и Авиация превращений» 1990–1991 гг., «Случаи» 1992 г., «Случаи 3» 1993 г., «Старуха» 1994 г., «Есть ли чудо?» 1995 г., «На смерть Казимира Малевича» 2000 г.

Первой и наиболее известной работой с текстами Хармса в рамках направления «книга художника» Михаила Карасика стал сборник «Четыре случая и Авиация превращений». Сборник состоит из пяти книг, объединенных в единую бандероль. В сборник вошли произведения «Страшная смерть», «Авиация превращений», «Праздник», «Макаров и Петерсен» и «Помеха». Все книги отличаются по размеру и формату. «Страшная смерть», «Авиация превращений» и «Помеха» имеют классическую книжную форму, «Праздник» и «Макаров и Петерсен» выполнены в формате книг-гармошек. Материалом для обложек послужил картон, в оформлении Карасик применил технику коллажа, шрифт — рукописный, элементы шрифтовой композиции — разноцветные, контрастирующие. Данный сборник, как и многие другие свои работы, Карасик выполнил в традициях русского авангарда.

В рамках просветительской деятельности Михаил Семенович совместно с искусствоведом Глебом Юрьевичем Ершовым организовали Хармс-фестиваль — петербургский фестиваль экспериментального искусства, включающий в себя различные мероприятия: литературные конференции, выставки, театральные шоу, показы мод. Также к фестивалю были приурочены публикации книг по творчеству Хармса, так появился еще один проект — «Хармсиздат». Глеб Ершов, комментируя этот проект, пишет: «Начавшийся как индивидуальный художественный проект Михаила Карасика, «Хармсиздат» в настоящее время объединяет разных авторов, специально создающих свои книги для этого издательства. Эстетическая программа всех изданий Хармсиздата нацелена на воскрешение опыта художников и поэтов русского авангарда, художе-

ственных объединений 1920-х годов, и, в то же время, на осмысление и освоение достижений западной книги художника. В настоящее время Хармсиздат является единственным в России проектом, объединяющим художников, литераторов, искусствоведов, работающих и размышляющих как над книгой художника, так и о путях развития современной графики вообще».

Таким образом, Михаил Семенович Карасик был очень разносторонним деятелем искусства, и в то же время вся его работа велась в рамках одного направления. Обращение художника к литературе красной нитью проходит через все его творчество. Закономерно, что Карасик чаще обращался к поэтическому искусству, ведь в представлении художника оно обладает большей свободой и выразительностью, вместе с тем именно поэты первыми подхватили авангардные идеи в самом начале развития этого направления на отечественной почве, а идеи авангарда — это именно то, что лежит в основе «книги художника» Михаила Карасика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интермедиаальная поэтика авангарда: сборник статей / редакторы-составители Корнелия Ичин, Синьити Мурата, Ирина Шатова. — Белград: Филологический факультет, 2018. — 268 с.
2. Карасик М. С. Автопортрет / М. С. Карасик. — СПб.: Государственный Русский музей, 2003. — 96 с.
3. Михаил Карасик. Книга художника // Папмамбук. — 2018. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/3430/> (дата обращения: 16.09.2020).
4. Кононов Н. М. Маленький пловец / Николай Кононов; Литографии, маке и рисунки М. Карасика. — Ленинград, 1989. — 32 с/
5. Карасик М. Нечаянный ренессанс / М. Карасик // Авангард и традиция: Книги русских художников 20 века. Российская Государственная библиотека. Каталог выставок. М.: Даблус, 1993.
6. Карасик М. С. Рукавица. Эссе / М. С. Карасик. — СПб.: М. К. Publishers, 2001. — 24 с.
7. Маленький пловец / COLLBOOKS. — [Электронный ресурс]. URL: <http://collbooks.com/item/990> (дата обращения: 10.09.2020).
8. Маяковский В. В. Я! / В. В. Маяковский. — М.: Изд-во Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, 1913. — 15 с.
9. Уткина Е. Михаил Карасик: «Мое творчество напрямую связано с литературой» / Е. Уткина // Имя в искусстве // Педагогические вести. — 2015. — № 4. — С. 55–59.

*Воронежский государственный университет
Бобровская П. В., аспирант кафедры русской литературы
XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: pyatcheva@yandex.ru*

*Voronezh State University
Bobrovskaya P. V., Postgraduate Student of the Department of
Russian Literature of the XX–XXI Centuries, Theory of Literature
and the Humanities
E-mail: pyatcheva@yandex.ru*

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА¹

Н. А. Бородина, Н. А. Трубицина

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Поступила в редакцию 2 мая 2021 г.

Аннотация: предметом анализа в предлагаемом исследовании являются восходящие к греко-римской мифологии мифологические имена, встреченные в поэтическом наследии И. А. Бунина. Собранные ономастические единицы по отношению к онимосфере общенародного языка были классифицированы на узуальные и индивидуально-авторские, по характеру обозначаемого выделены теонимы, мифоантропонимы, мифоинсулоним, мифохремадоним, мифоэтноним, мифоперсоним и спеллоним. Подробно авторы остановились на мифонимах, формирующих заглавия бунинских стихотворений.
Ключевые слова: И. А. Бунин, поэтическая ономастика, мифонимы, античная мифология.

Abstract: the subject of analysis in the research is mythological names tracing to Greco-Roman mythology, found in the poetic heritage of I. A. Bunin. The collected onomastic units were broken up into two groups (the usual and individual-authorial onyms) in relation to the onymosphere of the common language; were distinguished the theonyms, mythoanthroponyms, mythoinsulonims, mythochrematonims, mythoethnonims, mythopersonims and spellonims according to the nature of signified. The authors concerned the mythonyms that form the titles of I. A. Bunin's poems.

Keywords: I. A. Bunin, poetic onomastics, mythonyms, classical mythology.

Античное историко-культурное наследие являлось и является источником вдохновения для многих художников слова прошлого и настоящего. Неслучайно В. Г. Белинский назвал его «всемирной мастерской, через которую должна пройти всякая поэзия в мире, чтоб научиться быть изящной поэзией» [1, 224]. Огромную роль сыграла эпоха античности в становлении и развитии русской литературы, поэтому без детального изучения восприятия, осмысления и усвоения античных традиций невозможно, по утверждению современного исследователя С. А. Кибальника, «в полной мере оценить национальное своеобразие русской поэзии, представить ее место в истории мировой культуры» [2, 3].

Цель данной работы — проанализировать использование и функционирование мифонимов, взятых из античной мифологии, в лирике И. А. Бунина [3].

В результате сплошной выборки из поэтического наследия лауреата Нобелевской премии по литературе было выявлено 27 неповторяющихся ономастических единиц, восходящих к мифотворчеству древних греков и римлян. Наибольшая их концентрация отмечается в стихотворениях, созданных И. А. Буниным в первое десятилетие XX в., тогда, когда появилась острая необходимость, по словам Н. В. Яблоновской,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области в рамках научного проекта № 20-412-480003.

Funding: The research was funded by RFBR and Lipetsk Region, project number 20-412-480003.

с одной стороны, «во вневременном, непреходящем найти объяснение событиям настоящего», а с другой стороны, «пророчествовать о будущем с помощью вечных повторений мирового круговорота, зафиксированных мифом» [4, 153].

По отношению к онимосфере общенародного языка собранные мифонимы разграничиваются на узуальные и противопоставляемые им индивидуально-авторские. В лирике И. А. Бунина первые составляют абсолютное большинство (*Адрастея, Амазонки, Атлантида, Зевес, Океан, Тезей, Улисс, Феб, Цирцея, Эгей* и др.), в то время как вторые встречаются спорадически (*Гость, Державный, Кентавр, Конь Афины-Паллады, Титан*).

Появившиеся в результате онимизации мифонимы *Титан* и *Кентавр* служат у поэта для наименования конкретных персонажей античной мифологии: соответственно *Атланта*, доолимпийского божества, характеризующегося невероятной силой [5, 121], и *Несса*, получеловека-полукося, который отомстил Гераклу за свою гибель, вручив Деянире, жене героя, под видом любовного зелья смертельный яд [6, 213].

Использование контекстуального метода позволяет рассмотреть в качестве синонима к теониму *Морфей* отапельлятивный оним *Гость*. Содержательную структуру имени *Гость* определяет знание И. А. Бунина о внешнем облике бога сновидений (*Морфея* часто изображали в венке из цветков красного мака [7, 206]), о приписываемых ему свойствах (согласно верованиям древних греков, *Морфей*, легко изменяя внешность, принимая разные человеческие формы, является людям во сне [6, 176; 8, 283]), о его месте

проживания (в «Метаморфозах» Овидия в качестве жилища бога сна Гипноса и его сыновей названа пещера, где царят вечные сумерки и полный покой [8, 282]), актуализирующееся в поэтическом тексте: *Прекрасен твой венок из огненного мака, / Мой Гость таинственный, жилец земного мрака. / Как бледен смуглый лик, как долог грустный взор, / Глядящий на меня и кротко и в упор, / Как страшен смертному безгласный час Морфея!* [3, 366].

С целью номинации Зевса, царствующего над богами и смертными, И. А. Буниным употребляется отадъективный мифоним *Державный*, в семантике которого наличествует сема 'верховная власть'. Данное индивидуально-авторское имя вкладывается мастером слова в уста титана Прометея, который выступает в мифах как покровитель и защитник людей, противостоящий суровому и неумолимому верховному божеству [6, 338].

Составной оним *Конь Афины-Паллады*, вынесенный в заглавие, образован в результате трансформации крылатого выражения *троянский конь*. Включение в него двойного имени *Афина-Паллада*, на наш взгляд, не случайно. Оно основано на тесной связи богини с судьбой Трои (Илиона).

Основатель города, Ил, обозначив круг, которой должен был стать границей будущей троянской цитадели, обратился с молитвой к Зевсу, прося явить ему знамение. Таковым стал сброшенный на землю палладий — огромная статуя Афины, держащей в правой руке поднятое копье, а в левой — веретено и прялку. На месте падения палладия был построен храм, в котором поместили изваяние. Согласно предсказаниям оракула, до тех пор, пока палладий находится в храме, городские стены будут неприступны. Впоследствии, накануне падения Илиона, статуя была похищена.

В Троянской войне Афина выступила на стороне греков-ахейцев, поскольку Парис присудил золотое яблоко не ей, а богине любви Афродите. Именно она подсказала грекам, как проникнуть в хорошо укрепленный и защищенный город. По ее совету был построен огромный деревянный конь, в котором спрятался вооруженный отряд ахейцев, а остальное войско инсценировало возвращение на родину. Троянцы ввели коня в город как дар Афине, а ночью спрятавшиеся внутри коня воины выбрались наружу и открыли городские ворота вернувшимся товарищам [9, 626–628; 6, 528–531].

Таким образом, структурное преобразование устойчивого выражения, окказиональное употребление в качестве мифохремотонима, нахождение его в сильной позиции помогает бунинскому стихотворению, созданному в преддверие исторической катастрофы, звучать как предупреждение о божественном наказании [10, 179].

По характеру обозначаемого анализируемые имена собственные можно классифицировать на не-

сколько разрядов, которые различаются численностью входящих в их состав мифонимов. В поэтических текстах И. А. Бунина преобладают теонимы, номинирующие высших и низших божеств (*Адрастея, Атлант (Титан), Зевес (Державный), Киприда, Морфей (Гость), Нерей, Океан, Океаниды, Посейдон, Прометей, Феб, Эол*), и мифоантропонимы (*Гальциона, Кассандра, Рем, Сибилла, Тезей, Улисс, Эгей*). Другие разряды представлены единичными наименованиями. Это мифоинсулоном *Атлантида*, мифохремотоним *Конь Афины-Паллады*, мифоэтноним *Амазонки*, мифоперсоним *Кентавр* и спеллоном *Цирцея*.

Часть перечисленных выше мифологических имен формируют заглавия бунинских стихотворений. Четыре заглавия дали теонимы (*Атлант, Океаниды, Морфей, Прометей*), два — мифоантропонимы (*Тезей, Гальциона*), по одному — мифохремотоним (*Конь Афины-Паллады*) и спеллоном (*Цирцея*). Находящиеся в сильной позиции текста заглавия лирических произведений определяют их основную тему, являются тем словесным комплексом, «значение которого имплицитно проектируется на содержание всех текстовых уровней и его частей, на его общую, сквозную идею» [11, 63].

Хронологически первым среди античных теонимов в названии бунинских стихотворений фигурируют *Океаниды*.

Три тысячи дочерей титана Океана и его жены Тефиды в греческих легендах и сказаниях выступают как олицетворение водных источников [6, 242]. Они обладают собственными именами и занимают разное положение в мифологической иерархии.

И. А. Бунин использует собирательный образ Океанид, возможно оттого, что число «три тысячи» может интерпретироваться еще и как «бесчисленное множество». Создаваемый образ поэт наделяет собственными индивидуально-авторскими чертами — они смеющиеся и белотелье, их волосы украшены сияющими на солнце золотыми гребнями. Автор вписывает Океанид в морскую стихию как естественную часть природы, наряду с прибрежными скалами, разбивающимися о берег волнами, белой пеной. Их смех — метафора, озвучивающая морской прибой. На наш взгляд, Океаниды своим промежуточным состоянием нимф примиряют человека с грозными силами мирового океана.

В стихотворении «Атлант» также нет пересказа античного мифа. У И. А. Бунина это, скорее всего, эпоним, давший название Атлантическому океану, который, по мифам, на крайнем западе образовывал границу между жизнью и смертью, а также символ могущественной силы, присущей титану, держащему на себе небесный свод. Данное стихотворение, особенно в последних своих строках, раскрывается как прямая проекция бунинского пантеизма: *И, как орел, впервые / Взмахнувший из родимого гнезда / Над ширью Океана, был я счастлив / И упоен твоею*

первозданной / Непостижимой силою, Атлант! / «О да, Титан, я верил, жадно верил» [3, 185].

Т. М. Двинятина, размышляя о множественности и совмещенности интертекстуальных источников в творчестве поэта, отмечает, что «лирика Бунина дает примеры сопряжения совершенно разных и трудно сочетаемых источников» [10, 172]. В этом произведении задающий лирическому герою вопросы («Ты веришь ли в предания, в легенды?»; «Ты веришь ли в Атланта?») «Дух» назван автором прямо — «сатана». Тем самым в поэтический текст вводится мотив искушения, связанный с библейской традицией. Положительный ответ лирического героя объясняется особой линией пантеизма в творчестве И. А. Бунина, «экзистенциальными сомнениями» и «богоборческими настроениями», о которых говорит в одной из своих книг О. А. Бердникова [12, 17–41].

Положенный в название стихотворения теоним *Прометей* имеет уточнение, указывающее на место его пребывания — «в пещере». И. А. Бунин актуализирует миф о непосредственном похищении огня титаном, оставляя за скобками его наказание, освобождение Гераклом и примирение с Зевсом: *Я гложу, я слежу крутящиеся спицы, / Что мечут на бегу свой отблеск золотой, / И слепну от огня. — Привет тебе, Державный! / Теперь тебя твой враг приветствует как равный!* [3, 247].

В этом лирическом произведении на первое место выходит мотив огня (вспомним огонь, отражающийся в глазах собаки; ослепляющие своим блеском колесные спицы в колеснице верховного олимпийца). Зевс, прежде всего, бог, владеющий молниями, т.е. бог стихийного огня. Окультуренный Прометеем огонь позволяет титану общаться с державным Зевсом на равных.

Поэтика сновидений занимает особое место в отечественном литературоведении. Сон, включенный в текст, может выполнять самые разнообразные функции. Стихотворение И. А. Бунина «Морфей» сильной позицией последних строк (*Где нет преград земных моим надеждам вешним, / Где снюсь я сам себе далеком и нездешним, / Где не дивит ничто — ни даже ласки той, / С кем бог нас разделил могильною чертой* [3, 366]) создает аллюзию с более поздним, тоже финальным, описанием в романе «Жизнь Арсеньева»: «Недавно я видел ее во сне — единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» [13, 248]. Образ Морфея в одноименном стихотворении И. А. Бунина помогает автору раскрыть тайну исчезающей любви, не подвластной даже смерти, хотя она и страшит «смертного» лирического героя.

Стихотворение «Тезей», помимо вынесенного в заглавие мифонима *Тезей*, содержит в себе еще мифоперсоним *Кентавр* и мифоантропоним *Эгей*. В этом произведении поэт обращается непосредственно к античной мифологии, причем сразу к двум источникам — мифу о возвращении Тезея с острова Крит после победы над Минотавром и мифу о Геракле, который был случайно отравлен своей женой Деянирой, пропитавшей одежду героя кровью убитого им кентавра Несса. Тезей, опьяненный победой над чудовищем Минотавром, забывает сменить черные паруса на своем корабле на красные, свидетельствующие о том, что он жив. Из-за этого его отец Эгей от горя бросается в море и разбивается о камни.

Из двух античных мифов мастер слова составляет свой индивидуально-авторский миф, почти притчу, о коварстве, тщеславии, безмятежности юности и безутешности родительского горя, которое ему самому пришлось испытать, пережив смерть сына: *Мы в радости доверчивы, как дети. / Нас тешит мирт, пьянит победный лавр. / Один Эгей не спал над морем в звездном свете, / Когда всходил Кентавр* [3, 214].

Стихотворение «Гальциона» представляет собой поэтическое переложение И. А. Буниным античного мифа о дочери Эола Гальционе, муж которой погибает при кораблекрушении. Гальциона находит тело мужа у берега. Убитая горем она бросается со скалы в море и сжалившиеся боги превращают обоих супругов в зимородков (чаек в трактовке И. А. Бунина) [5, 59]. В течение 14 зимних дней — 7 до солнцестояния и 7 после него — Эол смиряет ветры, чтобы Гальциона смогла вывести птенцов.

По наблюдениям Т. М. Двинятиной, очень часто «через бунинские стихи шла прямая, чистая трансляция чужого текста, чужой культуры: в них мифы и цивилизации говорили напрямую с русским читателем» [10, 218]. В данном случае мы присоединяемся к мнению исследователя. Думается, что целью автора здесь было намерение познакомить отечественного читателя с красивой легендой о любви, силе кровных уз, создать своеобразный гимн супружеской верности.

Женским образам в творчестве И. А. Бунина посвящено большое количество работ. Как правило, все они цитируют самого писателя: «То дивное, несказанно-прекрасное, нечто совершенно особенное во всем земном, что есть тело женщины, никогда не написано никем. Да и не только тело. Надо, надо попытаться. Пытался — выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова» [14, 73].

Суждение И. А. Бунина 1941 года видится нам слишком категоричным. Стихотворение «Цирцея» — пример тонко прочувствованной женской сущности, восходящей к мифу о жившей на острове Эя волшебнице. В нем поэт представляет архетип женского начала, телесного, соблазнительного и неотразимого для мужчин: *И Улисс говорит: «О, Цирцея! / Все пре-*

красно в тебе: и рука, / Что прически коснулась слегка, / И сияющий локоть, и шея!» / А богиня с улыбкой: «Улисс! / Я горжусь лишь плечами своими / Да пушком апельсинным меж ними, / По спине убегающим вниз!» [3, 214].

Обратив свое внимание на мифонимы, образующие заглавия бунинских стихотворений, мы вовсе не умаляем значения и других мифологических онимов, присутствующих в его лирике. Любая отсылка к мифу создает для текста дополнительный культурный ареал, углубляет и расширяет контекст его восприятия, обогащает художественное слово новыми смыслами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Том 7. Статьи и рецензии (1843). Статьи о Пушкине (1843–1846) / В. Г. Белинский. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. — 739 с.
2. Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. / С. А. Кибальник. — Л.: Наука, 1990. — 267 с.
3. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6-ми т. Т. 1. Стихотворения, 1888–1952; Переводы / И. Бунин. — М.: Художественная литература, 1987. — 687 с.
4. Яблоновская Н. В. Античные мотивы и образы в творчестве И. А. Бунина / Н. В. Яблоновская // Культура народов Причерноморья. — 2001. — № 20. — С. 153–157.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — Т. 1. А — К. — 671 с.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
 Бородин Н. А., кандидат филологических наук, доцент,
 доцент кафедры русского языка, методики его преподавания
 и документоведения
 E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

*Трубицина Н. А., кандидат филологических наук, доцент,
 доцент кафедры литературоведения и журналистики*
 E-mail: trubicina-nat@mail.ru

6. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1992. — Т. 2. К — Я. — 719 с.

7. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендахъ и преданіяхъ / Н. Ф. Золотницкий. — С.-Петербургъ: Изданіе А. Ф. Девриена, 1903. — 320 с.

8. Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Овидий // Пер. с латинского С. Шервинского. — М.: Художественная литература, 1977. — 430 с.

9. Лосев А. Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней. Энциклопедия олимпийских богов. Собрание первоисточников, статьи и комментарии / А. Ф. Лосев. — Харьков: Фолио; М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 1040 с.

10. Двинятина Т. М. Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... д-ра филол. наук / Т. М. Двинятина. — СПб., 2015. — 437 с.

11. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фоякова. — Л.: ЛГУ, 1990. — 103 с.

12. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции / О. А. Бердникова. — Воронеж: Воронежская областная типография-издательство им. Е. А. Болховитинова, 2009. — 272 с.

13. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6-ми т. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи; Рассказы 1932–1952 / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1988. — 639 с.

14. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы, под ред. Миллицы Грин; в 3 т. Т. 2. — М.: Посев, 1981. — 319 с.

Yelets State University named after I. A. Bunin
 Borodina N. A., Candidate of Philological Sciences, Associate
 Professor, Associate Professor of the Department of the Russian
 Language, Methods of Its Teaching and Document Science
 E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

*Trubitsina N. A., Candidate of Philological Sciences, Associate
 Professor, Associate Professor of the Department of Literary
 Studies and Journalism*
 E-mail: trubicina-nat@mail.ru

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ ГНУС В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Н. В. Бурко

Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина

Поступила в редакцию 11 апреля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются значения слова *гну́с*, зафиксированные в русских народных говорах, дана ареальная характеристика приведенных значений, сделана попытка определить пути развития диалектных значений. Источником языкового материала послужила картотека Лексического атласа русских народных говоров.

Ключевые слова: русские народные говоры, лексическое значение, семантическая амплитуда, семантический регистр, ареал.

Abstract: the article examines the meanings of the word *gnus*, recorded in Russian folk dialects, gives an area characteristic of the given meanings, and attempts to determine the ways of the development of dialectal meanings. The source of the linguistic material is the card index of the Lexical Atlas of Russian folk dialects.

Keywords: Russian folk dialects, lexical meaning, semantic range, semantic register, area.

Лексика русских народных говоров необыкновенно богата и выразительна, в ней можно встретить как яркие и образные наименования, так и неожиданные значения известных слов, которые и создают неповторимый колорит языка той или иной местности. В этом можно убедиться, если обратиться к картотеке материалов «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ), хранящейся в Институте лингвистических исследований Российской академии наук.

В «Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» наше внимание привлек вопрос «СМ 364. Употребляется ли и в каких значениях слово *гну́с*», нацеленный на максимальное выявление имеющегося в русских народных говорах спектра значений указанной лексики.

В данной работе мы рассмотрим зафиксированные значения лексики *гну́с*, дадим их ареальную характеристику, а также попытаемся определить пути развития диалектных значений этого слова.

В общенародном языке слово *гну́с* известно как собирательное название для *'летающих кровососущих насекомых (комаров, мошек, слепней)'* [1, 321]. В этом значении оно употребляется повсеместно, о чем свидетельствуют материалы картотеки ЛАРНГ: *Вся кусающая тварь — гну́с* (вологодские говоры); *Насекомых, которые больно кусаются, некоторые гну́сом называют* (псковские говоры); *Гну́с — это комары да мошки* (нижегородские говоры); *Гну́с — это просто мошки, это комар, и до того их много бывает, летом вон в лесу, у болота* (говоры Подмосковья); *Гну́с — это мухи, слепни такие. Собираются и кружатся все* (русские говоры Коми), *У начале лета гну́с был злой. Гну́с — это кусучие мошки* (воронежские говоры) и т.д.

Следует отметить, что семантическая амплитуда лексики *гну́с* в русских народных говорах значительно шире, чем в общенародном языке. Анализ языкового материала показал, что в говорах можно выделить несколько семантических регистров этого слова: зооморфный, предметный и антропоморфный.

В зооморфный семантический регистр, помимо рассмотренного значения, входит ряд других значений, объединенных семей 'насекомые'. В частности, в ярославских, ростовских, волгоградских говорах лексикой *гну́с* называют *'мелких насекомых, паразитирующих в шерсти животных'*: *Коров постоянно от гну́са всякого чищу* (вологодские говоры), а в курских, воронежских, тамбовских, пензенских, владимирских, нижегородских, вятских говорах и говорах Среднего Урала известно значение *'насекомые — вредители растений'*: *Гну́с вредит все, урожаем пожирает* (владимирские говоры); *Гну́с вон всю капусту попортил* (нижегородские говоры); *Гну́с — это насекомое такое, оно капусту ест, вредитель это* (тамбовские говоры). Значение *'паук'* отмечено у слова *гну́с* преимущественно на севернорусской территории в поморских, вятских, вологодских и среднерусских ивановских говорах: *Паук и есть тот гну́с, который и зимой и летом в доме живет* (ивановские говоры), а в пермских говорах эта лексема известна со значением *'моль'*: *Гну́с — это моль*, т.е. лексема *гну́с* употребляется и для обозначения насекомых-паразитов, обитающих в жилище человека.

Значение *'рой мошек, комаров'* достаточно широко представлено и на севернорусской территории (преимущественно в поморских, вятских говорах), и на среднерусской территории (преимущественно в ивановских говорах), и на южнорусской территории (преимущественно в воронежских, донских говорах): *Гну́с летает, в воздухе толкётся* (вологодские говоры); *Гну́с летает к теплу* (костромские говоры).

В данном семантическом регистре группе значений, объединенных семой 'насекомые', противопоставлено значение с семой 'животные': **'животные, уничтожающие посевы или наносящие ущерб домашнему хозяйству человека (преимущественно грызуны)'**. Данное значение локализуется на севернорусской территории в поморских и вологодских говорах, а также в говорах Пермского края; на южнорусской территории отмечен микроареал в курских говорах: *У нас нельзя без кошек: гнус копится* (вологодские говоры); *По ночам гнус пищит, все стены прогрыз* (вологодские говоры); *Гнус — это грызуны всякие: мыши, крысы* (вологодские говоры); *Если какой-нибудь гнус попадет в молоко или воду, дак обязательно кто-то заболит. Гнус-то — это мыши, крысы* (пермские говоры); *Гнус одолел: мыши, крысы; на ферме в Заугоре крысы даже поросят съедали; как кошки бегают* (пермские говоры); *Гнус в доме — самое последнее дело. Надо коту в дом* (пермские говоры).

Кроме того, в зооморфный семантический регистр входят такие значения, как: **'червь, червяк'**, которое бытует в говорах Подмосковья, а также на северо-восточной территории в пермских говорах и русских говорах Башкирии; **'змея, уж'**, отмеченное в ярославских говорах, русских говорах Карелии и республики Башкортостан, в среднерусских ивановских и нижегородских говорах, а также на южнорусской территории в говорах Курской, Смоленской, Белгородской областей; **'ящерицы'**, зарегистрированное на севере в поморских и вятских говорах, **'лягушки'** — в поморских говорах; а также имеющее единичную фиксацию в пермских говорах значение **'птица'**.

Предметный семантический регистр включает ряд значений, каждое из которых в материалах ЛАРНГ представлено единично. Речь идет о значениях **'пора, период, когда особенно много летающих кровососущих насекомых'**: *В это время, как раз в самый гнус* (архангельские говоры); *'звук, издаваемый комаром'* (вятские говоры); *'болезнь от насекомых'* (ивановские говоры); *'конская болезнь'* (пензенские говоры); *'потравленная и сбита в комья мышами и крысами мука'* (поморские говоры); **'пыль'** *Ну и гнуса на дороге!* (вологодские говоры), *Что она и за хозяйка, у нее стоко гнуса в избе* (ладого-тихвинские говоры); **'мусор'** (вятские говоры); **'навоз // навозная жижа'**: *Картошка идет у бут, сильно много гнусу наложено, а картошки нема. // Я трошки поляжу, да и гнус вынышу. Иде буряки гнусом полила, там ины трубою идут* (брянские говоры); **'гниль, плесень'**: *Картошка померзла — гнусом взялась. Если свекла в кузьке, она померзнет и берется гнусом: делается мягкой, перегноет* (брянские говоры); **'чепуха, вздор'** (вологодские говоры); **'хандра'**: *Ну что это за гнус у тебя? Гнус — да это хандра* (русские говоры Удмуртии).

Антропоморфный семантический регистр объединяет значения, в которых центральной является сема 'человек'. Лексему *гнус* употребляют по отношению к человеку, негативно характеризующемуся по какому-либо качеству. В севернорусских говорах отмечены значения **'ленивый человек, живущий за чужой счет'** (пермские говоры); **'нудный человек'**, **'о плаксивом или ворчливом человеке'** (вятские говоры); **'вредный человек'**, **'упрямый человек'** (русские говоры Удмуртии); **'человек, постоянно жалующийся на жизнь'** (ярославские говоры); **'о плохом человеке, негодяе'** (русские говоры Башкирии); **'человек, который говорит в нос, гнусавит'**: *Он ведь с рожденья гнус* (вологодские говоры); **'прозвище человека'** (архангельские, пермские говоры). В восточных среднерусских округах говорах зафиксированы значения **'капризный человек'** (нижегородские говоры); **'прозвище гнусавого человека'** (владимирские говоры); на южнорусской территории — **'о капризном ребенке'** (калужские говоры); **'нехороший человек'** (воронежские говоры); **'неприятный человек'**, **'гнусный человек'** (донские говоры, говоры Краснодарского края).

Зооморфный семантический регистр можно считать центральным, давшим толчок развитию значений других семантических регистров.

Можно предположить, что значения предметного семантического регистра стали развиваться по линии: 'насекомые, животные, приносящие вред человеку и его хозяйству' → 'период и результат деятельности представителей фауны (время, когда летают кровососущие насекомые, звук насекомых, болезнь от насекомых, потравленная мышами и крысами мука)' → 'нечистоты, гниль, плесень', 'пыль, мусор' (в основе развития значения лежит своеобразное сходство с некоторыми результатами деятельности животных, например с потравленной мукой) → 'чепуха, вздор' (в основе семантического переноса лежит метафорическое сходство: своеобразный «мусор» в мыслях, словах; глупость, вызывающая досаду и неудовольствие слушателя) → хандра (опять-таки в основе развития значения, видимо, лежит метафорический перенос: некий «мусор» в эмоциях или то, что приносит эмоциональный дискомфорт).

Значения антропоморфного семантического регистра, возможно, могли развиваться по линиям: 'насекомые, животные, приносящие вред человеку и его хозяйству' → 'нехороший, вредный, нудный, плохой и т. д. человек' (на основе сходства неприятных чувств, вызываемых приносящими вред насекомыми, грызунами и несимпатичными качествами человека); → 'гнусавый человек' (на основе сходства впечатлений от неприятных носовых призвуков в голосе человека со звуками, издаваемыми комаром).

Таким образом, мы видим, что семантика лексемы *гнус* в русских народных говорах значительно шире, нежели в общенародном языке, причем все значения

лексемы гнус в русских диалектах содержат информацию о том, что так или иначе доставляет неудобство человеку, вызывает у него негативные реакции. Ряд значений (относящихся преимущественно к зооморфному регистру) имеет широкий ареал, другие

же фиксируются единично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой, 3-е изд. – Т.1 – М.: Русский язык, 1985 – 699 с.

Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина

Бурко Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и гуманитарных дисциплин

E-mail: nbourko@mail.ru

*Orel State Agrarian University named after N. V. Parakhin
Burko N. V., Candidate of Philological Sciences, associate professor Department of linguistics and Humanitarian subjects
E-mail: nbourko@mail.ru*

ТВОРЧЕСТВО И. А. БУНИНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ УЧЕНЫХ КИТАЯ: НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ 2000-Х ГГ.

Гун Цзэхуэй

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 10 мая 2020 г.

Аннотация: *статья представляет собой обзор работ 2000-х г. о творчестве И. А. Бунина, авторами которых являются ученые Китая. Диалог отечественных литературоведов и китайских русистов в исследовании наследия Бунина плодотворен и должен быть продолжен.*

Ключевые слова: *И. А. Бунин, Китай, 2000–2020-е гг., творчество, диалог, русская литература.*

Abstract: *the article contains a review of works dated 2000s on the topic of Bunin's creative activity, written by Chinese authors. The dialogue between Russian literary scholars and Chinese russianists in the context of Bunin's legacy has proven to be fruitful and shall continue further on.*

Keywords: *Bunin, China, 2000-s — 2020-s, creative work, dialogue, Russian literature.*

Очевидно, что интерес ученых-русистов из Китая к творчеству И. А. Бунина в последние десятилетия не угасает, а, напротив, возрастает. Об этом свидетельствует значительный круг исследований — статей и монографий — опубликованных в 2000–2020-е гг.

Наукометрический обзор работ китайских ученых, вышедших в период с 1980 по 2010-е гг., представлен в статье Хайдун Ченг. Исследователь, с опорой на электронный каталог — CNKI (Китайская национальная инфраструктура знаний), а также используя специальную программу CiteSpace («свободно распространяемое программное обеспечение для визуализации и анализа тенденций и направлений в научной литературе» [6, 57], наглядно, задействуя визуальные средства (схемы, таблицы, рисунки), показывает, сколь широк и многоаспектен (если иметь в виду названия указанных сочинений) круг работ о Бунине, выполненных учеными из Китая. В частности, Хайдун Ченг приводит такие сведения: «Сначала был проведен поиск в разделе «периодические издания», условия поиска — ключевые слова «Бунин» в китайском переводе (два варианта: 布(bù)宁(níng) \ 蒲(pú)宁(níng)). В этом разделе мы нашли всего 182 статьи по теме изучения произведений И. А. Бунина. Эти статьи опубликованы в период 1980–2019 гг. И таким же образом поиск был проведен в разделе «диссертации». Были найдены всего 45 диссертационных работ в период 2002–2018 гг.» [6, 57].

Однако его работа — при всей ее важности — носит главным образом статистический характер. Задача нашей статьи — осмыслить основные идеи и подходы к изучению творчества И. А. Бунина в Китае именно в содержательном ключе, с выявлением, возможно, новых акцентов в понимании, главным образом, прозы художника.

Работы нынешних китайских русистов о Бунине показывают широкий спектр проблем, к которым они обращаются, демонстрируя при этом тонкость и глубину понимания творчества русского писателя.

Так, Лю Шумей из Университета Хэйлунцзян исследует тему усадьбы в творчестве Бунина. Вначале автор анализирует современное состояние изученности творчества Бунина в целом китайскими и российскими учеными, а затем обращается непосредственно к теме усадьбы и рассматривает, как она исследована в стране и за рубежом, связывая семиотику усадьбы с историей и культурой русской аристократии [8, 8].

Исследователь справедливо указывает, что многие произведения Бунина содержат описания усадьбы, например «Антоновские яблоки», «Суходол», «Жизнь Арсеньева», «Натали» и другие, замечая при этом, что для Бунина усадьба связана с Россией, становится константой русского мира. Лю Шумей считает, что «описание образа усадьбы в этих произведениях положило начало поэтике усадьбы Бунина» [8, 59].

Особенно подробно ученый останавливается на романе «Жизнь Арсеньева», который обладает характеристиками феноменологического романа. Автор статьи детально анализирует образ усадьбы в романе и отмечает многие важные составляющие образа России. Герой вспоминает картины детства, возвращается мысленно на Родину и восстанавливает образ России. Важны описания и зарисовки деревенского дома, особняка, родительской комнаты, окна, выходящего в сад, самого сада, сеновала, сарая. Исследователь отмечает, как ярко представлены в книге четыре времени года, декорации в усадьбе, члены семьи, знакомые, дворовые, кучера и т.п. Усадебный мир трактуется как важная и неизменная часть прошлой России. Поэтому «Жизнь Арсеньева» — шедевр, изображающий русскую усадьбу.

В «Жизни Арсеньева» со всей возможной полнотой воссоздана картина усадебной жизни. В настоящем нет уже той усадьбы, она может быть только в памяти. В том, что писатель пишет об усадьбе, выражено сильное чувство тоски по дому: «В некотором смысле усадьба — символ России» [9, 62].

В статье Цзян Чэньси «Вечная любовь к России: О духовном мире, созданном Иваном Буниным» предпринимается попытка проанализировать творчество Бунина в целом и выявить эволюцию его духовных исканий. Ученый выделяет важные составляющие мира художника: изображение усадебной жизни, размышления о тайнах русской души и русском национальном характере, память о прошлом России, которая определяет основное содержание произведений эмигрантского периода. Автор статьи считает, что «писатель пережил падение своей семьи и великие перемены в истории. Он скитался почти всю свою жизнь, и его следы почти по всей Европе и Азии. Он исследует Россию и интерпретирует Россию под собственным уникальным углом зрения» [7, 28]. В статье также отмечается влияние на Бунина Толстого и Чехова.

В монографии ученого Ян Минмина «Этюды о поэтике произведений Бунина» [4] системно анализируются повествование, темы и жанры, специфика художественной образности прозы Бунина. В работе речь идет о творческой индивидуальности Бунина, выявляются ее основные параметры.

Многогранность художественного мира Бунина — одна из самых интригующих проблем в его творчестве. Сочетание сильной творческой субъективности, оригинальности и разносторонности составляет основу его творческого парадокса.

В отличие от многих современных ему писателей, уделявших внимание социальным вопросам, Бунин обратил свое внимание прежде всего на размышления о вечных проблемах. На самом деле представленный нам Бунин — это писатель XX столетия, помнящий традиции Золотого века русской литературы, но работающий уже в иной манере, соответствующей запросам новой культурной эпохи. В монографии исследуется не только влияние классиков на творческий метод Бунина, но и его открытость современным ему философским, религиозным и эстетическим исканиям. Автор монографии связывает бунинскую художественную философию с космологией, эсхатологическими концепциями и выявляет в его творчестве диалог-полемику с символистской традицией [4, 161].

Продуктивными представляются размышления ученого о трех измерениях бунинской поэтики: историческом (традиции и новаторство), духовном (художественная философия как синтез целого ряда философских и религиозных традиций), типологическом (базовые черты художественного мышления и стиля) [4, 19].

Ян Минмин высоко оценивает Бунина художника: «Бунин, «паломник» русской литературной классики, его творчество — неувядающая «роза Иерихона» в саду русской литературы, всегда источающая благоухающий аромат...» [4, 162].

Россия расположена на евразийском континенте на пересечении влияния двух — западной и восточной — культур. Конфликт и интеграция между ними пронизывают весь процесс развития российской культуры. Произведения великого русского писателя И. А. Бунина демонстрируют неповторимое культурное очарование российского «двуглавого орла», его творчество отражает конфликт между прозападной русской интеллигенцией и российской социальной реальностью. Помимо уникальной интерпретации культуры своей страны и Западной Европы, в его произведениях также ясно прочитывается влияние восточной культуры, особенно национальной культуры различных стран Востока. Его тексты содержат не только глубокие размышления о христианстве и восточно-православной культуре, но и уникальные сведения о буддизме, даосизме и исламской культуре. Этот двуглавый орел, характерный для интеграции восточной и западной культур, ярко проявляется в нем. Ся Фань подробно разбирает это в статье «Характер двуглавого орла слияния восточной и западной культуры в творчестве Бунина» [5, 2].

Работа разделена на три части. В первой части обсуждается определение понятия «двуглавый орел»: «Россия — европейская страна или азиатская?» [5, 8]. В связи с особым географическим положением и культурной историей России этот вопрос анализируется в статье впервые. Китайский ученый опирается в своих размышлениях на идеи П. Я. Чаадаева, Н. А. Бердяева и других русских философов, которые полагали, что Россия не принадлежит ни Западу, ни Востоку, что Россия — это одновременно Запад и Восток [5, 8].

Во второй части работы анализируется эволюция творчества Бунина, указывается, что его произведения делятся на период до эмиграции и в эмиграции. «Жизнь Арсеньева» — это произведение, написанное в эмиграции, в котором переданы переживания-воспоминания о прошлой жизни в России.

Ся Фань осмысляет феноменологию путешествия в творческой судьбе художника, которое творчески питало его гений, давало возможность реализовать его «всемирную отзывчивость», «познать тоску всех стран и всех времен».

В третьей части делается попытка интерпретировать культурный смысл двуглавого орла. Ся Фань указывает в своей статье: «Двуглавый орел имеет сильное национальное символическое значение. Две коронованные орлиные головы символизируют единство российских религиозных и светских прав, а состояние «смотреть на запад одним концом и на восток другим» подразумевает всеотзывчивое сердце».

России по отношению к культурам всех стран» [5, 7].

Как все мы знаем, «любовь и смерть» — вечная тема, но в творчестве Бунина она особенно остра. Немало китайских ученых провели исследования по этой теме.

Концепция любви, сопряженной в бунинском мире со смертью, наиболее полно воплощена в книге «Жизнь Арсеньева». Об этом речь идет в статье Ван Юйцяо [10, 72].

Хотя смерть возлюбленной — трагедия любви главного героя, это не означает, что главный герой пессимистично относится к жизни. В его глазах смерть — всего лишь часть непреодолимых законов природы, она не может лишить жизнь прекрасного чувства любви: «С одной стороны, конец любовного путешествия необратим, а с другой стороны, это результат любви, которая перетекает в память...» [10, 72].

Тема любви в творчестве И. А. Бунина посвящена статья Чжан Ваньлин «Психологический и художественный анализ повести Бунина “Митина любовь”». В ней анализируется, как писатель искусно и тонко изображает болезненный внутренний мир главного героя, его двойственность и отчужденность. Митя беззащитен перед обрушившимся на него чувством любви. Не сумев преодолеть внутренний конфликт, он убивает себя: для художника важно «с новой точки зрения глубже и основательнее понять эту неприимимую любовную трагедию» [3, 40].

Китайские ученые изучают произведения Бунина не только эмигрантского периода. Большой интерес вызывает, например, то, как Бунин изображал жизнь русской деревни в повестях и рассказах 1910-х гг.

Бай Дин отметила в статье: «Большая эстетическая ценность произведений Бунина на деревенскую тематику привлекает многих ученых в стране и за рубежом. Однако феномен этой прозы в целом не получил глубокого объяснения с точки зрения динамики развития. Произведения о деревне следует рассматривать диалектически — как соединение идеальных представлений о ней в сознании писателя и реальной картины аристократической деревни в упадке, смерти и судном дне, что редко учитывается в современных работах» [2, 7].

В статье Бай Дин анализируются рассказы и повести И. А. Бунина 1910-х годов. В этой работе — с опорой на биографические данные самого писателя — осмысливается, как представлена деревня и в целом как изображается русская жизнь в предреволюци-

онный период. Бунин хорошо знал то, что описывал в своих произведениях этого времени. Автор статьи указывает, что в написании таких повестей, как «Деревня» и «Суходол», Бунину оказал свою поддержку Горький. Он высоко оценил эти повести как произведения, в которых Бунин размышляет о «России как о целом». Большое внимание уделяется картине усадебной жизни. Указывается также на историко-философские прозрения художника, предчувствующего приближение общенациональной катастрофы и разрушение традиционного русского мира [2, 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Собр. соч. в 9 т. М.: Худож. литература, 1967–1969. Т. 6.
2. Дин Бай. Тема деревни в повестях и рассказах И. А. Бунина периода России: дис. / Бай Дин. — Харбинский педагогический университет, — июнь 2013. — 50 с.
3. Ваньлин Чжан 蒲宁《米佳的爱情》的心理艺术分析. Психологический и художественный анализ повести Бунина «Митина любовь» / Чжан Ваньлин // Журнал Teaching of Forestry Region. — 2017. — № 10. — С. 39–40.
4. Минмин Ян. Этюды по поэтике романов Бунина / Ян Минмин / Шанхай: Издательство Шанхайского университета Цзяотун, 2019. — 191 с.
5. Фань Ся. Характер двуглавого орла слияния восточной и западной культуры в творчестве Бунина: дис. / Шанхайский университет иностранных языков факультет русского языка. — Декабрь 2012. — 49 с.
6. Хайдун Ченг. Исследование творчества И. А. Бунина в Китае (1980–2010 гг.): визуализация и анализ тенденций с помощью программы CITESPACE / Ченг Хайдун // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2019. — № 4. С. 57–63.
7. Чэньси Цзян 俄罗斯的永恒之恋——论伊万·蒲宁创作的精神世界. Вечная любовь к России: О духовном мире, созданном Иваном Буниным: дис. / Северо-восточный педагогический университет. — май 2006. — 31 с.
8. Шумей Лю. 布宁创作中的庄园主图研究. Исследование мотивов усадьбы в творчестве Бунина: дис. / Лю Шумей. — Хэйлунцзянский университет. — март 2012. — 165 с.
9. Шумей Л. Бунин, «Певец русской усадьбы»: Символическое значение усадьбы в «Антоновском яблоке» / Л. Шумей // Русский язык и литературоведение. — 2008. — № 2. — С. 62–63.
10. Юйцяо Ван. 从《阿尔谢尼耶夫的一生》看蒲宁的爱情观. О взгляде Бунина на люGong Zehui. любовь из «Жизни Арсеньева» / Ван Юйцяо // Журнал 名作欣赏:评论版(中旬) 000.001(2018). — С. 70–72.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Гун Цзэхуэй, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: 594626780@qq.com

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Gong Zehui, Postgraduate Student, Department of Russian and foreign literature.

E-mail: 594626780@qq.com

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКФРАСИСА И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКФРАСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹

А. А. Житенев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 января 2021 г.

Аннотация: в статье исследуются теоретические предпосылки современных концепций экфрасиса и дискуссионные вопросы, связанные с обсуждением его природы, структуры, функций. Автор отмечает проблематичность соединения античного и современного представления об экфрасисе и выявляет противоречия, связанные с таким совмещением; характеризует ограниченность представлений об экфрасисе как «вербальной репрезентации визуальной репрезентации» и «вербализации текстов, созданных в невербальной знаковой системе», выявляет предпосылки понимания экфрасиса как «перформативного жеста». В статье предлагается новая теоретическая модель экфрасиса, в основе которой — представление об интерпретирующей работе сознания как определяющей черте всех текстов экфрастического типа. Эта модель предполагает три важнейших аспекта: интенцию (принципы структуризации предмета, способы контекстуализации предмета, параметры включения предмета в художественный мир), восприятие (способы создания образа предмета, характеристика модальности восприятия, принципы взаимодействия с описываемой реальностью), медиальность (семантизация привлекаемых медиумов, структура интермедиальной отсылки, роль слова в интермедиальной структуре).

Ключевые слова: экфрасис, интермедиальность, репрезентация, гносеологическая модель экфрасиса, перформативность.

Abstract: in the article, the task of analysis of theoretical preconditions of modern concepts of ekphrasis and controversial issues connected with discussion of its nature, structure, functions is put. The author notes the problematic of the connection of ancient and modern concepts of ekphrasis and reveals the contradictions connected with such combination; they characterize the limits of ideas about ekphrasis as “verbal representation of visual representation” and “verbalization of texts created in non-verbal sign system”, reveals the preconditions for understanding ekphrasis as “performative gesture”. The article offers a new theoretical model of ekphrasis, which is based on the idea of interpreting the work of consciousness as a defining feature of all texts of the ekphrastic type. This model assumes three most important aspects, which in turn are subdivided into a number of private elements: intention (principles of object structure, methods of object contextualization, parameters of object inclusion into the art world), perception (methods of object image creation, characteristic of perception modality, principles of interaction with described reality), mediality (semanticization of involved mediums, structure of intermedial reference, role of word in intermedial structure).

Keywords: ekphrasis, intermediality, representation, epistemological model of ekphrasis, performativity

ЭКФРАСИС КАК «ЗОНТИЧНЫЙ ТЕРМИН» И ДИСКУССИИ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В 2000–2010-е гг. в России экфрасис был одной из самых широко обсуждаемых тем. Логика этого обсуждения носила во многом экстенсивный характер: расширение круга примеров не предполагало критического анализа теории экфрасиса и проблематизации ее оснований. В этой связи представляются актуальными типологизация подходов к экфрасису,

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Немецкого научно-исследовательского общества «Русскоязычная поэзия в транзите» (DFG-Kolleg-Forschungsgruppe “Russischsprachige Lyrik in Transition”, FOR 2603) в университете Трира.

выявление связанных с ним дискуссионных вопросов, обозначение возможных вариантов разрешения противоречий.

В западном контексте 1990–200-х гг. внимание к экфрасису было вызвано интересом к соотношению разных типов знака в одной структуре. В экфрасисе привлекала и привлекает тематизация текстуальности: «Его трактуют как зеркало текста, зеркало в тексте, способ зеркальной инверсии, голос, который нарушает или расширяет нарративное сообщение» [1, 1]. Не менее интригующей темой казалось и опосредование слова и изображения: «Описание изображения больше не выглядит как периферийный исторический материал или риторическое упражнение, теперь оно, скорее, обозначает центральную проблему критики познания» [2, 16].

Трансфер термина в русистику обладал особенностями, которые, способствуя его быстрой экспансии, в то же время определили его поверхностную разработку. В пионерской публикации Л. Геллера уязвим почти каждый тезис: едва ли сегодня, учитывая результаты исследований античной риторики, можно трактовать экфрасис как «древний литературный жанр, задачей которого сначала было изображение украшенного предмета, <...> а затем художественное описание произведений изобразительного искусства» [3; 151, 154].

В предисловии к материалам лозаннского симпозиума Л. Геллер сохраняет эти предпосылки, одновременно вступая в полемику с двумя неназванными оппонентами. Первым оказывается Р. Уэбб, к названию работы которой («Изобретение жанра») отсылает название статьи Л. Геллера («Воскрешение понятия»). Сдвиг акцентов утверждает уже постулированное единство традиции, от которого в дальнейших публикациях Л. Геллер откажется. Вторым оппонентом является Дж. Хеффернан, ответственный за «общепринятый подход к экфрасису как к “копии второй степени”» [4, 9]. Возражая ему, Геллер справедливо указывает, что художник создает не «копию, а модель мира», а восприятие «требует координации многих уровней обработки чувственных данных» [4, 9].

Яркая концептуальность и свободная апелляция к разным областям знания при неявной артикулированности предпосылок и диалогических контекстов определили высокую популярность модели Геллера, создав «экстенсивную» традицию интерпретации экфрасиса, когда частные разборы будут возникать в отрыве от широкого историко-литературного фона, а предпосылки новых исследований будут сводиться к повторению одних и тех же теоретических формул.

Еще один источник таких формул в российском контексте — работа Н. В. Брагинской [5], выстраиваемая на нескольких редуцированных операциях. Исходя из необходимости ограничения материала, Брагинская изымает античные экфрасисы из контекста риторических упражнений, а далее сужает поле анализа еще раз, сводя жанр «описаний произведений искусства» к одним лишь «описаниям сюжетных изображений» [5, 260]. Эта операция двойного упрощения оказалась не замечена исследователями. Так, в работе Б. Иванюка теоретическая модель становится уже картиной реальности: «Э.[кфрасис] сформирован на пересечении двух авторских интенций — репродукции артефакта и его рефлексии. Причем именно репродукция, являющаяся объектной основой экфрасического образа, <...> придает ему собственно жанровый статус» [6, 394].

Не будет преувеличением сказать, что традиция изучения экфрасиса в России в 2000–2010-е гг. во многом была связана с развитием тех или иных положений работ Л. Геллера и Н. Брагинской. Т. Автухович, отталкиваясь от геллеровской идеи мета-

литературности, трактует экфрасис как «способ авторефлексии» [7, 30]; Н. Меднис опирается на идею Геллера о «религиозном экфрасисе» [8]; М. Новикова, исходя из геллеровского определения, обосновывает понятия танцевального и театрального экфрасиса [9] и т.д. Н. Бочкарева, принимая во внимание идеи Н. Брагинской о диалогических экфрасисах, разработывает концепцию экфрасиса, в которой «диалог писателя-зрителя с картиной переходит в беседу перед картиной» [10, 45].

Впрочем, невнимание к теоретическим основаниям исследования — не специфически российская черта. Как отмечают К. Шефер и С. Рентш, авторы многих западных исследований 1990-х гг. «по большей части не дают четкого определения термина» и лишь отсылают «к одной из тех кратких формул, которые другие уже использовали» [11, 140].

Нерефлексивное движение в русле «теоретического согласия» нередко создает неразрешимые трудности. Так, привычная для многих апелляция к античной риторике при анализе современных явлений делает проблематичной конкретизацию понятия *enargeia*, обозначающего силу воздействия. Эта сила связывается с особым «пафосом», когда «текст стремится стать живописью и обогнать ее» в наглядности [12, 40]; с «физической интеракцией» [13] и т.д. Отсутствие у термина явного референта понуждает некоторых отказаться от него, приняв за истину, что в экфрасисе важна не «очевидность», а «представление изображенного» [14, 180].

Несовпадение античного и современного понимания экфрасиса до недавнего времени было поводом для их сочетания как «взаимодополнительных». Так, Н. С. Бочкарева предлагает исходить из идеи синтеза «риторического» и «семиотического» подходов: «Для нас очевидно постоянное изменение и взаимовлияние жанров, поэтому продуктивно не столько противопоставлять, сколько находить новые точки соприкосновения между классическим и современным экфрасисом, <...> риторическим и семиотическим подходами» [10, 5, 8]. Этот тезис, при всей его очевидности, кажется не вполне правомерным.

Работы Р. Уэбб не оставляют сомнений в том, что актуализация античного термина «экфрасис» во второй половине XX века была результатом произвольного жеста, обусловленного интересом к знаковости и взаимной (не)переводимости знаковых систем, с одной стороны, и, с другой, — с намерением представить «парагон» образов и слов как универсальную черту западной традиции. Речь шла не о переосмыслении старого термина, но именно об изобретении нового — изобретении, которое отвечало структуралистской потребности в категории, делающей возможной фиксацию «пограничного» семиотического опыта.

Характерно, что стремление Уэбб противостоять экспансии термина имеет в своей основе два связанных жеста. С одной стороны, она ставит под вопрос

единство традиции «слов об изображениях», тематизированное в работах У. Митчелла: «Совершенно не очевидно, что все эти примеры могут быть рассмотрены как формы одного жанра, что этот жанр имел имя, и еще менее очевидно то, это имя могло бы быть “экфрасисом”» [15, 2]. С другой стороны, она методично фиксирует аспекты расхождения античных контекстов использования термина с современными: античный экфрасис может быть посвящен любому предмету, может быть любого объема, может быть в стихах и в прозе, и он вовсе не ограничен областью словесного искусства; его сущностная черта состоит только в том, что он «ставит свой предмет перед глазами» [15, 8].

Суть возражений Уэбб состоит в указании на несоизмеримость смысловых контекстов, которая делает непродуктивным перенесение представлений из одного ряда в другой: ретроспективная «модернизация» античности столь же сомнительна, как и попытка истолкования современных реалий в системе античных категорий.

Признание позиции Уэбб отражено во многих статьях и, в частности, в работах Л. Геллера 2000–2010-х гг.: «Рожденный античной традицией дискурсивных типологий, он выплыл на волне интереса к риторике, характерного для структурализма» [16, 45]. Конфликт интерпретаций Л. Геллер предлагает разрешить «отграничением экфрасиса I от экфрасиса II», где первый — это античное «поэтическое описание», отмеченное «выделенностью из диегесиса» и «энергейей, очевидностью», а второй — это современное «описание художественных объектов или объектов, получивших в тексте статус художественных» [16, 125].

Дифференциация значений, однако, на этом не остановилась, поскольку то, что было названо «экфрасисом II», в свою очередь, тоже оказалось возможным рассматривать как «зонтичный термин». Об этом пишет Т. Якоби: «Экфрасис — это зонтичный термин, который объединяет различные формы перевода визуального объекта в слова. Это разнообразие часто произвольно ограничивается» [17, 599].

Л. Сэйджер-Айдт, каталогизируя определения, так характеризует современное положение вещей: «Экфразис определяется по-разному: как риторическая фигура <...>; как риторическое упражнение, то есть “как термин для (описательного) жанра, изучаемого с точки зрения композиции и типичного предмета”; как литературный жанр, “определяемый ссылкой на форму и / или предмет”; как макроструктура, “определенная в синтаксических терминах” <...>; как интертекстуальная отсылка, “определяемая ее характерным отношением к другому тексту”; или в широком смысле как тип письма, противопоставленный “описанию”, “аргументации” или “диалогу”» [18, 16].

Истории дискуссий посвящена содержательная работа К. Шефер и С. Рентш, в которой предприня-

та попытка показать связь исходных посылок и теоретических затруднений. В своей статье авторы исходят из того, что экфрасис — это частный случай маркированной интермедиальной ссылки, направленной от текста к неязыковому медиуму [11, 134–136]. Предметом основного внимания оказываются здесь определения Дж. Хеффернана и К. Ключера.

Согласно Хеффернану, экфрасис — это «вербальная репрезентация визуальной репрезентации» [19, 19]. Как указывают авторы статьи, мнение Хеффернана, при всей афористичности формулы, весьма уязвимо: и потому, что репрезентация понимается здесь сугубо миметически, и потому, что сама трактовка интермедиальной отсылки как «двойной репрезентации» требует, как минимум, аргументов [11, 134–136].

Определение К. Ключера предлагает убрать акцент на «двойной репрезентации» и уйти от мысли о наличии объекта по ту сторону текста: «Экфрасис — это вербализация реальных или вымышленных текстов, созданных в невербальной знаковой системе» [20, 26]. Однако сдвиг от «репрезентации» к «вербализации» вызвал новые вопросы, поскольку в новой системе координат оказалась не прояснена роль эстетического опыта, а также связь «вербализации» с представлениями об экфрасисе как особом типе описания или микронарративе [11, 150–151] (ср.: [21]).

Развитие теории экфрасиса в 2000-е и 2010-е гг. ознаменовалось двумя заметными сдвигами. Во-первых, однонаправленность движения от слова к медиа была пересмотрена, и стали появляться работы об экфрасисе вне литературы [22]. Во-вторых, представление о «текстуальности» экфрасиса уступило место концепциям, в которых подчеркивается его «событийность» и включенность в иммерсивные среды. Маркером совершившихся перемен стал номер журнала «Poetics Today», посвященный экфрасису в цифровую эпоху (2018).

ЭКФРАСИС КАК ПЕРФОРМАТИВНАЯ СТРУКТУРА И СРЕДСТВО ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ

М. Дженсон, характеризуя воздействие дигитальных медиа на экфрасис, отмечает переоформление всей системы координат: «Экфрасистический поэт получает возможность не только написать стихотворение, “описывающее” произведение искусства, но и создать мультимедийное произведение искусства, апеллирующее к разным чувствам. Вследствие этого <...> экфрасис становится частью мультисенсорного “события”» [23, 299].

Описанию того, какие последствия это имеет для теории экфрасиса, посвящена статья Р. Брош. В новой медиареальности, как она отмечает, оппозиции вербальное / визуальное, реальное / воображаемое размываются, что делает сомнительной привычную

трактовку экфрасиса в терминах «репрезентации»: «В области медиаискусства традиционная триада художника, объекта и реципиента заменяется творцом, интерактивным процессом и вовлеченной аудиторией»; экфрасис — это «перформативный жест» [24; 230, 226].

В новейшей исследовательской практике можно отметить две линии, связанные с осмыслением экфрастического опыта. Первая из них связана с констатацией увеличивающегося разрыва слов и образов, который экфрасис пытается осмыслить; вторая — с констатацией «нерастворимости» функций слова в пространстве визуальности и медиа.

О «разрыве» пишет, в частности, Г. Бем, отмечающий конфликт режимов восприятия в культуре XX века: «То, что мы действительно видим, никоим образом не исчерпывает языковое высказывание. То, что мы действительно читаем, не подтверждает глаз» [2, 21]. Г. Шапиро, характеризуя работы о живописи М. Фуко и Ж. Деррида, упоминает о «зазоре» (*écart*) между словом и изображением как универсальной примете современного экфрасиса [25, 14] и т.д.

Р. Брош справедливо указывает, что в эпоху перепроизводства образов любое описание должно казаться анахронизмом. Если такой анахронизм в культуре существует, значит, «что-то в экфразисе должно говорить с реципиентами так, как этого не делают репродукции» [24, 229]. Этот тезис резонирует с выводами Г. Бема: «Описание должно сделать нечто большее, чем просто вербализировать языковое содержание, подразумеваемое изображением» [2; 23, 35].

Необходимость экфрасиса в культуре — в том числе в культуре после «визуального поворота» — связана, таким образом, не только с реакцией на всевластие образов, но и с осмыслением *другого* языка и, шире, — с исследованием культурной «инаковости». Раньше других об этом написал У. Митчелл: «Эфрастическая поэзия — это жанр, в котором тексты сталкиваются со своими собственными семиотическими “другими”, теми конкурирующими инаковыми способами репрезентации, которые называются визуальным, графическим, пластическим или “пространственным” искусством» [26].

Тезис о первичности для экфрасиса «другого» в иных формулировках можно найти во многих современных работах. В. Каннингем усматривает в экфрастической поэзии жажду реальности — тем более сильную, что она всегда остается неутоленной: «Письмо всегда мучается вопросом реального присутствия, проблемами познаваемости, проблематичностью истины и обоснованности <...> Я полагаю, что экфрастическая встреча стремится разрешить это древнее и продолжающееся сомнение, указывая на осязаемость, прикосновенность, этость» [27, 61].

Жажда реальности, исследование разных режимов визуальности, освоение «другого» языка пересекаются в фигуре субъекта, который испытывает

эту жажду, исследует эти режимы и устанавливает отношения с «другим». Как отмечают Ш. Бартш и Я. Эльснер, «экфразис может функционировать как пространство, в котором можно подвергнуть сомнению и переосмыслить свои взгляды, чтобы изменить свою субъективность» [1, 3].

«Зазор» между реальностями, интерес к радикально «иному», поиск инструментов самоизменения субъекта, как кажется, и отличает экфрасис в широком поле интер- и интрамедиальности, которое уже давно осваивается гуманитарными науками. Обсуждение связанных с этим полем вопросов стало предметом необозримого числа исследований, обращение к которым далеко увело бы от экфрасиса, однако несколько уточнений все же представляется необходимым сделать.

О. Ханзен-Леве, предложивший самую сложную модель исследований интермедиальности в русской культуре, в своей работе, среди прочего, касается и экфрасиса, который трактует как жанр, ориентированный на «предзаданное иконографическое содержание», фактически — на знаковые образцы из иконографического «лексикона» культурной эпохи [28, 44–45]. Такое понимание представляется неоправданной редукцией предмета и вызывает возражения.

Во-первых, экфрасис не только не исчерпывается работой с иконографическим «лексиконом», но и не сводится к «переносу мотивов из одной художественной формы в другую» [28, 28], потенциально (при совпадении с опытами создания книги художника, например) допуская возможность соотнесения и с другими «типами интермедиальных корреляций» — с «переводом конструктивных принципов» и «проекций концептуальных моделей», в частности.

Во-вторых, проблематику экфрасиса кажется неправомерным ограничивать только обсуждением структуры «интермедиальных жанров»: экфрастическая проблематика интерферирует и в область «медиа как технико-семиотических систем» (поскольку проблематизирует «выразимость»), и в область «художественных форм как культурных институций» (поскольку выявляет релятивность художественных форм), т.е. охватывает все поле интермедиальности.

ЭКФРАСИС КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМА «ИНОГО»

Поскольку совокупность приведенных выше признаков экфрасиса так или иначе соотносится с когнитивными процедурами, экфрастический опыт кажется правомерным рассматривать как частный случай опыта познания — или, точнее, как опыт критического исследования его оснований. В работе Л. Лувел предлагается открытый перечень вариантов, включающий «герменевтический», «майевтический», «субверсивный» и другие экфрасисы [29]. Подступы к гносеологическому прочтению экфрасиса можно обнаружить в самых разных исследованиях.

Так, Е. Фарино отмечает связь «инкорпорации» с совокупностью авторских интенций: «В любом виде искусства возможны такие произведения, в которых изображаются или демонстрируются некие другие произведения. <...> Они обладают определенными свойствами и смыслами и ради этих свойств и смыслов вводятся в данный мир. <...> Произведение внутри произведения создает шкалу “реальный — фиктивный”, “подлинный — поддельный”, “настоящий — условный”, конституируя соответствующие оппозиции или же снимая их. <...> Этот прием позволяет дискредитировать (или наоборот — постулировать) те или иные “языки”, т.е. системы моделирования мира» [30, 377–378].

Т. Автухович, указывая, что при анализе нужно ставить вопрос о «целевой установке автора экфрасиса», описывает процесс его создания как опыт (само)познания: «Если рассматривать экфрасис <...> как метафорический текст, <...> то в таком случае предметом экфрасиса является <...> осмысление посредством описания, в ходе которого предметные детали приобретают эмблематический характер, отсылая к реальности внутреннего мира автора» [7, 50]. Р. Брош, говоря о необходимости обратить внимание на «контексты артикуляции и воздействия» современного экфрасиса, отмечает, что реакция всех субъектов эстетической коммуникации «является воплощенной когнитивной реакцией» [24, 228].

Опираясь на эти разные по содержанию позиции, мы считаем возможным определить экфрасис как *тип саморефлективного текста, моделирующий в осмыслении внесловесного опыта формы медиальной, культурной или субъектной инаковости.*

Говоря о «внесловесном опыте» вместо «невербальных искусств», мы допускаем возможность определения экфрасиса не через его предмет, а через систему средств, определяющих взаимодействие с предметом. При этом параметры эквивалентности между искусством и не-искусством как предметами писания определяются не исследовательским априори, а логикой художественной практики.

Очевидными полюсами в этой связи оказываются случай, когда экфрасис подчиняет себе описание, и восприятие любых феноменов культуры начинает строиться по экфрастической модели, и случай, когда описание подчиняет себе экфрасис, который начинает определяться универсальной для поэта логикой построения образа. В обоих примерах экфрасис перестает быть описанием предметов искусства.

Предложенный подход, как нам кажется, позволяет решить существующие теоретические затруднения в трактовке экфрасиса, поскольку переводит известные проблемы в иную систему координат.

Во-первых, проблема (не)миметичности экфрасиса и связанная с ней проблема трактовки экфрасиса в терминах репрезентации снимается

указанием на то, что первичной для экфрасиса оказывается ситуация созерцания как интерпретации, что точка отсчета — не в связях «текст» — «реальность» или «текст — «текст», а в фигуре субъекта, который устанавливает или снимает эти и любые другие связи.

Во-вторых, противопоставление текста и события, описания и перформативного действия тоже кажется второстепенным по отношению к пониманию экфрасиса как структуры, моделирующей опыт. «Опредмечен» ли этот опыт в тексте или он формируется «перформативно», во взаимодействии с другими субъектами, не так важно — важно, что он представляет собой определенную схему когнитивных операций.

В-третьих, проблема определения того, что может, а что не может быть предметом экфрасиса (только изобразительное искусство — или все искусства, только искусства — или все объекты искусственного происхождения) тоже получает решение, поскольку таким предметом оказывается любой феномен, включенный в культурное поле и допускающий возможность интерпретации как «иной» по отношению к слову.

Попробуем обобщить все эти выводы в схеме описания экфрасиса. Вероятно, самая известная в российском контексте схема такого рода принадлежит М. Рубинс, сгруппировавшей элементы вокруг трех категорий: «субъект» (художник, поэт, читатель), «объект» (референт, произведение искусства, текст), «среда» (действительность, изобразительное искусство, литература) [31, 46].

Нам кажется, триаду «объект», «субъект», «среда» можно заменить другой, поставив в центр внимания элементы, связанные с когнитивной работой сознания: интенцию, восприятие и медиальность:

Интенция	Восприятие	Медиальность
Принципы структуризации предмета	Способы создания образа предмета	Семантизация привлекаемых медиумов
Способы контекстуализации предмета	Характеристика модальности восприятия	Структура интермедиальной отсылки
Параметры включения предмета в художественный мир	Принципы взаимодействия с описываемой реальностью	Роль слова в интермедиальной структуре

Во-первых, экфрастический предмет всегда так или иначе включен в круг интересов субъекта, что предполагает разные уровни и стратегии его «интериоризации». В целом ряде примеров описание очевидно расходится с объектом: экфрасис видоизменяет связи внутри объекта, опуская

одни признаки и добавляя другие. Такая рекомбинация впечатлений обнажает причины обращения к предмету, выявляет основания, на которых он включается в память творческого субъекта. Трансформация предмета нередко осуществляется в результате воздействия других образов. В литературной практике нередко примеры, когда экфрасис посвящен не одному произведению, а нескольким [32; 33]. Такая «сложность» всегда мотивирована, и элементы целого формируют контекст. Наконец, вполне очевидным кажется еще один аспект анализа — соотнесение экфрастического образа с системой мотивов, реализуемой в текстовом корпусе как целом, параметры его вписанности в логику художественного мира.

Во-вторых, поскольку восприятие объекта в экфрасисе, как правило, субъективировано, в его анализе уместно учитывать феноменологические аспекты рецепции. Экфрастический образ выступает моделью «сборки» чувственных впечатлений, предлагая их специфическую формулу. Один из вариантов такой формулы — включение зрительных впечатлений в синестетические связи [34]. Но значимы могут быть и сами принципы «конкретизации» предмета, а также мера его детализации. В некоторых случаях значение имеет модальность восприятия. Д. Холландер, указывая на то, что у описываемого объекта может не быть референта, говорит о «фактических» и «умозрительных» экфрасисах [35]. Можно согласиться с конкретизацией этой схемы у П. Барри, предложившего подразделять фактические экфрасисы на «закрытые» и «открытые», а умозрительные — на «вымышленные» и «концептуальные» [36]. Эту систему координат, очевидно, можно дополнить, отметив, что способ рецепции объекта сам по себе может выступать условием формирования представления о нем.

В-третьих, экфрасис предполагает внимание к различиям медиумов, которые могут получать самую разную интерпретацию. Очевидно, что в экфрасисе тот или иной вид искусства может получать специфическую семантику, обозначая ряд возможностей, нереализуемых в слове, но важный как его «другое». Писатель может тяготеть к одним видам искусства и быть равнодушным к другим, с разными медиумами для него могут соотноситься разные возможности. Очевидно и то, что в литературной практике экфрастический текст нередко предполагает сочетание и взаимное опосредование разных типов впечатлений. В одном ряду могут оказываться литературная и живописная аллюзии, описание графики и фотографии и т.д. Наконец, присутствие интермедиальной отсылки всегда тематизирует отличия слова от других медиа, делает ощутимой условность литературной формы. В этом смысле экфрасис можно рассматривать как структуру, выявляющую пределы доступного слову.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bartsch S., Elsner J. Eight Ways of Looking at an Ekphrasis / P. Barry // *Classical Philology*. 2007. — Vol. 102. — № 1. — P. I–VI.
2. Boehm G. Bildbeschreibung. Über die Grenzen von Bild und Sprache / G. Boehm // *Grenzen der Bildinterpretation*. — Wiesbaden, 2014. — S. 15–38.
3. Геллер Л. На подступах к жанру экфрасиса. Русский фон для нерусских картин (и наоборот) / Л. Геллер // *Wiener Slawistischer Almanach*. — 1997. — SBd. 44. — S. 151–172.
4. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе / Л. Геллер // *Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума*. — М.: МИК, 2002. — С. 5–22.
5. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста: (к проблеме структурной классификации) / Н. Брагинская // *Славянское и балканское языкознание: карпато-восточнославянские параллели: структура балканского текста*. — М.: Наука, 1977. — С. 259–283.
6. Иванюк Б. Стихотворный экфрасис: словарная версия / Б. Иванюк // *Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения*. — Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Kiterackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. — С. 383–396.
7. Автухович Т. «Шаг в сторону от собственного тела...»: Экфрасисы Иосифа Бродского. / Т. Автухович. — Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Kiterackich im. Franciszka Karpińskiego, 2016. — 268 с.
8. Меднис Н. Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе / Н. Е. Меднис // *Критика и семиотика*. — 2006. — Вып. 10. — С. 58–67.
9. Новикова М. В. Экфрасис в поэтической практике имажинистов (В. Шершеневич, А. Мариенгоф, С. Есенин): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Новикова. — Воронеж, 2018. — 24 с.
10. Экфрастические жанры в классической и современной литературе: монография / Под общ. ред. Н. С. Бочкаревой. — Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 2014. — 204 с.
11. Schaefer C. Ekphrasis. Anmerkungen zur Bergiffbestimmung in der neueren Forschung / C. Schaefer, S. Rentsch // *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*. — 2004. — Bd. 114. — H. 2. — S. 132–165.
12. Франк С. Заражение страстями или текстовая «наглядность»: pathos и ekphrasis у Гоголя / С. Франк // *Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / Под редакцией Л. Геллера*. — М.: МИК, 2002. — С. 32–41.
13. Lindhé C. “A Visual Sense is Born in the Fingertips”: Towards a Digital Ekphrasis / C. Lindhé // *Digital Humanities Quarterly*. — 2013. — Vol. 7.1. — Режим доступа: <http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/7/1/000161/000161.html> (Дата обращения: 08.04.2020).
14. Wandhoff H. Ekphrasis. Bildbeschreibungen von der Antike bis in die Gegenwart / H. Wandhoff // *Audiovisualität vor und nach Gutenberg. Zur Kulturgeschichte der medialen Umbrüche*. — Wien/Mailand, — 2001. S. 175–184.
15. Webb R. Ekphrasis, Imagination and Persuasion in

Ancient Rhetorical Theory and Practice. / R. Webb.— Farnham: Ashgate, 2009.— 238 p.

16. Геллер Л. Экфрасис, или Обнажение приема. Несколько вопросов и тезис / Л. Геллер // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — С. 123–148.

17. Yacobi T. Pictorial Models and Narrative Ekphrasis / T. Yacobi // Poetics Today.— 1995.— Vol. 16.— Issue 4.— P. 599–649.

18. Sager Eidt L. M. Writing and Filming the Painting Ekphrasis in Literature and Film / L. M. Sager Eidt.— Amsterdam, New York, 2008.— 243 p.

19. Heffernan J. A. W. Speaking for Pictures: the Rhetoric of Art Criticism / J. A. W. Heffernan // Word and Image.— 1999.— Vol. 15.— Issue 1.— P. 19–33.

20. Clüver C. Ekphrasis Reconsidered. On Verbal Representation of Non-Verbal Text / C. Clüver // Interart Poetics. Essays on the Interrelations of the Arts and Media.— Amsterdam, 1997.— P. 19–33.

21. Шатин Ю. В. Ожившие картины: экфрасис и диалогизм / Ю. В. Шатин // Критика и семиотика.— 2004.— Вып. 7.— С. 217–226.

22. Cariboni Killander C., A New Look on Ekphrasis: an Eye-tracking Experiment on a Cinematic Example / C. Cariboni Killander, L. Lutas L., A. Strukel // Ekphrasis. Images, Cinema, Theory, Media.— 2014.— Vol 12.— P. 10–31.

23. Jansson M. Ekphrasis and Digital Media / M. Jansson // Poetics Today.— 2018.— Vol. 39.— Issue 2.— P. 299–318.

24. Brosch R. Ekphrasis in the Digital Age: Responses to Image / R. Brosch // Poetics Today.— 2018.— Vol. 39. Issue 2.— P. 225–243.

25. Shapiro G. The Absent Image: Ekphrasis and the 'Infinite Relation' of Translation / G. Shapiro // Journal of visual culture.— 2007.— Vol 6(1).— P. 13–24.

26. Mitchell W. J. T. Ekphrasis and the Other / W. J. T. Mitchell // Mitchell W. J. T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation.— Chicago, 1994.— Режим доступа: <http://www.rc.umd.edu/editions/shelley/medusa/mitchell.html> (Дата обращения: 08.04.2020).

27. Cunningham V. Why Ekphrasis? / V. Cunningham // Classical Philology.— 2007.— Vol. 102.— № 1.— P. 57–71.

28. Ханзен-Леве О. А. Интермедальность в русской культуре: от символизма к авангарду / Оге А. Ханзен-Леве.— М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2016.— 503 с.

29. Louvel L. Types of Ekphrasis: An Attempt at Classification / L. Louvel // Poetics Today.— 2018.— Vol. 39.— Issue 2.— P. 245–263.

30. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие / Е. Фарино.— СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004.— 639 с.

31. Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в поэзии акмеистов и европейская традиция / М. Рубинс.— СПб.: Академический проект, 2003.— 354 с.

32. Марков А. Сложный экфрасис в русской поэзии: основы теории и один пример / А. Марков // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 91–97.

33. Яценко Е. «Любите живопись, поэты...»: экфрасис как художественно-мировоззренческая модель / Е. Яценко // Вопросы философии.— 2011.— № 11.— С. 47–57.

34. Тименчик Р. Еще раз о русском стиховом экфрасисе // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения.— Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Kierackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018.— С. 115–123.

35. Hollander J. The poetics of ekphrasis / J. Hollander // Word & Image.— 1988.— Vol. 4.— Issue 1.— P. 209–219.

36. Barry P. Contemporary Poetry and Ekphrasis / P. Barry // The Cambridge Quarterly.— 2002.— Vol. 31.— No. 2.— P. 155–165.

Воронежский государственный университет

Житенев А. А., доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: superbia@mail.ru

Voronezh State University

Zhitenev A. A., Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature of the 20th and 21st Centuries, Theory of Literature and the Humanities

E-mail: superbia@mail.ru

ГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО РИТМА «ЧАСТНОЕ-ВСЕОБЩЕЕ» В ТЕКСТАХ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

А. В. Зипунов

Институт Международного права и экономики имени А. С. Грибоедова

С. В. Валганов

Автономная некоммерческая организация «Мегалитический клуб»

Поступила в редакцию 17 июля 2020 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию семантического ритма оппозиций «частное-всеобщее» на материале текстов авторской песни. Для лучшего понимания этой структуры предлагается использовать специальное графическое представление. Этот инструмент наглядно иллюстрирует чередование частного и всеобщего, а также способствует более точной интерпретации сложных поэтических текстов с точки зрения этих оппозиций. Метод построения качественных графиков с условными уровнями всеобщности продемонстрирован в одно- и двухпроходном анализе структур нескольких песен.

Ключевые слова: графическое представление, семантический ритм, структурная семиотика, семантика, авторская песня, поэзия.

Abstract: the article presents the graphic interpretation, which clearly illustrates the semantic rhythm of the type «particulars and universals» in some text structures of poetic works. The method of creating graphical interpretation is demonstrated in the analysis of two texts with different degree of complexity.

Keywords: graphical interpretation, semantic rhythm, structural semiotics, semantics.

Разработка инструментария для массового анализа поэтических текстов в рамках отдельного культурного явления продолжает оставаться крайне интересным направлением. Оттолкнувшись от структурно-семиотического подхода Ю. М. Лотмана [1, 11–18], в предлагаемом развитии методологии в приложении к явлению авторской песни удается иногда выявить особые смысловые рисунки, структуры [2]. В некоторых случаях оказалось продуктивным использовать графическое представление структуры поэтического текста. Акцент именно на этот аспект методики сделан в предлагаемой работе на примере исследования текстов песен А. Суханова и А. Городницкого.

Многие песни можно поделить на смысловые блоки и обобщить их значения до максимума, вплоть до философских категорий. Причем в некоторых произведениях подобные обобщения будут повторяться. Например, такое чередование может выражаться в переходе от конкретного к общему или наоборот. Данный повтор можно охарактеризовать как отражение диалектического противоречия оппозиций «частное-всеобщее» или ЧВ-ритм. Но метод выявления ЧВ-ритма в многослойных текстах требует отдельного рассмотрения.

Для лучшего понимания ЧВ-ритма в некоторых случаях мы используем качественный график, отображающий динамику всеобщности в том или ином

тексте. Впрочем, хорошо известен опыт точного математического представления при анализе поэзии. Например, А. Белый выстраивал график вычисленного ритма строф, после чего коррелировал результаты с динамикой семантики произведения [3]. Фоносемантики, в свою очередь, вычисляют уровень звучности стихотворной строки и присваивают ей смысловую нагрузку (например, [4; 5]). Также можно пытаться выстраивать график семантических дифференциалов со словом-знаком в качестве единицы измерения (например, [6]).

Однако используемые в нашем представлении уровни всеобщности условны ввиду ее неизмеримости. Поэтому для наглядной иллюстрации зависимостей, закономерностей применяется именно качественный график семантики. Нужно отметить, что он выполняет исключительно вспомогательную функцию. Также приведенная техника в принципе не может быть применима для всех песен с ЧВ-ритмом, поскольку в одном и том же тексте формы отображения диалектического противоречия частного и всеобщего могут различаться, т.е. могут оказаться несоизмеримыми. Проиллюстрировать принцип построения графика можно на эталонно простом для алгоритма примере, на песне А. Суханова «Вальс “Да ну”» [7, 76], в котором явное противоречие выражено единым способом.

Сначала проанализируем произведение с точки зрения выявления ЧВ-ритма. В этой песне блоки со-

впадают с куплетами. Причем содержание куплетов-блоков 1, 3, 5 («мела пурга», «солнце зальет», «птицы кричали») обобщается соответствующими припевами-блоками 2, 4, 6 («зима ушла», «весна ушла», «жизнь... была и нет. Была»). Следовательно, мы получаем структуру песни с явным ЧВ-ритмом: блок 1 — частное, блок 2 — всеобщее, блок 3 — частное, блок 4 — всеобщее, блок 5 — частное, блок 6 — всеобщее.

Чтобы лучше понять семантические ритмы и способ построения графического отображения семантики блоков, мы переведем песню в формат качественной зависимости, формализованной в виде графика.

Итак, на оси X будут расставлены песенные блоки, а ось Y определит условный уровень всеобщности. Чем ниже положение на оси Y — тем ближе песенный блок к частному, низшему уровню всеобщности. Соответственно, чем выше положение — тем ближе фрагмент к идеальному всеобщему. Кроме того, в песнях часто, как и здесь, есть припевы, смыслы которых могут несущественно меняться, а потому логично для них попробовать выстроить отдельную, вспомогательную траекторию.

Прежде чем приступить к графическому осмыслению песни, надо учесть, что нам нужны не абсолютные, а относительные значения, которые и попытаемся адекватно отобразить. А теперь перечитаем припевы исследуемой песни (блоки 2, 4, 6). Они обозначают всеобщее и образуют отдельную линию (рис. 1). Но нужно отметить, что блок 6 подытоживает жизнь («жизнь была...»), из-за чего становится на уровень выше, чем блоки 2 («зима») и 4 («весна») с более узким осмыслением времени.

Перейдем к запевам, т.е. нечетным блокам. Фрагменты (блоки 1, 3) можно расположить на одинаковом, более низком уровне всеобщности, поскольку они отображают частное. А блок 5 находится выше блоков 1 («март за февралем») и 3 («весна»), поскольку в нем намечено осмысление жизни («жизнь пролетает»). Однако он расположен ниже линии припевов, поскольку тоже выражает частное («выли метели»).

В итоге созданное графическое представление (см. рис. 1.) никак не переосмыслило результаты однопроходного анализа ввиду простоты песни в рамках нашего исследования. Однако оно наглядно иллюстрирует сам ЧВ-ритм в текстовой структуре «Вальса “Да ну”».

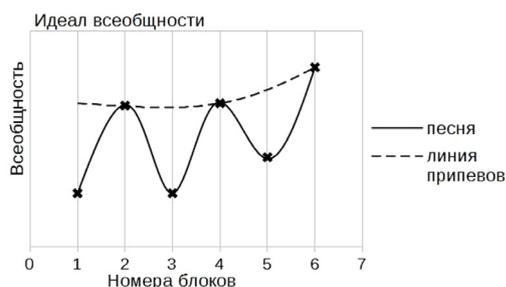

Рис. 1. Графическое представление «Вальса “Да ну”» в терминах ЧВ-ритмики

Но иногда график не только показывает семантический ритм, также он помогает корректно выявить его наличие в неоднозначных песнях. Эти произведения с менее явной ритмической структурой требуют анализа в два прочтения, или прохода. Сначала песня обобщается до локальных значений блоков (куплетов). Затем, если содержание позволяет, эти обобщения сворачиваются до понятий «частное-всеобщее». Как раз на втором проходе может понадобиться график.

Подобный способ графического представления сложных текстов удобно продемонстрировать на произведении А. Городницкого «Песня болотных геологов» [8, 71]. В силу многослойности текста мы на этот раз проведем более акцентированный анализ, по блокам-куплетам.

Блок 1

А женам надоели расставания,
Их личики морщинками идут.
Короткие вокзальные свидания
Когда-нибудь в могилу их сведут.

В текущем блоке отображены собирательные, узко-личностные проблемы определенной среды. Здесь обозначена одна из сторон темы преодоления — расставание, причины которого неизвестны. Однако формулировки «женам надоели расставания» и «вокзальные свидания» также подразумевают уход от обыденности. Исходя из вышперечисленного, мы предполагаем, что блок 1 обозначает «суетность».

Блок 2

А я иду, доверчивый влюбленный
Подальше от сервантов и корыт,
И, как всегда, болот огонь зеленый
Мне говорит, что путь открыт.

Данный фрагмент, являющийся припевом, отображает непоколебимый путь. Но цель этого пути пока не ясна. Однако «серванты» и «корыта» намекают, что в припеве обозначен уход от суетности, даже от мещанской среды. Следовательно, именно эта среда подразумевалась в блоке 1. Для первого прохода мы обозначаем этот фрагмент как «путь».

Блок 3

А женам надоели годовщины
И частых провожаний маята.
Подстриженные бобриком мужчины
Уводят их туда, где суета.

В этом фрагменте снова отображается мещанское общество. Узко-личностные проблемы усугубляются изменами, которые развивают тему расставания из блока 1 («мужчины/Уводят их»). Следовательно, мы называем данный фрагмент «дном суетности».

Блок 4

А я иду, обманом закаленный,
Брезентом от случайностей прикрыт.
И, как всегда, болот огонь зеленый
Мне говорит, что путь открыт.

Текущий блок, он же припев, описывает тот же не-

поколебимый путь, что и в блоке 2. Для первого прохода мы охарактеризуем этот фрагмент как «путь».

Блок 5

Шагаем мы сквозь лиственное пламя,
Нас песнями приветствует страна.
Взрастают под чужими именами
Посеянные нами семена.

В предпоследнем блоке странствующий «я» оказывается подмножеством «мы», под которым имеются в виду болотные геологи. В этом отрывке они преодолевают препятствия («сквозь лиственное пламя») ради восходящих целей. Их деятельность направлена на благо общества по меркам 1950–60-х, поэтому геологов «песнями приветствует страна». А «посеянные семена» — метафора научного вклада, на который будут опираться последователи («чужие имена»). Благодаря вышперечисленному, проясняется причина непоколебимости в припевах. Мы с уверенностью можем обозначить текущий блок как «движение к великому».

Блок 6

А я иду, совсем не утомленный,
Лет двадцати, не более, на вид,
И, как всегда, болот огонь зеленый
Мне говорит, что путь открыт.

Финальный блок повторяет смыслы предыдущих припевов, вследствие чего мы относим его к «пути».

В результате первичная структура песни выглядит следующим образом: блок 1 — суетность, блок 2 — путь, блок 3 — дно суетности, блок 4 — путь, блок 5 — движение к великому, блок 6 — путь.

Следует обратить внимание, что блок 5, провозглашая деятельность с далекоидущими, общечеловеческими целями, декларирует всеобщий труд. Значит, данный фрагмент можно обобщить до «всеобщего». Следовательно, данный блок является ключевым. Опираясь на него, мы можем перейти ко второму прочтению песни, теперь с графическим представлением.

Сначала перечитаем припевы (блоки 2, 4, 6). Они обозначают «путь». Значит, данные фрагменты находятся примерно на одном уровне всеобщности и образуют линию припевов. Хотя она постепенно приподнимается, поскольку в последнем припеве уже известна цель пути.

Теперь мы выясним, как относительно линии припева стоят остальные блоки в терминах оппозиции «частное-всеобщее».

Итак, в блоке 1 отображена суетность, а в линии припевов выражен уход от нее ко всеобщему. Значит, текущий блок расположен на низком, относительно линии припевов, уровне всеобщей оси.

В блоке 3 отображается дно суетности. Следовательно, данный блок находится почти на нулевом уровне всеобщности по оси Y.

Блок 5, провозглашая движение к великому, отображает идеал всеобщности. Значит, он располагается на высшем уровне всеобщей оси Y.

Итак, результат с построенным графиком песни отображен на рисунке 2.

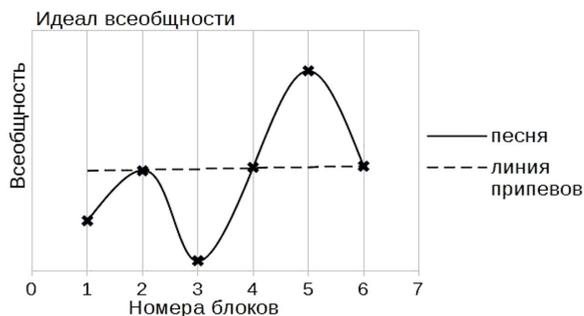

Рис. 2. Графическое представление «Песни болотных геологов»

Как мы видим, блок 2 является локальным максимумом, в то время как блоки 1 и 3 — локальные минимумы. Следовательно, блок 2 можно отнести ко всеобщему, а блоки 1 и 3, соответственно, к частному.

Блок 4 является промежуточным фрагментом между частным и всеобщим. Блок 5 обозначает максимум всеобщего. А блок 6 — локальный минимум, соответственно, он частный.

В конечном итоге мы получаем обобщенную структуру «Песни болотных геологов»: блок 1 — частное, блок 2 — всеобщее, блок 3 — частное, блок 4 — промежуточное, блок 5 — всеобщее, блок 6 — частное. Поскольку блок 4 является промежуточным, он поглощается любым соседним. Вследствие этого структура обретает следующий вид: частное — всеобщее — частное — всеобщее — частное.

Таким образом, мы провели однопроходный и двухпроходный анализ текстов авторской песни с применением графического представления. Этот новый для типа нашего исследования инструмент выполняет две функции. Во-первых, он наглядно иллюстрирует ЧВ-ритм в текстовой структуре. Во-вторых, он помогает более точно и рельефно интерпретировать неоднозначные произведения. Не исключено, что приведенный способ графической интерпретации может пригодиться и для исследований других семантических ритмических структур, в том числе и в авторской песне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха: Пособие для студентов / Ю. М. Лотман. — Ленинград: Просвещение, 1972. — 272 с.
2. Зипунов А. В. Семантические ритмы в структуре стихотворного текста авторской песни / А. В. Зипунов, С. В. Валганов // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Москва — Пенза, 25–26 июня 2020 г.) — Москва — Пенза: ПензГТУ, 2020. — С. 33–52.
3. Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник»: Исследование / А. Белый — М.: Федерация, 1929. — 280 с.

4. Бурого С. Б. Мелодия стиха (Мир. Человек. Язык. Поэзия): Монография / С. Б. Бурого. — Киев: Collegium, 1999. — 350 с.

5. Чигарова С. В. Звукосмысловая сторона стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» (1821) и его переводов на русский язык / С. В. Чигарова // Вестн. РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. — 2010. — № 3. — С. 42–50.

6. Ogiwara, M. The Semantic Shapes of Popular Music Lyrics: Graph-Based Representation, Analysis, and Interpretation

of Popular Music Lyrics in Semantic Natural Language Embedding Space / M. Ogiwara, D. Galarraga, G. Ren, T. Tavares // 17th IEEE International Conference on Machine Learning and Applications, ICMLA 2018 — Orlando: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2018 — pp. 1249–1254.

7. Наполним музыкой сердца. Антология авторской песни: Сб. / Сост. Шипов Р. А. — М.: Советский композитор, 1989. — 120 с.

8. Песни русских бардов: Тексты. / Сост. Аллой В. Е. — Париж: YMCA-Press, 1977. — Вып. 1. — 168 с.

Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова

Зипунов А. В., аспирант кафедры истории журналистики и литературы

E-mail: andzip@mail.ru

АНО «Мегалитический клуб»

Валганов С. В., старший научный сотрудник

E-mail: volkman00@ya.ru

*Griboyedov Institute of International Law and Economics
Zipunov A. V., postgraduate student of the department of
journalism and literature history*

E-mail: andzip@mail.ru

«Megalithic Club»

Valganov S. V., senior researcher

E-mail: volkman00@ya.ru

ФУНКЦИИ ОПЕРЫ «ФАУСТ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ М. А. БУЛГАКОВА

В. В. Зятькова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 16 апреля 2020 г.

Аннотация: в статье рассматриваются функции оперы «Фауст» в творчестве М. А. Булгакова. В частности, показывается, какую смысловую нагрузку несут фаустианские мотивы в произведениях писателя. Описывается, как оперные аллюзии используются для связи реальности с памятью культуры

Ключевые слова: Фауст, опера, фаустианский договор, культурная память.

Abstract: the article deals with the functions of the opera "Faust" in the works of M. A. Bulgakov. In particular it shows what is the meaning of Faustian motives in the works of the writer. The article also describes how opera allusions are used to connect reality with the cultural memory.

Keywords: Faust, opera, Faustian contract, cultural memory.

Многие литературоведы говорят о музыкальности произведений М. А. Булгакова. Музыка являлась важной частью его жизни. Биография писателя подтверждает его знакомство с исполнителями и композиторами, живущими в его время. С 1936 года Булгаков работал беллетристом в Большом театре [1, 6].

Наиболее широко в произведениях Булгакова представлен жанр оперы — как в виде цитат, так и в виде сквозных ассоциаций, проходящих через все творчество писателя. А. В. Никулина указывает на связь литературно-музыкальных ассоциаций с определенным кругом действующих лиц [1, 8]. Е. А. Иваньшина отмечает, что «с оперой так или иначе связаны все помнящие булгаковские персонажи»; «связывает это с тем, что «опера является аллегорическим реквизитом, вписанным в театрализованное пространство памяти в силу того, что хорошо разбирается на цитаты (музыкальные, костюмные) и, следовательно, компактно переносится во времени. Оперная музыка — канал, связывающий данный текст с текстом культуры» [2, 60].

Фаустианские мотивы проходят лейтмотивом через все творчество М. А. Булгакова. Б. Гаспаров утверждает, что «Фауст» — один из трех основных булгаковских интертекстов (другие два — Евангелие и Апокалипсис). [3, 109]. Но «Фауст» — это два текста: один написан Гете, другой — Гуно. В данной статье речь об оперном «Фаусте», который является важной составляющей культурной памяти булгаковского текста, если понимать под текстом все творческое наследие писателя. Писатель называет эту оперу «вечный Фауст» и говорит, что «Фауст совершенно бессмертен» [4, 235].

Г. Г. Ишимбаева замечает, что Булгаков довольно часто обращался к одной из основных тем фаустовского сюжета — продаже души дьяволу ради достижения своих целей. Эта мифологема присутствует в его творчестве как аллюзии, которые вызывают ассоциации с первоисточником [5, 87].

По мнению М. Черкашиной, в «Белой гвардии» Фауст представлен в двух компонентах. Первый компонент — это тот «Фауст», образ которого символизирует счастливый домашний уют [6, 5]. А. Бояринцева пишет о том, что писатель вырос в «атмосфере счастливого домашнего музицирования», раскрытые ноты «Фауста» на пианино служили непременным условием домашнего уюта [7]. В этом же значении представлен «Фауст» в «Театральном романе» в сцене сочинения Максудовым пьесы [8, 435].

Второй компонент «Фауста» представлен дуэлью и Валентином. В первоисточнике Валентин просит Бога хранить его сестру Маргариту, а после возвращения с войны его убивает соблазнитель сестры. По мнению М. Черкашиной, в «Белой гвардии» этот оперный мотив оказывается перевернутым. Здесь молитва исходит не от брата (Валентин в «Фаусте»), а от сестры (Елены), молящейся о лежащем в предсмертной горячке брате перед иконой Пречистой Девы. Слова молитвы получают отклик, старая икона в тяжелом окладе словно оживает, затем неслышно приходит Тот, «к кому через заступничество смуглой Девы зывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благостный, и босой...» [9, 411].

В «Театральном романе» в главах «Мое самоубийство» и «При шпаге я» мы наблюдаем вкрапление текста оперы «Фауст», причем события, происходящие в романе, аналогичны событиям, происходящим в опере. Подобно Фаусту, Максудов решается покон-

чить жизнь самоубийством. Однако перед этим он слышит оперу «Фауст», звуки которой доносятся до него с нижних этажей, и решает в последний раз послушать выход Мефистофеля [8, 411], и как раз в момент появления Мефистофеля на сцене в дверь Максудова стучатся со словами: «А вот и я» [8, 412]. В комнате появляется Рудольфи, редактор-издатель литературного журнала, в узнаваемом оперном образе [8, 412]. По мнению Б. Гаспарова, описание внешности героя соответствует оперному образу в воплощении Шляпина [3, 64]. Появившийся Рудольфи прочитывает рукопись Максудова, оценивает ее и берется печатать этот роман.

В данной сцене сюжет «Фауста» проникает в жизнь Максудова: за помощь в печати романа Максудов подписывает договор с дьяволом [8, 415]. Мы наблюдаем здесь удвоение фаустианского мотива: реальный Максудов, решившийся на самоубийство (подобно Фаусту), слышит музыкальный отклик на этот импульс и видит перед собой как бы фрагмент театрального представления, которое смешивается с реальностью его существования. Здесь, как и в молитве Елены Турбиной, «Фауст» привлекается в функции спасения от смерти как икона. Фактически мы наблюдаем смысловой параллелизм: в «Белой гвардии» спасителем Алексея становится Христос, в «Театральном романе» — оперный Мефистофель.

Тот же параллелизм актуален и в «Мастере и Маргарите», где Евангелие и «Фауст» пересекаются в рамках одного текста и где Иешуа и Воланд дополняют друг друга по отношению к судьбе Мастера. Появление Мефистофеля-Рудольфи своей театральностью схоже с появлением Воланда в «Мастере и Маргарите». Воланд тоже появляется в образе Мефистофеля и проделывает похожие фокусы, в частности, уже в первой главе предоставляет Бездомному «Нашу марку» по его желанию (как вскоре выяснится, последнему). Это небольшое чудо с эпизодом в «Театральном романе», где Рудольфи неожиданно достает из кармана лампочку, чтобы заменить перегоревшую у Максудова [8, 412].

Мотив фаустианского договора в «Мастере и Маргарите» обыгран неоднократно: вспомним Босого, заключившего договор аренды с иностранным артистом, Мастера, нашедшего в корзине с грязным бельем выигрышную облигацию, изменившую его жизнь (эта сделка соотносима с подобной сделкой в «Портрете» Гоголя), Маргариту, согласившуюся стать хозяйкой бала за возвращение Мастера, и, что не менее важно, рукописи его романа. В указанных примерах договор и осуществляющий его персонаж из оперы «Фауст» являются связующим звеном между читателем и рукописью.

«Фауст» в «Мастере и Маргарите» становится кодом узнавания «своего» читателя, знаком посвященности. В главе «Явление героя» Мастер, выявляя степень невежественности Ивана, задает ему

вопрос: «Простите, может быть, впрочем, вы даже оперы «Фауст» не слыхали?» [10, 133].

В главе «Прощение и вечный приют» в сцене прощания с городом также содержится аллюзия на оперу Гуно.

«Темнеет. Кони роют землю, содрогается маленький сад. Прощайтесь с подвалом. Прощайтесь скорее» [10, 360].

«Мефистофель.

Из мест этих мрачных скорее уйдем.

Уж близко к рассвету.

Ретивые кони нас ждут — убежим!» [11]. Оперная Маргарита отказывается идти с Мефистофелем, спасая этим свою душу, и устремляется к свету. Булгаковская же Маргарита отказывается от света и выбирает вечный покой рядом с Мастером. И этот покой оказывается тем самым вечным домом, образ которого идеализируется в «Белой гвардии» [9, 199].

По мнению Б. Гаспарова, в «Мастере и Маргарите» присутствует мотив поклонения золотому кумиру, который «скрепляется посредством <...> арии Мефистофеля, ключевой в проведении темы валюты <...>

Все превращения и фокусы с деньгами проделывает Коровьев. Этим обстоятельством объясняется его фамилия: «золотой телец», который царит в сатанинском храме-балагане [3, 59].

Примером таких фокусов с деньгами является договор Никанора Ивановича с Коровьевым по поводу проживания артиста в квартире Лиходеева, когда Никанор Иванович принимает взятку от Коровьева [10, 98]. Фокусы с деньгами Коровьев проделывает и в главе «Черная магия и ее разоблачение», устраивая на сцене денежный дождь из червонцев, которые зрители с радостью собирают [10, 122]. Однако и в том, и в другом случае «сатанинские» деньги приносят своим обладателям лишь неприятности: люди не могут их использовать и расплачиваются за свою алчность разоблачением в буквальном смысле (оказываются раздетыми).

В пьесе «Зойкина квартира» также представлена тема различных манипуляций с деньгами, которые напоминают фокусы Коровьева. Интересно, что пьеса начинается под граммофонное пение упомянутой выше арии [12, 78].

Одним из примеров манипуляций с деньгами в данной пьесе является театральная дача взятки Зойкой Аллилуе. Она дает ему купюру, якобы фальшивую, для того чтобы он выкинул ее. Однако понятно, что речь идет о другом [12, 83].

Зойка вынуждена договариваться не только с Аллилуей, но и с Аллой Вадимовной. В обоих случаях хозяйка квартиры выступает как искусительница и гений обменных сделок.

Еще один искуситель в пьесе — китаец Херувим. Его внешность двойственна: герой имеет ангельское лицо, которому он обязан своим прозвищем, и татуировку дракона на груди, которая указывает на то,

что прекрасный китаец не только ангел, но и змей. Херувим соблазняет Манюшку: она предает Зойку и в переломный момент скрывается вместе с Херувимом [12, 148].

Пьеса «Адам и Ева», как и пьеса «Зойкина квартира», начинается с звучания «Фауста» [12, 327]. В этот же момент в квартире Адама и Евы появляется Ефросимов и снимает всех присутствующих своим аппаратом, вследствие чего эти люди оказываются спасенными от смерти. По мнению Е. А. Иваньшиной, «булгаковская аппаратура (к ней относятся и камеры Персикова-Иванова, и аппарат Ефросимова, и машина времени Рейна-Тимофеева, и нематериальная аппаратура Воланда) представляет собой функциональные аналоги нематериального творческого инструментария автора (его взгляда, памяти, сновидческой фантазии)» [13, 208]. Ефросимов со своим аппаратом появляется здесь подобно Рудольфи в «театральном романе» или Воланду в «Мастере и Маргарите», чтобы выполнить миссию спасения «своих» от облучения солнечным газом (смертоносным газом новых идей и новых текстов). Ефросимов, как и Мастер (который при первом появлении упоминает оперу «Фауст»), является носителем традиционной культуры. Его появление под звучание «Фауста» неслучайно: как было сказано выше, «Фауст» для героев Булгакова является мерилем причастности культуре, знаком посвященности. Кроме того, образ Ефросимова связан с еще одним культурным образом — образом Христа, подобно которому он исцеляет страждущих с помощью своего аппарата [12, 346].

В тексте возникает конфликт между Ефросимовым и Адамом: Ефросимов представляет традиционные ценности, Адам — человек нового мира, он не способен мыслить глобально и понимать смысл происходящего, в отличие от Ефросимова. Поэтому он оказывается неистинным Адамом и отдает свое книжное имя Ефросимову, который и становится Адамом истинным [12, 376].

Еще одним героем, сменившим имя, является Маркизов. Он меняет свое обыденное имя на имя литературного персонажа (Генрих) [12, 368].

Генрих — имя Фауста. Стоит обратить внимание, что именно Маркизов нашел испорченную библию, которая является аналогом испорченной культурной памяти. Он соотносит найденную книгу с реальностью и узнает в ней «наших» Адама и Еву. Так появившийся в квартире Адама забывчивый профессор способствует обретению памяти как испорченной старой книжки [13, 202].

Таким образом, мотивы оперы «Фауст» в художественном пространстве Булгакова служат для сцепления актуальной реальности с миром искусства, культурной памятью и привнесения в реальность утраченного смысла, который она получает только от соотнесения с известными сюжетами культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никулина А. В. Музыка романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / А. В. Никулина. — М.: Проспект, 2020. — 192 с.
2. Иваньшина Е. А. Культурная память и логика текстопорождения в творчестве М. А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук (10.01.01) / Е. А. Иваньшина. — Воронеж, 2010. — 464 с.
3. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Б. М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. — М.: Наука, 1993. — 304 с.
4. Булгакова Е. С. Воспоминания о М. Булгакове / Е. С. Булгакова, С. А. Ляндрес. — М.: Советский писатель, 1988. — 528 с.
5. Ишимбаева Г. Г. Русская фаустиана XX века: учебное пособие / Г. Г. Ишимбаева. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 128 с.
6. Черкашина-Губаренко М. Призрак оперы в прозе Михаила Булгакова / М. Черкашина-Губаренко / Relga. — 2002. — № 7. — С. 2–7.
7. Бояринцева А. Очарованный музыкой — Михаил Булгаков / А. Бояринцева. — Режим доступа: // MoiaRussia. — 2016. — <http://www.moiarussia.ru/ocharovannyj-muzykoj-mihail-..> (дата обращения 10.03.2020).
8. Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 5 томах. Т. 4. Пьесы; Жизнь господина де Мольера; Записки покойника / М. А. Булгаков. — М.: Худ. лит., 1990. — 686 с.
9. Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 5 томах. Т. 1. Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах / М. А. Булгаков. — М.: Худ. лит., 1989. — 623 с.
10. Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 5 томах. Т. 5. Мастер и Маргарита; Письма / М. А. Булгаков. — М.: Худ. лит., 1990. — 734 с.
11. Либретто оперы «Фауст» (Гуно Ш.) — Режим доступа: <http://libretto-oper.ru/gounod/faust> (дата обращения 12.03.2020). Либретто оперы «Фауст» (Гуно Ш.) | Читать либретто | Слушать оперу | Полные оперные либретто | Собрание.libretto-oper.ru
12. Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 5 томах. Т. 3. Пьесы / М. А. Булгаков. — М.: Худ. лит., 1990. — 703 с.
13. Иваньшина Е. А. От лучей смерти к лучам жизни: об аппарате Ефросимова в пьесе М. А. Булгакова «Адам и Ева» / Е. А. Иваньшина // Вестник удмуртского университета. — 2017. — Т. 27, вып. 2. — С. 201–209.

Воронежский государственный педагогический университет

*Зятькова В. В., аспирант кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы
E-mail: violietta.koltakova@mail.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
Zyatkova V. V., postgraduate student of the Department of theory, history and methods of teaching Russian language and literature
E-mail: violietta.koltakova@mail.ru*

КАТЕГОРИЯ ЧУДА В ПОЭЗИИ В. ШАЛАМОВА И Б. ПАСТЕРНАКА

Д. В. Кротова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 1 марта 2021 г.

Аннотация: в статье раскрывается особая значимость категории чуда в художественном мышлении В. Шаламова и Б. Пастернака. Прослеживаются как общность, так и принципиальные расхождения в интерпретации названной категории в творчестве обоих поэтов. Доказывается связь представлений о чуде в сознании Шаламова и Пастернака со сферой витальности как таковой, с творческими началами бытия и поэзией как их целостным выражением. Если Пастернаку присущи религиозные коннотации в понимании чудесного, то Шаламов зачастую акцентирует собственно этические смыслы. К анализу привлекаются материалы архива В. Шаламова (РГАЛИ).

Ключевые слова: Шаламов, Пастернак, поэзия XX века, категория чуда, творческий процесс, мир повседневности в литературе.

Abstract: the article reveals the special significance of the category of miracle in the artistic thinking of V. Shalamov and B. Pasternak. Both commonalities and fundamental differences in the interpretation of this category in the work of two poets are traced. The connecting of the notions of a miracle in the minds of Shalamov and Pasternak with the sphere of vitality as such, with the creative principles of being and poetry as their holistic expression is proved. If Pasternak had religious connotations in the understanding of miraculous, then Shalamov often emphasized ethical meanings themselves. The analysis involves the materials of the archive of V. Shalamov (The Russian State Archive of Literature and Arts).

Keywords: Shalamov, Pasternak, poetry of the twentieth century, category of miracle, creative process, the world of everyday life in literature.

Поэтические миры двух авторов, заявленных в теме статьи, выбраны для совместного рассмотрения отнюдь не случайно. Личность и творчество Б. Пастернака сыграли для В. Шаламова исключительно значимую роль. В записной книжке 1968 г. Шаламов отмечает: «Лучшее, что есть в русской поэзии, — это поздний Пушкин и ранний Пастернак» [1, т. 5, с. 303]. В мемуарном очерке «Пастернак» Шаламов называет столь ценного им собеседника и корреспондента «первым лириком мира», «признанным поэтом мирового значения» [1, т. 4, с. 615]. Роль Пастернака в своем собственном художественном становлении Шаламов раскрывает в том же очерке: «Первая встреча еще в 1926 году с книгой «Сестра моя жизнь» <...> навсегда соединила мои интересы в поэзии с именем Пастернака» [1, т. 4, с. 619]. Исключительная значимость пастернаковского творчества для Шаламова подчеркивается и в свидетельствах И. П. Сиротинской: «Варлам Тихонович часто читал что-нибудь из «Сестры моей жизни» и говорил: «Какой взгляд! Я уж не знаю, как это можно, целые новые пласты втащил он в поэзию»» [2, с. 23].

Шаламов признавался, что «Пастернак задолго до нашей первой встречи был для меня больше, чем поэтом» [1, т. 4, с. 593]. «Он был совестью моего поколения, наследником Льва Толстого. Русская интел-

лигенция искала у него решения всех вопросов времени, гордилась его нравственной твердостью, его творческой силой. Я всегда считал, считаю и сейчас, что в жизни должны быть такие люди, живые люди, наши современники, которым мы могли бы верить, чей нравственный авторитет был бы безграничен. <...> Таким человеком был для меня Пастернак» [1, т. 4, с. 619]. В письме к Пастернаку (от 12 августа 1956 г.) Шаламов прямо говорит о нравственном величии любимого поэта: «Вы — честь времени. Вы — его гордость. Перед будущим наше время будет оправдываться тем, что Вы в нем жили» [1, т. 6, с. 73]. На смерть Пастернака Шаламов откликнулся стихотворным циклом, в котором почивший поэт был назван «живым Буддой», т.е. высочайшим моральным примером для своих современников и людей последующих поколений.

Именно Пастернаку послал с Колымы свои стихи Шаламов. В письме, которое Шаламов отправил вместе со своими стихотворениями, говорилось: «Это лишь скромное свидетельство моего бесконечного уважения и любви к поэту, стихами которого я жил в течение двадцати лет» [1, т. 6, с. 7]. «Шаламов был верен Пастернаку. <...> некоторые резкие характеристики — это уже было позднее, и это на самом деле не важно», — считал Евгений Пастернак, лично знавший Шаламова [3]. «Я современник Пастернака...» [4, т. 2, с. 281] — признается Шаламов в одном из своих

позднейших стихотворений, и в этих словах, высказанных незадолго до смерти, емко выражено отношение Шаламова к автору книг «Поверх барьеров» и «Сестра моя жизнь», «На ранних поездах» и «Когда разгуляется».

Исследователи, учитывая значимость творчества Пастернака для Шаламова, уже обращались к анализу тех или иных аспектов взаимодействия двух художников-современников — имеются в виду, прежде всего, работы В. В. Есипова [5], Н. Б. Ивановой [6], Е. Л. Гофмана [7]. В. Есипов сосредоточивается, главным образом, на выявлении параллелей в эстетических представлениях двух поэтов и писателей, Н. Иванова акцентирует биографический ракурс, а также останавливается на вопросе восприятия Шаламовым романа «Доктор Живаго», Е. Гофман рассматривает стихотворения Шаламова, написанные на смерть Пастернака, и размышляет о роли музыкального начала в мышлении обоих художников, о шаламовском сопротивлении «натиску небытия» [7]. В настоящей статье предлагается рассмотреть реализацию одной из категорий, принципиально значимых в творческом сознании обоих поэтов: речь идет о *категории чуда*.

В художественной системе Пастернака она играет огромную роль и получает различные формы истолкования. Прежде всего, чудом, по Пастернаку, является сам *дар существования, само благо жизни*. Поэзия Пастернака, по словам Н. А. Задуминой, — «неизменное выражение удивления и благоговения перед чудом жизни. Потому что жизнь во всех ее многообразных проявлениях есть непреходящее чудо, чья необыкновенность настолько велика, что способна исцелить любую боль» [8, 66]. Подобное представление пронизывает и лирику («Иней», «Опять весна» и мн. др.) и, не менее явно, пастернаковскую прозу, в особенности роман «Доктор Живаго», где сам «дар существования» предстает чудом, и любовь Юрия и Лары словно озарена высшими благами силами. Эта категория получает многомерное истолкование и в «Стихотворениях Юрия Живаго»: «творчество» и «чудотворство» составляют образную основу и главный смысл стихотворения «Август»; в «Чуде» и «Рождественской звезде» поэт размышляет о «механизмах» и «логике» чудесного (вернее, опровергает какие бы то ни было представления о его механизмах и логике), понимаемого прежде всего в религиозном, христианском ключе.

В поэтическом мире Шаламова роль категорий чуда и чудесного оказывается не менее значима, чем у Пастернака, а линии истолкования этих начал отчасти близки пастернаковским, хотя прослеживаются и некоторые существенные расхождения.

Шаламов считал чудом само свое возвращение с Колымы, саму свою жизнь, которая много раз могла бы оборваться — от голода, холода, болезней, побоев, непосильного труда. «Сегодня, что ни говори,

// Я с вами — и живой» [1, т. 3, с. 124], — констатирует поэт в стихотворении «Я видел все...». «Я вышел из воли мороза // В каком-то сыром декабре, // И желтые ветки мимозы // Цвели на высокой горе» [9], — эти строки можно считать своего рода метафорической картиной чудесного возвращения поэта из «ада», и не случайно в рукописи этого стихотворения (РГАЛИ) непосредственно после самого поэтического текста автор написал: «Лесная сказка» (видимо, предполагая опубликовать свое произведение именно под таким названием).

Лишь чудо, как считал Шаламов, спасло его от гибели уже после освобождения, в пути с Колымы на «материк»: блатари чуть не зарезали его, и лишь случайная ошибка — один из уголовников обозначился и решил, что перед ним «лепила» (т.е. врач), который помогал «нашим», — спасла его от верной смерти¹. И «чудо продолжало совершаться» [1, т. 1, с. 652], Шаламов возвращался с Колымы домой.

Как чудо Шаламов воспринимал и свое общение с Пастернаком. Сам любимый поэт ассоциировался у Шаламова с благами созидательными началами жизни. Не случайно в очерке «Пастернак» Шаламов признается, что во время беседы с Пастернаком «повторял про себя <...> строку из “Августа”»: «И творчество и чудотворство» [1, т. 4, с. 604].

Вспоминая день похорон Пастернака, Шаламов пишет: «Все время казалось, что чудо обязательно произойдет, что поэт воскреснет» [1, т. 4, с. 615] (Шаламов не случайно говорит именно «поэт воскреснет», а не «Пастернак воскреснет», не «человек воскреснет». Потому что поэзия — чудо, а значит и поэт может чудесным образом восстать из мертвых). Метафора чуда возникает и в стихах Шаламова, написанных на смерть Пастернака:

И ослепительное лето
Во все цвета и голоса
Гремит, не веря в смерть поэта
И твердо веря в чудеса [4, т. 2, с. 108].

В этих строках отчетливо ощутимы образные параллели с известным тютчевским стихотворением, первая строфа которого обрела значение своего рода афоризма: «Чему бы жизнь нас ни учила, // Но сердце верит в чудеса: // Есть нескудеющая сила, // Есть и нетленная краса» [10, т. 1, с. 386]. И Шаламов, и Тютчев размышляют о благих началах бытия, которые неподвластны «увяданию земному», разрушению и разложению. Смысловый параллелизм подчеркивается тождеством метрической и строфической организации процитированных стихотворений (четырёхстопный ямб с перекрестной рифмовкой). Общность приведенных текстов отнюдь не случайна, ведь Тютчев принадлежал к числу любимых поэтов автора «Колымских тетрадей». Шаламов писал:

¹ Эти события описаны В. Шаламовым в рассказе «Поезд» [1, т. 1, с. 649–657].

«Тютчев и Баратынский — вершины русской поэзии. <...> В двадцатые и тридцатые годы имена Тютчева и Баратынского едва упоминались в школьных учебниках, хотя надо бы учить каждую их строку. Мандельштам говаривал, что в личной библиотеке русского поэта не должно быть Тютчева — всякий поэт должен знать Тютчева наизусть» [1, т. 3, с. 447].

Сама поэзия связана в сознании Шаламова с жизненными началами, чудесным образом побеждающими смерть. В стихотворении «На волне реки...» (РГАЛИ) выражена вера в безграничную силу искусства: «Говорят: нельзя, // Говорят: глаза // Не видали таких чудес. // Это не — пустыки, // Тот, кто верит в стихи, // Облака тот сведет с небес» [11]. Феномен творчества Шаламов, как и Пастернак, склонен воспринимать сквозь призму категории чудесного. Такое понимание отражено, например, в стихотворении «Стучался я в калитку...». Райский сад здесь — метафорическое воплощение творчества, поэтического вдохновения. Лирический сюжет стихотворения символичен: попав в сад юношей, поэт отведал плоды, но они оказались незрелыми, и только подойдя «к той же самой цели» взрослым, он узрел и вкусил иные плоды, созревшие и спелые:

И яблоки литые
К моим ногам летят,
Как солнца золотые,
И озаряют сад [1, т. 3, с. 138].

Здесь отражена одна из важнейших идей Шаламова: о том, что творчество требует опыта, что «поэзия — дело седых» [1, т. 3, с. 389], и художественное произведение получает силу убедительности только тогда, когда автор обладает достаточным знанием жизни. Завершается это стихотворение принципиально значимым смысловым поворотом:

Лирично то, что лично,
Что пережил я сам.
Едва ли нам прилично
Не верить чудесам [1, т. 3, с. 138].

Сам факт того, что нечеловеческие испытания оказались преодолены, что поэт остался жив и может претворить выстраданный опыт в стихи, расценивалась Шаламовым как чудо. Повороты его судьбы убеждали Шаламова в том, что чудесное присутствует в жизни. Это ощущение у поэта не было окрашено какими бы то ни было мистическими оттенками, Шаламов отнюдь не был склонен к размышлениям о сфере потустороннего, о том, что лежит за чертой земного бытия, но сама по себе категория чуда как свидетельства благих онтологических начал в его художественной и мировоззренческой системе играет существенную роль. Об этом свидетельствует, например, и стихотворение «Отчего на этой даче...». Оно также посвящено размышлениям о неких чудесных началах бытия, тех, что лежат за гранью рационального истолкования. На первый взгляд, суть и законы жизни вроде бы ясны тому, кто много претерпел:

«Ведь любых чудес загадка // Решена во мгле распадка» [1, т. 3, с. 146]. Но непознаваемым началам в частном и общемировом бытии тоже есть место. Некоторые грани жизни осмыслить вне категории чуда просто невозможно. «Задача из учебника тайги», которую стремится решить лирический герой, не дается ему, если использовать только «формулы» и «знаки», и «истинное значение» бытия постигается только в том случае, если принять представления о чудесном.

В поэзии Шаламова есть и значимая грань интерпретации категории чуда, которая отсутствует у Пастернака. Речь идет об *осмыслении чуда не в контексте счастья и блага, а в модальности сомнения.* Шаламов порой говорит о чуде как единственном прибежище для человека, который лишен каких бы то ни было иных возможных путей спасения, — как, например, в стихотворении «Перед небом», где лирический герой «зовет на помощь чудеса» [1, т. 3, с. 72]. Но действительно ли чудеса придут ему на помощь? В этом стихотворении отражаются надежды и сомнения, но нет зачастую присутствующей у Пастернака (как, например, в стихотворении «Иней») уверенности в том, что благодатные начала бытия окажутся сильнее разрушительных². Шаламовское восприятие реальности значительно более драматично, чем у Пастернака. В анализируемом стихотворении лирический герой уподобляется Христу, но здесь возникает образ распятия, а не воскресения. Последует ли за крестной мукой торжествующее преодоление зла? Действительно ли случится чудо? В художественной системе Пастернака был бы дан утвердительный ответ, у Шаламова же вопрос остается без ответа. Вообще, Шаламову, в отличие от Пастернака, в большинстве случаев не свойственны христианские коннотации в понимании категории чуда. Шаламов не был верующим человеком, хотя религиозные образы в качестве важнейших нравственных символов нередко встречаются в его поэзии. Истинной «религией», «верой» Шаламова, по его собственному признанию, была поэзия: «Да, я верю, что именно мое искусство, моя религия, вера, мой нравственный кодекс сохраняли мою жизнь для лучших дел. Кроме бога поэзии, никому более я не благодарен за мою судьбу...» [1, т. 3, с. 473]. Об этом же Шаламов размышляет и в своих стихотворениях:

И когда б не цепь размера,
Не узда стиха,
Где б нашлась иная мера,
Чтоб моя сдержалась вера,
Убоясь греха.

² Обозначенные смыслы в стихотворении «Иней» подчеркнуты, в частности, Д. Быковым в книге «Борис Пастернак» [12].

Ведь на гиблом этом месте
Вечной мерзлоты
Мы с тобой стояли вместе,
До конца сверяя с честью
Помыслы мечты [1, т. 3, с. 178–179].

В этих строках истинным чудом и подлинной внутренней опорой предстает именно поэзия, она ограждает от «расчеловечивания», от нравственной и физической гибели.

Шаламова и Пастернака роднит важная грань интерпретации темы чуда. У обоих поэтов *чуждое зачастую оказывается явлено в быту, в ежедневной жизни, в повседневности*. Еще М. Цветаева подчеркивала исключительную значимость бытовых образов в художественной системе Пастернака: «Первое, что в круговой поруке пастернаковских первизн нас поражает: быт. Обилие его, подробность его — и: “прозаичность” его. Не только приметы дня: часа!» [13, 100]. По замечанию В. Альфонсова, у Пастернака «мир сам вбирает и втягивает человека в себя, не требуя от него взамен презрения к “малому”, повседневному» [14, 13].

Так, и в «Рождественской звезде», обращенной к событиям библейской истории, и в «Инее», описывающем современные поэту реалии, чудо открывается в обыденности человеческого существования, в контурах каждодневности. В стихотворении «Чудо» акцентируется, что вмешательство высших благих сил «настигает мгновенно, врасплох» [15, т. 3, с. 534]. Оно не требует условий, подготовки, специального антуража, оно непосредственно вторгается в жизнь и быт, не считаясь с законами природы и людскими привычками. В романе «Доктор Живаго» Пастернак размышляет о том, что таким же чудом, явленным непосредственно в реалиях обыденной жизни, стало и пришествие на землю Христа: «...пришел этот легкий и одетый в сияние, подчеркнуто человеческий, намеренно провинциальный, галилейский, и с этой минуты народы и боги прекратились и начался человек, человек-плотник, человек-пахарь, человек-пастух в стаде овец на заходе солнца, человек, ни капельки не звучащий гордо, человек, благодарно разнесенный по всем колыбельным песням матерей и по всем картинным галереям мира» [15, т. 3, с. 46]. С размышлениями Пастернака резонирует и высказанная Шаламовым в письме к автору романа «Доктор Живаго» мысль о том, что «в самом христианстве все дело в пришествии, в явлении Бога в быт» [1, т. 6, с. 38]. Сам Шаламов, как мы уже отмечали, не был верующим человеком, и религиозная проблематика не играет у него той роли, которую она играла в творчестве Пастернака. Но сближает двух поэтов представление о том, что «областью проявления» чудесного чаще всего становится именно мир обыденный, бытовой, повседневный.

В качестве чудесных явлений жизни в стихотворениях Шаламова изображается то, чего на протяжении многих лет ему катастрофически не хватало, — тепло, дом, еда. Особенно очевидно подобные смыслы раскрываются, например, в стихотворении «Исполнение желаний», где кров, пища и сама хранительница домашнего очага предстают в восприятии лирического героя истинным дивом. Связь образа чуда с миром дома и бытовой жизни непосредственно выражена и строками стихотворения Шаламова «Опять метель пойдет впрыскаду...»:

Опять метель пойдет впрыскаду
Под окна русскую плясать,
А мне опять вообразят
Домашней жизни чуда [1, т. 3, с. 296].

Как справедливо отмечает Т. Н. Воронина, «увидеть в бытовом сверхъестественное способно не каждый, но именно такая особая чуткость дана лирическому субъекту» [16, с. 58]. Вообще, бытовые, рутинные домашние дела как область проявления чудесного — это и характерная пастернаковская тема: так, Лара, когда Юрий Живаго застает ее во время уборки или за плитой, в «прозаическом и будничном виде, растрепанная, с засученными рукавами и подоткнутым подолом» «почти пугала своей царственной, дух захватывающей притягательностью, более, чем если бы он вдруг застал ее перед выездом на бал» [15, т. 3, с. 400].

Категория чуда проецируется у обоих поэтов и на понимание творческого процесса, вдохновения, озарения. Характерное для Пастернака схождение «творчества» и «чудотворства» явственно ощущается у Шаламова. Вспомним стихотворение «Букет». «Едва живые чудеса», лежащие «в пыли дорожной», — эта метафора указывает одновременно и на предметный план содержания (цветы, неведомым образом оказавшиеся на голом горном склоне), и на символический: цветы — не что иное, как стихи, и их появление в мире «расчеловечивания», в мире, который, казалось бы, не оставляет возможности для творчества и искусства, — это поистине чудо. «Их собираю осторожно // И поднимаю — в небеса» [1, т. 3, с. 15].

С категорией чуда у обоих авторов в какой-то степени смыкается представление о принципе непреднамеренности, «случайности» в поэзии. По словам О. Седаковой, «естественность, случайность, небрежность, обмолвка — все в *Arg roetica* Пастернака противостоит “умению”, “технике”, “эрудиции”. Талантливо живут и талантливо пишут именно так: “нечаянно и наугад”» [17]. Шаламов свидетельствует, что свою знаменитую формулу «чем случайней, тем вернее // Слагаются стихи навзрыд» Пастернак «считал очень важной» [1, т. 7, с. 228]. Как утверждает Шаламов, размышляя о художественном мире Пастернака, в особенности раннего, «целый ряд стихотворений написан при свободной отдаче поэти-

ческой стихии, без вожжей, доверяясь первому варианту <...> Много творческих озарений, гениальных находок получено именно в результате свободного хода поисков нужного слова» [1, т. 7, с. 236]. Шаламов признавался, что испытывает большое доверие к подобному методу и сам нередко на него опирается: «Суть этого способа вовсе не в «модернизме» и не в «зауми», ибо все лишнее отсеется при контроле, при переписке и даже не в изрядном количестве маленьких находок, новинок, которые при работе над каждым стихотворением получают. Суть тут в доверии к самому себе. Если поэт — прибор, с помощью которого природа рассказывает о самой себе, если рифма — поисковый инструмент, то весь рабочий процесс поэта — поставлен на службу природе на «свободном ходу». Если прибор хорош — ошибок в стихах не будет» [1, т. 5, с. 49]. В очерке «Таблица умножения для молодых поэтов» Шаламов развивает сходный круг суждений: «Поэзия — это неожиданность. Неожиданность, новизна: чувства, наблюдения, мысли, детали, ритма...» [1, т. 5, с. 11].

Таким образом, категория чуда в творчестве обоих поэтов оказывается одной из принципиально значимых. Она раскрывается на самых разных уровнях, и прежде всего — на содержательном, мировоззренческом. И у Шаламова, и у Пастернака понимание важнейших бытийных начал — таких как творчество, вдохновение, поэзия и сама жизнь — тесно сопряжено с представлением о чудесном. Хотя поэзия Шаламова несет в себе острейший болевой импульс, и художественный мир автора «Колымских тетрадей» значительно более драматичен и противоречив, нежели пастернаковский, тем не менее, именно признание неизменных благих начал бытия и представление о том, что существование как таковое заключает в себе некий потенциал чуда, пусть и понимаемого вне религиозных коннотаций, спасло Шаламова от глубинного онтологического пессимизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаламов В. Собр. соч.: в 7 т. / В. Шаламов. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2013.
2. Сиротинская И. П. Мой друг Варлам Шаламов / И. П. Сиротинская // Шаламов В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 7. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. — С. 9–40.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Кротова Д. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса

E-mail: da-kro@yandex.ru

3. «Шаламов был верен Пастернаку...». Интервью с Е. Б. Пастернаком. Беседовал С. М. Соловьев. / Е. Б. Пастернак. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://shalamov.ru/metogu/187/> (дата обращения: 7.01.2021).

4. Шаламов В. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / В. Шаламов. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020.

5. Есипов В. В. Варлам Шаламов и Борис Пастернак. Искусство как подъем в высоту / В. В. Есипов // Варлам Шаламов и его современники. — Вологда: Книжное наследие, 2007. — С. 42–66.

6. Иванова Н. Б. Варлам Шаламов и Борис Пастернак: к истории одного стихотворения / Н. Б. Иванова // Знамя. — 2007. — № 9. — С. 198–207.

7. Гофман Е. Л. «Видны царпины рояля...». О четырех стихотворениях Варлама Шаламова на смерть Бориса Пастернака / Е. Л. Гофман // Знамя. — 2015. — № 3. — С. 198–207.

8. Задумина Н. А. Философская проблематика поэзии Бориса Пастернака / Н. А. Задумина // Вестник АТГУ. Гуманитарные науки. — 2010. — № 2 (50). — С. 65–70.

9. Шаламов В. «Я вышел из воли мороза...» / В. Шаламов // РГАЛИ. — Ф. 2596. — Оп. 3. — Ед. хр. 8. — Л. 10.

10. Тютчев Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Тютчев. — М.: Худ. лит., 1984.

11. Шаламов В. «На волне реки...» / В. Шаламов // РГАЛИ. — Ф. 2596. — Оп. 3. — Ед. хр. 1. — Л. 14 об.

12. Быков Д. Борис Пастернак / Д. Быков. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 896 с. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/bykov-pasternak-zhzh/glava-xxxiii-vals-s-chertovschinoj.htm> (дата обращения 05.01.2021).

13. Цветаева М. Световой ливень. Поэзия вечной мужественности / М. Цветаева // Пастернак Б. Pro et contra. Антология. Т. 1. — СПб.: Изд-во РХГА, 2012. — С. 96–109.

14. Альфонсов В. Н. Поэзия Бориса Пастернака / В. Н. Альфонсов. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 368 с.

15. Пастернак Б. Собр. соч.: в 5 т. / Б. Пастернак. — М.: Худ. лит., 1990.

16. Воронина Т. Н. «Домашней жизни чудеса» в лирике В. Т. Шаламова / Т. Н. Воронина // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. — 2017. — № 6. — С. 53–59.

17. Седакова О. «Вакансия поэта»: к поэтологии Пастернака / О. Седакова. — Режим доступа: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/227> (дата обращения 05.01.2021).

Lomonosov Moscow State University
Krotova D. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of modern Russian literature and contemporary literary process
E-mail: da-kro@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Н. А. Лемяскина

Институт развития образования имени Н. Ф. Бунакова

Поступила в редакцию 21 апреля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается содержание эмоционального культурного концепта «радость» в языковом сознании младших школьников (2–4 класс), а также излагаются результаты психолингвистического эксперимента. Выявлены ассоциативные, образные и ценностные характеристики этого концепта, установлена его возрастная специфика в языковом сознании младшего школьника.

Ключевые слова: младший школьник, культурные концепты, языковое сознание, концепт «радость».

Abstract: the article examines the content of the emotional cultural concept "joy" in the language consciousness of primary school students (2-4 grade), and also presents the results of a psycholinguistic experiment. The associative, figurative, and value characteristics of this concept are revealed, and its age-specific features in the language consciousness of a primary school student are established.

Keywords: junior schoolboy, cultural concepts, language consciousness, the concept of «joy».

В рамках исследования языковой личности младшего школьника (с 1 по 4 класс) мы рассматриваем культурные концепты, которые являются базовыми для языковой картины мира ребенка [1]. Одним из таких эмоциональных концептов является концепт «радость», который являясь универсальным, в то же время является базовым для языковой картины мира и духовной культуры русского народа. Однако в работах Ю. С. Степанова [2], А. А. Зализняка, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева [3], З. Д. Поповой, И. А. Стернина [4], В. И. Карасика [5] и других, в которых исследуется русская языковая картина мира, концепт «радость» описан явно недостаточно [6, 60]. Рассмотрим лингвокультурную характеристику концепта «радость» в языковом сознании младшего школьника, которая включает в себя понятийную, образную и ценностную составляющую [7].

Обратимся к словарям. В 4-х томном словаре русского языка «Радость» — «чувство удовольствия, удовлетворения» — пьянящая радость, светлая радость; «то, что доставляет радость» [8]. В Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «радость» определяется как: 1. Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения: Испытывать радость. 2. То, что вызывает такое чувство: Радости жизни. 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство: В семье радость: приехал сын [9].

Таким образом, признаками концепта «радость», как показывают словарные определения, являются следующие: 1) веселое, 2) большое, 3) внутреннее, 4) чувство, ощущение, 5) душевное, 6) удовольствие,

7) удовлетворение. Радость определяется как положительная эмоция, внутренне интенсивно переживаемая человеком [7, 4].

Для выявления образной и ценностной составляющей концепта «радость» проведен психолингвистический эксперимент. В нем приняли участие 241 учащийся 2–4 классов г. Воронежа («радость — это ...»). Результаты опроса позволяют выделить следующие составляющие концепта: 1) веселое чувство (с проявлением/без проявления эмоций в действиях человека); 2) то, что вызывает такое чувство (с указанием/без указания их каузатора); 3) радостное, счастливое событие, обстоятельство; 4) деятельность. По мнению психологов, эмоция «радость» первична с точки зрения филогенеза и переживается человеком в силу витальных и психологических причин. Эта эмоция представляет собой способ сохранения психического здоровья, форму психической самозащиты и важнейший мотив деятельности человека [2, 63]. С учетом вышесказанного, нами выделен еще один признак, который входит в семантический объем концепта «радость» — «радость как приятие мира».

Полученные данные обобщены и представлены по принципу частотности отдельных признаков.

По данным проведенного исследования, признак «веселое чувство (с проявлением/без проявления эмоций в действиях человека)» составляет большой процент от общего количества ответов-реакций: *веселье; хорошее настроение; счастливые мысли; когда хорошо на душе* (2 класс — 40%); *счастье; веселье; хорошее настроение* (3 класс — 30%); *на душе очень легко; когда ты чувствуешь себя на вершине счастья;*

когда тебе хорошо и ничего не вызывает грустные мысли (4 класс — 52%), причем с проявлением эмоций в действиях человека: смех; когда ты улыбаешься; хочется скакать от счастья; хочется петь и танцевать (2 класс — 25%), улыбка; смех; ласка; юмор (3 класс — 48%), когда человек смеется; когда ты улыбаешься; можешь прыгать, петь, танцевать (4 класс — 50%).

Достаточно большой процент имеет второй признак **«То, что вызывает такое чувство** (с указанием/ без указания их каузатора): пятерки в школе; семья; любовь; дружба; верные друзья; когда ешь конфеты, мороженое; природа; лето; кошка (2 класс — 44%); друзья; любовь; свобода (ты свободен!); пятерки; семья; мой питомец; морская свинка; деньги; богатость (3 класс — 39%); вся семья вместе; родные здоровы; любовь; дружба; люди уважают друг друга; идея, случайно попавшая тебе в голову, как раз в нужный момент (4 класс — 38%).

Согласно данным опроса, на третьем месте у младших школьников оказался признак **«Радостное, счастливое событие, обстоятельство»**: Когда ты впервые получил пять по контрольной, когда у тебя всегда 2! Ура!! когда тебе купили толстую энциклопедию; праздник (23 февраля, 9 мая); подарки; обновки; угощение; завершение конфликтов; походы; рыбалка; завтрак в постель; поездка на море (2 класс — 14%); классный подарок, тебе купили кошку; когда ты победил и занял призовое место; веселый праздник (3 класс — 10%); пятерку получил! путешествие с коллективом; поход в театр; ты совершил добрый поступок для родителей, класса и для себя (4 класс — 7%).

Признак **«деятельность»** занимает незначительное количество в полученных ответах-реакциях: игры детей (2 класс — 2%); игры; спорт; учеба; помощь друг другу (3 класс — 16%). Нами был выделен еще один признак **«радость как приятие мира»**: любить мир; жить на свете; любить окружающих (3 класс — 5%); человек испытывает положительные эмоции к окружающему миру (4 класс — 3%).

На вопрос **«радость — какая...»** (опрос 162 чел.) дети предлагают следующие ответы: необыкновенная, неожиданная, отличная, чудесная, большая, классная, долгожданная, замечательная, прекрасная, удивительная, огромная, необъяснимая, волшебная, общая, маленькая, долгая, детская, женская, мужская, моя, наша, мимимишная (2–4 классы).

Младшие школьники дают пояснения, которые определяют ценностную составляющую: это положительные эмоции; это очень-очень, очень-очень веселое чувство; это химическое соединение в мозгу человека (2 класс); самые лучшие чувства; Радость нужно иметь каждому из нас! (3 класс); это не деньги и какие-то вещи, это любовь; Радость, я думаю — это главное, что есть на земле! Чувство счастья, при котором в душе загорается огонь детства. Если у тебя

в душе загорелся такой огонь, то даже если тебе 75, хочется прыгать и скакать (4 класс).

Кроме того, нами были проведены беседы с детьми 1–4 классов с целью получить ответ на вопрос: В каких ситуациях ты испытал радость? Испытали радость дети в следующих ситуациях: были на пикнике; Нина и Серафим родились; я сделала доброе дело; забил гол; я пошел в школу; поехали на море; ем конфеты (1 класс); первый раз полетел на самолете; мне подарили котенка; купили телефон; (2 класс); родилась сестра Юля; научился плавать; появилась черепаха; мама выздоровела; у меня появились рыбки; на день рождения у меня был двухъярусный торт; ездила в Пятигорск; родились цыплята; когда разломил мандарин, расстроился, а потом вспомнил — второй есть (3 класс); появилась младшая сестра; нашел 100 рублей; получила пять; помирились с подругой; мама купила собаку; ем мороженое и пиццу; записали в художественную школу (4 класс).

Спектр ассоциаций свидетельствует не только об универсальности концепта «радость» и ценностной синкретичности этого понятия, но и об особой значимости его для русской картины мира и русского самосознания [6, 66], а также для детской картины мира. Полученные данные показывают, что в языковом сознании младшего школьника концепт «радость» имеет положительную оценку и представлен составляющими «веселое чувство», «то, что вызывает такое чувство», «радостное, счастливое событие, обстоятельство» и составляющими «деятельность», «радость как приятие мира», что можно считать возрастной особенностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лемяскина Н. А. Значимые константы культуры в языковой картине мира младшего школьника / Н. А. Лемяскина // Вестник ВГУ, серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. Воронеж, ВГУ, 2018. — С. 94–96.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М.: Академический проект, 2001. — 990 с.
3. Зализняк Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
4. Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению / В. И. Карасик // Социолингвистики вчера и сегодня. — М.: ИНИОН РАН, 2004. — С. 132–162.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. — 315 с.
6. Захарова Л. И. Концепт «радость» в русском языковом сознании (по результатам анкетирования молодежи 23–35 лет) / Л. И. Захарова // Мир русского слова. — № 3. — 2011. — С. 60–66.
7. Красавский Н. А. Концепт «радость» в русской лингвокультуре (на материале словарных статей и ассоциативного словаря) / Н. А. Красавский // Известия ВГПУ. —

№ 2.— 2010.— С. 4–7.

8. Словарь русского языка в 4 томах под ред. А. П. Евгеньевой 1957–1961.

Институт развития образования Воронежской области имени Н. Ф. Бунакова

Лемяскина Н. А., главный научный сотрудник лаборатории научно-исследовательской деятельности центра научных исследований в системе образования Воронежской области

E-mail: nlemyaskina@mail.ru

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова.— М.: Азъ, 1994.— 997 с.

Institute of education development of the Voronezh region named After N. F. Bunakov

Lemyaskina N. A., Chief Researcher of the Laboratory of Research Activities of the Center for Scientific Research in the Education System of the Voronezh Region

E-mail: nlemyaskina@mail.ru

СКАЗ И ФОЛЬКЛОРНАЯ СТИЛИЗАЦИЯ В ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. ГАЛИЧА И А. БАШЛАЧЁВА

А. В. Марков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 16 января 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются функции использования приема стилизации в песенной поэзии А. Галича и А. Башлачёва. Обнаружено, что для А. Галича более свойственно использование сказовой стилизации, а для Башлачёва — фольклорной. Выявляются сходства и различия двух художественных стратегий, сопоставляются функции двух приемов, ставших основой поэтики авторов.

Ключевые слова: Галич, Башлачёв, фольклор, сказ, рок-поэзия, авторская песня.

Abstract: the article discusses the problem of using stylization in song lyrics by A. Galich and A. Bashlachev. It is detected, that speech stylization is typical for Galich's texts, while in Bashlachev's songs folklore stylization is more used. The author highlights the similarities and differences between two artistic strategies and matches their functions and purposes.

Keywords: Galich, Bashlachev, folklore, speech stylization, rock-poetry, song lyrics.

Исследования, посвященные различным формам стилизации, появляются регулярно, однако их объектом редко становится поэтический материал, еще реже — материал песенный. Следует также отметить, что речь о сказе чаще всего¹ идет как о прозаической повествовательной стратегии у авторов т.н. «неклассической прозы» [1, 48]. В данной работе объектом исследования становятся отдельные песенные произведения двух поэтов, принадлежащих разным эпохам, песенным и литературным традициям: если А. Галич является ярким представителем «трагедийно-сатирического» [2, 403] направления в авторской песне, то творчество А. Башлачёва, находящееся, на первый взгляд, на стыке двух направлений: авторской песни и рок-поэзии — все же, по мнению большинства исследователей и поклонников, относится к рок-традиции. Предметом данной работы становятся функции стилизации, выбранной в качестве стратегии для реализации конкретных творческих задач.

Вслед за авторами «Поэтики сказа», мы рассматриваем сказ как разновидность стилизации. Такой же точки зрения придерживаются авторы статьи «Стилизация» в «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» под редакцией Н. Д. Тамарченко, заявляя, что стилизация (в широком смысле)

и сказ находятся в родовых отношениях [3, 243]. Сказ и фольклорная стилизация имеют немало общего: их объединяет в до-книжном, естественном их бытовании принципиальная устность; между собой фольклорные произведения и устная речь имеют генетические связи: «Перейдя в незавершенном виде из устно-бытовой реалии в сферу книжной литературы, сказ продолжает осознаваться как непосредственное сказание народа о себе» [4, 89–90]. И установка на речь в сказе, и фольклор как источник интертекста и стилизации являются примерами привнесения в художественное произведение нелитературного, некнижного слова. Авторы работы «Поэтика сказа» указывают на то, что фольклорная стилизация «стремится раскрыть надындивидуальную народную правду — критерии массовой народной жизни» [5, 54], в то время как сказовые формы характеризуют вполне определенные социальные коллективы. Фольклорная стилизация, даже опирающаяся на фрагментарное цитирование народного творчества, всегда носит отпечаток индивидуальности авторского художественного вмешательства. Песенные поэты опираются, главным образом, на стихотворный фольклор, который, по замечанию В. Я. Проппа [6, 176], всегда поется.

Стилизация содержит в себе значение имитации, которая, в свою очередь, отсылает нас к театральности. В. В. Виноградов назвал образ рассказчика в сказовом повествовании «формой литературного артистизма автора» [7, 118]. Широкое использование сказа и фольклорной стилизации в песенной поэзии может быть объяснено не только художественной волей авторов: фольклор, сказ, театр и песня имеют сходную театральную, синтетическую, контактную природу. Здесь интересно отметить, что рассматри-

¹ Статья В. П. Скобелева «Сказовый элемент в поэзии Высоцкого» (Скобелев В. П. Сказовый элемент в поэзии Высоцкого // Творчество Владимира Высоцкого в контексте художественной культуры XX века. Сб. ст. Самара, 2001. С. 30–54) является, очевидно, единичным случаем, когда сказ как прием становится в центре внимания исследования, посвященного песенной поэзии.

ваемые авторы не были чужды театральной жизни: Галич был профессиональным драматургом, это известно; Башлачёв же в студенческие годы участвовал в написании и постановке «многосерийной» сатирической драмы-мистерии в стихах, действие которой было организовано вокруг личности вымышленного художника-«параллелопедиста»².

Уже упоминалось, что сказ становится основным стилевым решением в творчестве Галича. У Башлачёва этот прием не является центральным, но все же встречается. Из множества песенных текстов Галича можно выбрать, к примеру, «Балладу о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина...» (1968). У Башлачёва наиболее показательным текстом в данном контексте будет «Слет-симпозиум» (1984). Очевидно различие повествовательных стратегий авторов: у Галича текст песни написан от первого лица; у Башлачёва же повествователь — это наблюдатель, не участвующий в сюжетном действии, однако обнаруживающий себя своим речевым поведением в качестве типичного советского журналиста. В песенном тексте Галича сочетаются трагическое и комическое начала. Герой — не простой обыватель, а директор антикварного магазина, успешный, живущий в достатке. В обществе тотальной несвободы статус и достаток героя оказываются фикцией, ему присущ страх показаться идеологически неправильным, не идущим в ногу с авторитарным словом пропаганды, которое, к тому же, имеет свойство изменяться, подстраиваться под текущую ситуацию. Герой попадает в курьезную ситуацию, когда к нему приходит «старушенция» и предлагает купить у нее «пластинки с речью Сталина». Истинное отношение героя к этим речам раскрыто: «Ну, какой мне смысл на такой муре / Наблюдать после небо в шашечку?». Но оглядка на идеологию приводит героя в замешательство: «Мне и взять нельзя, и не взять нельзя — / То ли гений он, а то ли нет еще». В итоге рассказчик тратит все свое состояние на подобные пластинки, потому что на следующий день народ приходит к нему: «Все с пластинками, все с альбомами». Диагноз врача («...но доктор Беленький Я. И. не признал Копылова Н. А. душевнобольным <...>») влияет на название песни, добавляя в него это «едва не сошел с ума».

В песне Башлачёва воспроизводится ситуация слета-симпозиума районных городов. Реальные топонимы (Грязовец) перемешаны с вымышленными (Сморкаль, Дубинка и проч.). Представители городов отождествлены с самими городами, даже органически: «И вдруг оно прорезалось — голодное урчание / в слепой кишке у маленького города Шиши». Такое

тождество было свойственно послереволюционной реалистической прозе, художественным объектом которой стал, по словам Скороспеловой, «персонаж, являвшийся своего рода алгебраическим знаком массы» [1, 55]. Характерно это и для сказового повествования, когда, как отмечают авторы исследования «Поэтика сказа», «за образным словом художника угадываются социальные коллективы» [5, 9]. Основной сюжетной коллизией становится приглашение от заграничных дипломатов — сначала на завтрак, а после — на обед. Подкованные идеологически, принимающие тезис о «загнивающем Западе» на фоне процветающей действительности Страны Советов, представители городов приходят к выводам: «Депеша эта — с Запада... Тут бдительность нужна», — а после и вовсе отказываются от предложения в грубой форме: «Мол, на корню видали мы буржуйские харчи!». Иронический подход автора к описываемой ситуации обращает все заседание в фарс и абсурд: «объявлен был упадочным процесс пищеварения». Однако зазор между реальностью советских идеологов и реальностью объективной остается, о чем не раз упоминается в тексте: «Чужой жратвы не надобно. Пусть нет — зато своя!». Вызывающий сочувствие, но от того не менее комичный персонаж, представитель города Шиши, в чьем животе предательски «прорезалось голодное урчание», был объявлен за это «матерым, подсознательным врагом». В тексте песни представлено, как и у Галича, несамостоятельное, клишированное, трусливое сознание, всегда оглядывающееся на мнение товарищей, которые, в свою очередь, не способны ни высказать несогласие с магистральной линией государственной идеологии, ни даже понять ее по существу. Против такого поведения, показывает автор, протестует сама человеческая природа, но и ее стараются изжить, победить или хотя бы «заткнуть».

Фольклорная стилизация занимает прочное место в творчестве Башлачёва. У Галича этот прием реже появляется в тексте песни, однако нередко встречается в музыкальной аранжировке, особенно в припевах. Однако в «Балладе о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина» элементы фольклорной стилизации встречаются в припеве (носящем роль рефрена) и на текстовом уровне. Припев имитирует народную частушку: «Чашки-чайнички, фрукты-овощи! / Там кто хошь возьмет, хоть беспомощный! / Хоть беспомощный». Отдельного внимания заслуживает использование двусоставных приложений в сочетании с однокоренными или схожими по звучанию словами, как «чашки-чайнички», имеющее очевидные народные коннотации.

Ярким примером сочетания в творчестве Башлачёва литературных и фольклорных мотивов может послужить текст песни «Вишня» (1986). Один из редких случаев в поэзии автора: неизменный метр на протяжении всего текста песни. Четырехстопный

² Отдельные фрагменты этого проекта можно найти в книге, посвященной жизни и творчеству Башлачёва: Наумов Л. Александр Башлачёв: человек поющий. / Лев Наумов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Выргород, 2017–608 с.

хорей с перекрестной рифмовкой обладает, по мнению М. Л. Гаспарова, народно-песенной семантической окраской [9, 194]. Обращаясь к «юной княжне», автор использует уменьшительно-ласкательные суффиксы: «вишенка», «ветерок», «песенка» и т.п., что, вероятно, указывает на обращение к ребенку. Текст представляет собой сочетание нравоучения и заклинания: автор дает советы: «будь смела и будь нежна», «веселей гляди, княжна», и он же заклинает ее быть сильной, счастливой, радоваться жизни. Вишня претерпевает метаморфозы на протяжении текста: строки в начале «В поле вишенка одна / ветерку кивает» напоминают стихотворение И. З. Сурикова «Что стоишь, качаясь...» (1864), ставшее поистине народным романсом. Сходство подчеркивается темой одиночества: у Сурикова это безысходная ситуация, а у Башлачёва судьба вишни сопоставляется с судьбой юной княжны («что-то князя не видать», — встречаем в той же строфе) и имеет надежду или даже уверенность в оптимистическом исходе: «Начинается весна, / Расцветает вишня».

Башлачёв ставит перед собой важную творческую задачу: адаптировать такое чуждое, в общем-то, для русского человека явление, как рок, к условиям наших реалий, избежав слепого калькирования западных образцов. Об этом Башлачёв неоднократно упоминает в своих немногочисленных интервью: «Это будет обогащение, развитие прежних форм», «Главное — понять свое содержание. У нас богатая литература, богатая поэзия... Я полагаю, что нужно... на корнях» [8, 561–563]. Уже из последнего высказывания видно, что автор, находясь в поисках национальных основ будущей «обрусевшей» рок-поэзии, видит их в сфере как «высокой», так и «низовой» культуры.

Использование авторами сказовых элементов в песенной поэзии практически всегда служит созданию трагикомического образа советского обывателя. Можно также вспомнить, что это традиционная функция сказа, и она была свойственна литераторам 10–20-х годов XX века, которые применяли сказ для разоблачения «<...> мещанина, обывателя, личности, чья духовность ослаблена <...>» [5, 222]]. Герои песенных произведений Галича и Башлачёва видят перед собой раздробленный мир, лишенный полноты и целостности, логики, а потому абсурдный. Абсурд мира проникает в сознание этих героев, потому они способны совершать необдуманные, абсурдные поступки, говорить на странном языке, в котором сквозь все идеологические клише, к тому же, зачастую, неправильно понятые, лишь изредка способна пробиваться живая мысль, которая так сильно контрастирует с мертвым языком пропаганды, что последний тут же старается ее обесцветить, забить в угол, забыть. Будничные эпизоды, воспринятые в оптике героев, превращаются в колоссальные события небывалых масштабов, способны обернуться безумием или даже смертью. Различия в технике при-

менения сказового приема обусловлены не только временным промежутком, разделяющим двух авторов, но и их основными профессиями. Галич, как состоявшийся и профессиональный драматург, в своих песнях перевоплощается, надевая маску своего героя-рассказчика, и ведет повествование от первого лица. Башлачёв же, как журналист, напротив, рассказывает ситуацию со стороны, никогда не применяя этот прием от первого лица, но сохраняя речевые характеристики своих героев. Что же касается фольклорной стилизации, то для Галича она, очевидно, является приемом, который усиливает и расширяет функцию сказа, направленную на то, чтобы говорить от имени конкретных социальных групп. У Башлачёва фольклорная стилизация связана с темой Родины, с исконным языком народа. Обращение к фольклору Башлачёва неразрывно связано с экзистенциальной проблематикой творчества, ведь именно проникновение в народное сознание, обращение к обезличенной народной мудрости дает импульс к метафизическим прорывам в область непознаваемого. Помимо чисто художественных задач, автор использует фольклорную стилизацию с целью перенести феномен рока на русскую культурно-историческую почву.

И сказовая, и фольклорная стилизации являются формой обращения к народному сознанию с его мифологизированностью. Однако сказ в творчестве рассмотренных поэтов — это еще и *идеологизированная* речь, в то время как фольклорная стилизация лишена этой черты. Тексты песен, где применяется сказ, почти всегда сюжетны, ведь присутствие рассказчика, даже одного, обуславливает ролевой характер текста; фольклорная стилизация же не содержит такого требования. Обе формы стилизации призваны представить автора говорящим от имени социальных общностей: в случае сказа рассказчиком предстает советский обыватель различных статусов и чинов; в случае стилизации фольклорной — весь русский народ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скороспелова Е. Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго») / Е. Б. Скороспелова. — М.: 2003. — 420 с.
2. Ничипоров И. Б. Авторская песня в русской поэзии 1950–1970-х годов: творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи. / Монография / И. Б. Ничипоров. — М: Макс пресс, 2006. — 436 с.
3. Козьменко М. В. Стилизация. / Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / М. В. Козьменко, Д. М. Магомедова; гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — 356 с.
4. Рыбаков Н. И. Масштабы жанра. / Н. И. Рыбаков // Некоторые вопросы русской литературы XX в. Сб. трудов МПГИ. — М.: 1973. — 286 с.
5. Муценко Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Муценко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик. — Воронеж: Изд-во воронеж-

ского университета, 1978.— 287 с.

6. Пропп В. Я. Поэтика фольклора (собрание трудов В. Я. Проппа). / Составление, предисловие и комментарии А. Н. Мартыновой — М.: Лабиринт, 1998—352 с.

7. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов.— М.: Высшая школа, 1971—240 с.

8. Наумов Л. Александр Башлачёв: человек поющий / Лев Наумов.— 3-е изд., испр. и доп.— М.: Выргород, 2017.— 608 с.

9. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти / М. Л. Гаспаров.— М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999.— 289 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Марков А. В., аспирант

E-mail: ssorryss@gmail.com.

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Markov A. V., Postgraduate Student

E-mail: ssorryss@gmail.com.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В МЕМУАРИСТИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Е. А. Попова, С. В. Кудрявцева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 13 апреля 2021 г.

Аннотация: книга воспоминаний О. Э. Мандельштама «Шум времени» привлекает внимание читателей и исследователей не только своими идеями, своеобразием структуры и характеров героев, но и использованием прецедентных феноменов, которые становятся стилистической доминантой текста. В статье рассматриваются особенности использования прецедентных феноменов в мемуарах Мандельштама, которые восходят ко многим произведениям русской и зарубежной литературы, античности, Библии.

Ключевые слова: явление прецедентности, прецедентные феномены, прецедентное сравнение, мемуаристика, интертекстуальность, О. Э. Мандельштам.

Abstract: the book of memoirs "The Noise of Time" by O. E. Mandelstam attracts readers and researchers' attention not only by its ideas, uniqueness of the structure and characters, but also by the use of precedent phenomena that are the stylistic dominant of the text. The article examines the features of the use of precedent phenomena in Mandelstam's memoirs, which go back to many works of Russian and foreign literature, antiquity, and the Bible.

Keywords: precedence, precedent phenomena, precedent comparison, memoirs, intertextuality, O. E. Mandelstam.

Проблемы изучения индивидуального стиля автора давно привлекают внимание исследователей. Не менее показательный процесс — расширение круга явлений, которые рассматриваются с точки зрения поиска признаков, которые определяют творческую индивидуальность автора. К числу таких явлений в полной мере относятся прецедентные феномены, поскольку для литературной коммуникации характерно их активное использование, что способствует восприятию текста как части общего литературного дискурса и — шире — как элемента национальной и мировой культуры.

Многие литературные тексты часто создаются и воспринимаются как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию на фоне обширного дискурса. Такой текст оказывается насыщенным множеством прецедентных имен и ситуаций, отсылок к прецедентным высказываниям и текстам, аллюзий и реминисценций, прецедентных метафор и сравнений. Полное восприятие такого текста возможно только с учетом всех его интертекстуальных связей, которые, не ограничиваясь литературой, имеют выход в другие виды искусства: музыку, живопись, театр, скульптуру, архитектуру.

Особый интерес представляют случаи, когда прецедентные феномены образуют в тексте своего рода систему, которой присущи сильные внутритекстовые и дискурсивные связи. Эта система может выступать как стилистическая доминанта текста, обеспечивать его связность и цельность в пределах мировой литературы, она усиливает эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Отметим, что познавательная и эмоциональная значимость прецедентных феноменов очень существенна для языковой личности: это не только отсылка к определенным текстам, фактам истории, известным событиям в общественной жизни того или иного периода, но и способ передачи восприятия происходящего, его оценки.

В качестве примера рассмотрим комплекс прецедентных феноменов в книге воспоминаний О. Э. Мандельштама «Шум времени» (1923), созданной писателем в рамках характерной модернистской парадигмы, типичными признаками которой служат интертекстуальность, языковая игра, интерстилевое тонирование, метафоричность, знаковость, сложная диалектика реального и виртуального. Каждый прецедентный феномен — это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений, но вместе с тем это еще и показатель интеллектуального уровня автора и того, насколько он доверяет эрудиции читателей. Творческая индивидуальность автора текста проявляется в отборе элементов интертек-

стуальности, в умелом использовании компонентов из предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

Бытует мнение, что творчество О. Э. Мандельштама, особенно его воспоминания, сложно для восприятия. В своей книге он обращается к богатым реалиям мировой культуры, начиная от Библии и античности и кончая XX веком. При этом самые различные явления культуры прошлого для поэта не памятники былого, а живые неумирающие ценности современного мира. Суть очарования и одновременно сложности произведения Мандельштама состоит не только в широте его культурных ассоциаций, но и в изощренном искусстве соединять в своем тексте глобальные мировые смыслы с конкретными и предметными. Так, преподаватель словесности, поэт, литературовед В. В. Гиппиус — это «*Ромул*, ненавидящий свою волчицу», и при этом учивший «других ее любить» [2, 45]. Под волчицей здесь понимается литература. Борис Наумович Синани, отец друга и одноклассника Мандельштама по Тенишевскому училищу, — «*Авраам позитивизма*», *базаровщина* которого «переходила в древнегреческую простоту» [2, 37]. Подчеркивая двойственность облика его сына — Бориса Синани, мать которого была русской, а отец — караимом-крымчаком, Мандельштам пишет: «Не то русский мальчик, играющий в свайку (речь идет о воспетой Пушкиным скульптуре юноши, играющего в свайку, стихотворение «На статую играющего в свайку» (1836). — *Е. П., С. К.*), не то итальянский *Иоанн Креститель* с чуть заметной горбинкой на тонком носу» [2, 35]. Эти и другие прецедентные феномены помогают читателю проникнуть в суть произведения, дают возможность прикоснуться к чувствам и мыслям автора.

Посредством использования прецедентных феноменов реализуется прагматический уровень языковой личности (взаимоотношения человека с миром), характеризующий цели коммуникации, дающий представление об интересах, интенциях, идеалах, оценках говорящих. Большую часть своих познаний о мире во всем разнообразии его проявлений человек черпает не столько из своего непосредственного опыта, сколько из услышанного или прочитанного, причем те или иные фрагменты знакомых текстов прямо или косвенно отражаются в новых производимых текстах. Это способствует адекватному пониманию и большей эффективности созданного текста, поскольку его использование не только воспроизводит точную и знакомую формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенное соотношение производимого текста с предшествующим.

«Шум времени» О. Э. Мандельштама практически полностью строится на прецедентных феноменах, превращая текст в интертекст, т.е. текст, сотканный из образов предшествующей и современной куль-

туры. Здесь мы встречаем упоминания многих авторов, их произведений, цитат и образов: Библии и проропа Аввакума, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева и Н. А. Некрасова, А. А. Фета и Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, Г. И. Успенского и В. Г. Короленко, А. А. Блока и С. Я. Надсона, Л. Н. Андреева и самого О. Э. Мандельштама, Ж. Б. Мольера и В. Гюго, Ф. Шиллера и И. В. Гёте, Дж. Г. Байрона и О. де Бальзака, Г. Ибсена и М. Метерлинка, причем этот список можно продолжать. Автор мемуаров обращается к прецедентным феноменам, связанным не только с литературой, но и с музыкой (П. И. Чайковский, Л. ван Бетховен, А. Г. Рубинштейн, Р. Штраус и др.), театром (В. Ф. Комиссаржевская, М. Г. Савина и др.), живописью (В. Серов) и другими видами искусства, историей (Наполеон, Жанна д'Арк, Бисмарк и др.).

Прецедентные феномены в мемуаристике Мандельштама служат стилистической доминантной текста, обеспечивают его связность и цельность в рамках мировой культуры. Показательно, что знаки интертекстуальности, во-первых, используются в каждой главе, во-вторых, обеспечивают историческую динамику текста, так как принадлежат к разным эпохам в истории мировой культуры. При этом для характеристики одного автора, его произведений и идей О. Э. Мандельштам использует имя другого автора и строки из его произведений: «Разве *Каутский Тютчев*? Разве дано ему вызывать космические ощущения (“и паутинки тонкий волос дрожит на праздной борозде”)? А представьте, что для известного возраста и мгновенья *Каутский* (я называю его, конечно, к примеру, не он, так *Маркс*, *Плеханов*, с гораздо большим правом) тот же *Тютчев*, то есть источник космической радости, податель сильного и стройного мироощущенья, *мыслящий тростник и покров, накинутый над бездной*» [2, 33]; «Этот *Щедрин* (речь идет о портрете М. Е. Салтыкова-Щедрина, который висел в кабинете Б. Н. Синани. — *Е. П., С. К.*) глядел *виет* и губернатором и был страшен, особенно в темноте» [2, 36].

Эта же манера свойственна литературно-критическим работам Мандельштама. Так, особенности стиля В. Хлебникова в статье «Буря и натиск», написанной в 1922–1923 гг., т.е. примерно в то же время, что и «Шум времени», он характеризует через пушкинские произведения и строки: «Огромная доля написанного Хлебниковым — не что иное, как легкая поэтическая болтовня, как он ее понимал, соответствующая отступлениям из “*Евгения Онегина*” или *пушкинскому*: “*Закажи себе в Твери с пармезаном макарони и яичницу свари*”» («Буря и натиск») [2, 290]. Эта цитата — из первой строфы стихотворения, которое А. С. Пушкин приводит в письме к С. А. Соболевскому от 9 ноября 1826 г., описывая свой путь от Москвы до Новгорода и давая советы своему адресату [см. 4, 353; 5, 215]. Их первая часть

«закажи себе в Твери» в современной лингвистике рассматривается как пушкинизм, о чем свидетельствует включение этого выражения в «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина» (авторы В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко) в значении «о словах Пушкина» [3, 186]. См. также следующую характеристику: Тютчев — «Эсхил русского ямбического стиха» («Буря и натиск») [2, 287].

То или иное явление действительности, людей, ситуацию, предмет Манделштам часто описывает и характеризует, используя прецедентное сравнение. Кроме примеров, приведенных выше, см. следующие: «Мальчики девятьсот пятого года шли в революцию с тем же чувством, с каким *Николенька Ростов шел в гусары*: то был вопрос влюбленности и чести. И тем, и другим казалось невозможным жить не согретыми славой своего века, и те, и другие считали невозможным дышать без доблести. “Война и мир” продолжалась, — только слава переехала» [2, 40]; «Здесь мы играли в городки, и, лежа на финских покосах, он (Борис Синани. — *Е. П., С. К.*) любил глядеть на простые небеса холодно удивленными глазами князя Андрея» [2, 40]; «Бездетный, беспомощно-ластоногий *Бисмарк* чужой семьи, Юлий Матвейч внушал мне глубокое сострадание» [2, 31]; «Он (Юлий Матвейч. — *Е. П., С. К.*) умер, как *бальзаковский* старик, почти выгнанный на улицу хитрой и крепкой гостинодворской семьей, куда перенес под старость свою деятельность домашнего *Бисмарка* и позволил прибрать себя к рукам» [2, 32].

См. также использование этого приема при описании одноклассников по Тенишевскому училищу: «Первый ученик Слободзинский — человек из *сожженной Гоголем второй части “Мертвых душ”*, положительный тип русского интеллигента, умеренный мистик, правдолюбец, хороший математик и начетчик по *Достоевскому*; потом заведовал радиостанцией» [2, 27]; «А все-таки в Тенишевском были хорошие мальчики. Из того же мяса, из той же кости, что *дети на портретах Серова*» [2, 28]. Музыка П. И. Чайковского в сознании автора вызывает ассоциации, связанные с желанием главной героини повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова»: «Чайковского об эту пору я полюбил болезненным нервным напряжением, *напоминавшим желание Неточки Незвановой у Достоевского* услышать скрипичный концерт за красным полымем шелковых занавесок» [2, 22].

В рамках прецедентного сравнения Манделштам к прецедентному имени часто добавляет эпитет: *беспомощно-ластоногий Бисмарк* [2, 31], *домашний Бисмарк* [2, 32], *итальянский Иоанн Креститель* [2, 35].

Об особой роли книг в своей жизни, особенно тех, с которыми познакомился еще в детстве, Манделштам пишет в главе «Книжный шкаф»: «Книжный шкаф раннего детства — спутник человека на всю жизнь. Расположение его полок, подбор книг, цвет

корешков воспринимаются как цвет, высота, расположение самой мировой литературы. Да, уж тем книгам, что не стояли в первом книжном шкапу, никогда не протиснуться в мировую литературу, как в мирозданье. Волей-неволей, а в первом книжном шкапу всякая книга классична, и не выкинуть ни одного корешка» [2, 14]. В этой домашней библиотеке были Гёте, Шиллер, Шекспир, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Надсон и произведения других авторов. При этом, описывая свое детское восприятие того или иного писателя и его произведений, Манделштам не только сравнивает их между собой, но и обращает внимание читателей на внешний облик книг своего детства: «Мой *исаковский Пушкин* был в *ряске* никакого цвета, в гимназическом коленкоровом переплете, в черно-бурой, вылинявшей *ряске*, с землистым песочным оттенком <...>. У *Лермонтова* переплет был зелено-голубой и какой-то военный, *недаром* он был *гусар*. Никогда он не казался мне братом или родственником *Пушкина*. А вот *Гёте* и *Шиллера* я считал близнецами. <...> А что такое *Тургенев* и *Достоевский*? Это приложение к «Ниве». Внешность у них одинаковая, как у братьев. Переплеты картонные, обтянутые кожей. На *Достоевском* лежал запрет, вроде надгробной плиты, и о нем говорили, что он “тяжелый”; *Тургенев* был весь разрешенный и открытый, с *Баден-Баденом*, “*Вешними водами*” и ленивыми разговорами. Но я знал, что такой спокойной жизни, как у *Тургенева*, уже нет и нигде не бывает» [2, 15].

В мемуарах Манделштам прибегает и к автоцитированию, т.е. автопрецедентности. Например, поэтическим автопрецедентом к «Шуму времени» выступает написанное ранее стихотворение «Концерт на вокзале» (1921). Строки, описывающие концерты в Павловске, — «Сыроватый воздух заплесневших парков, запах гниющих парников и оранжевых роз и навстречу ему тяжелые испарения буфета, едкая сигара, вокзальная гарь и косметика многотысячной толпы» («Музыка в Павловске») [2, 6–7] — имеют прямые текстуальные параллели со стихотворением «Концерт на вокзале»: «Ночного хора дикое начало / И запах роз в гниющих парниках <...>» [1, 139].

Отчуждение от идей того или иного автора, несогласие с ними выражается с помощью использования прецедентных имен в форме множественного числа, что является одним из средств выражения «чужого» мира с точки зрения семантической категории чуждости: «Никогда я не мог понять *Толстых* и *Аксаковых*, *Багровых-внуков*, влюбленных в семейственные архивы с эпическими домашними воспоминаниями» [2, 41].

Обобщая все сказанное, следует отметить, что культурное пространство книги О. Э. Манделштама «Шум времени» чрезвычайно богато и разнообразно: в тексте встречаются прецедентные

феномены, относящиеся к различным областям искусства широкого временного диапазона. В результате синтеза различных источников расширяются пространство и время текста. Через использование прецедентных феноменов писатель осуществляет творческий диалог с культурным наследием прошлого. Более того, прецедентные феномены не только побуждают читателя обращаться к различным ранее созданным произведениям, но и подчеркивают стилистическое мастерство О. Э. Мандельштама, его умение удачно подобрать знаки интертекстуальности и сделать их комплекс стилистической доминантой текста.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Попова Е. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Кудрявцева С. В., аспирант кафедры русского языка и литературы

E-mail: svetlana.kudryavceva.1977@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения / О. Э. Мандельштам. — М.: Худож. лит., 1990. — 638 с.

2. Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / О. Э. Мандельштам. — М.: Худож. лит., 1990. — 464 с.

3. Мокиенко В. М. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. — 800 с.

4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1820–1826 / А. С. Пушкин. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 462 с.

5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Письма / А. С. Пушкин. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 902 с.

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

Popova E. A., Doctor of Philology, Professor, the Head of the Russian Language and Literature Department

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Kudryavtseva S. V., Postgraduate Student of the Russian Language and Literature Department

E-mail: svetlana.kudryavceva.1977@mail.ru

ТРАДИЦИИ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. Ф. МЕРЗЛЯКОВА

М. В. Сеницына

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 14 марта 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается рецепция традиций сентиментализма в раннем творчестве А. Ф. Мерзлякова (1790-е гг.). Выявлены реминисценции из произведений Н. М. Карамзина. Мерзляков соединяет в одном контексте разнородные элементы поэтики: классицистические и сентименталистские, сентименталистские и раннеромантические. Он конструктивно меняет сложившийся сентиментальный образ, добавляя в него новые, несентиментальные черты. Карамзинский гимн меланхолии («Кладбище») трансформируется в гимн герою (стихотворение «Истинный герой»).

Ключевые слова: А. Ф. Мерзляков, Н. М. Карамзин, сентиментализм, образ, героизм.

Abstract: the article discusses the reception of sentimental traditions in the early works of A. F. Merzlyakov (the 1790s). Reminiscences of N. M. Karamzin's poetry are revealed. Merzlyakov combines heterogeneous poetic elements (classical and sentimental, sentimental and early romantic) in the same context. He changes the structure of the typical sentimental image adding new, nonsentimental features. Karamzin's hymn to melancholy («Cemetery») is transformed into a hymn to the hero (the poem «True Hero»).

Keywords: A. F. Merzlyakov, N. M. Karamzin, sentimentalism, image, heroism.

Творческий путь А. Ф. Мерзлякова, поэта, переводчика, профессора Московского университета и литературного критика XIX века, начался в 1790-е гг., когда в русской литературе утвердился сентиментализм. Мерзляков не был последователем сентиментальной эстетики, предпочитая ей классицистическую. Но, как справедливо отмечают исследователи (В. Г. Мильман, С. А. Косякова), на раннем этапе творчества Мерзляков усваивал сентименталистские тенденции. Увлечению сентиментализмом способствовала атмосфера Московского университета в те годы. Свои ранние произведения поэт печатал в издававшемся университетом журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Интерес Мерзлякова к сентиментальной эстетике поддерживало также общение с кругом братьев Тургеневых и В. А. Жуковским. Образцами для Мерзлякова служили, в первую очередь, произведения Н. М. Карамзина.

Мотивы сентиментальной литературы обогащали творчество Мерзлякова. Он не чуждался собственной ей эмоциональности [5, 56]. В то же время он перерабатывал опыт сентименталистов в соответствии со своей художественной манерой. Задача статьи — показать, как традиции сентиментализма преломлялись в раннем творчестве Мерзлякова.

Одна из важных черт сентиментальной литературы заключалась в обожествлении природы. Сентименталисты превозносили природу, называя ее «нежной матерью», способной вернуть силы и здо-

ровье человеку, тем самым показывая неразрывную связь природы и человека [6, 214–215]. Карамзин был одним из первых, кто создал гимн «нежной матери, Природе» (стихотворение «Выздоровление», 1789 [7, ч. 1, 146]). После Карамзина к образу Природы в сентименталистской интерпретации не раз обращались его последователи: эссе П. И. Шаликова «Майское утро» (1797), напечатанное в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», можно рассматривать как репрезентативный пример («В нежных матерних объятиях твоих [Природы] изъязвленное сердце горестями исцеляется мгновенно!» [8, ч. 15, 27]). Мерзляков использует разработанный образ «нежной природы» («Так! друг любезный мой, природа / Твой лучший врач, и нежна мать» [8, ч. 18, 173]) и помещает его в смешанную гораццианскую оду «К больному другу И. А. Л...у» (1798), содержащую отзвуки од А. П. Сумарокова «На суету мира» и Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского»: «Что наша жизнь? — болезни, бедства; / Что человек? — минутный червь. / От матери ему наследства, / Жизнь, плачь, печалей горьких вервь» (Мерзляков) [8, ч. 18, 171] — «Покинешь матерню утробу — / Твой первый глас есть горький стон, / И, исходя отсель ко гробу, / Исходишь ты, стена и вон» (Сумароков) [9, 217]. В гораццианской оде было важно обозначить быстротечность человеческой жизни и ее неизбежный конец [10, 328]. Сентименталистский образ природы выводит эту тему в более личный план: человеческая жизнь рассматривается на примере конкретного человека в определенный момент его жизни, часто

именно во время его болезни (в сентиментализме нередки стихотворения «на случай болезни», например «К весне 1796 года. На случай болезни П. П. Б.» [8, ч. 15, 157–158]). Образ «нежной природы» соотносится с надеждой, что было подчеркнута Карамзиным в его гимне. Таким образом, Мерзляков сталкивает в одном контексте две традиции — классицистическую и сентименталистскую, отдавая все же предпочтение второй, поскольку ему важно поддержать близкого друга, к которому обращена ода.

В балладах Мерзлякова («Милон», «Лаура и Сельмар») используются сюжетные схемы, характерные для сентиментальной повести. В. Э. Вацуру, воспроизводя классификацию сентиментальных повестей по В. В. Сиповскому, относит к первому типу («разделенная любовь в несчастных обстоятельствах» — «Вертер») балладу Мерзлякова «Лаура и Сельмар» (в эту группу можно добавить «Милона»), а ко второму («повести о несчастной (обманутой) любви» — «Бедная Лиза») — балладу «Раиса» Карамзина (1792) [11, 282–283].

Баллада «Милон» (1797) состоит из привычных элементов сентиментальной повести. В ней действуют типичные сентиментальные герои с характерными для сентиментализма именами — Милон и Темира. Они добры, честны и чувствительны. Присутствует сентиментальная рамка: герой живет в уединении и согласии со своей женой вдали от города. Сходство проявляется и в образе автора. И в повести, и в балладе в кульминационные моменты истории автор обнаруживает свое присутствие: «Но я не могу описать всего, что они при сем говорили» (Карамзин) [7, ч. 6, 268] — «Кто может, томная Темира, / Тебя в то время описать?» (Мерзляков) [8, ч. 14, 223]; «Но я бросаю кисть» (Карамзин) [7, ч. 6, 255] — «Моя падет, и стонет лира. / Я зрел — и не могу сказать» (Мерзляков) [8, ч. 14, 223]. Тем самым образ автора в балладе «Милон» сливается с фигурой чувствительного рассказчика [12, 89]. Однако центральный персонаж — Милон — выпадает из шаблона идеального сентиментального героя, когда ради славы отправляется на войну. Как замечает М. М. Бахтин, сентиментальному герою чужды «грубая сила, величие, героизм» [13, 304]. И в этом отношении образ Милона резко контрастирует с чувствительным человеком.

Лирический субъект ранней поэзии Мерзлякова напоминает сентиментального героя. Это молодой добродетельный и чувствительный человек, ищущий уединения и склонный к меланхолии: «Иду под тихий, низкий кров, / В мое жилье уединенно, / Где дружба, простота, любовь / Готовят счастье мне священно» («Вечер», 1797) [8, ч. 14, 165]. Он испытывает сходный с сентиментальным героем комплекс эмоций: «Почто горячие ручьями / Стремятся слезы из очей»; «Вздохну — и горьких слез ручьем / Я чувства сердца обнаружу» (Мерзляков) [8, ч. 14, 166, 173] — «...я погрузился на несколько минут в глубо-

кую меланхолию, и слезы мои полились ручьями» (повесть В. В. Измайлова «Ростовское озеро», 1795) [8, ч. 5, 18]. Но причины этих чувств непривычны для эмоциональной культуры сентиментализма. Лирический субъект тоскует по родине («Ах, мысль о родине драгой <...> / Вот лютое мое мученье!» [8, ч. 14, 166]), в то время как сентиментальный герой обычно плачет из-за разлуки с близким человеком или погружается в меланхолию в силу своего мироощущения. Таким образом, внешне лирический субъект поэзии Мерзлякова похож на сентиментального героя (вероятно, установка на узнаваемость образа была изначальной), но его внутренняя наполненность отсылает к несентиментальной традиции. Мерзляков находит объяснение меланхолическому состоянию лирического субъекта, отчего образ становится более объемным.

Основная тема стихотворения Мерзлякова «Истинный герой» (1796) — героическая. При этом есть установка на ее сентименталистское восприятие: «Герои, упавши средь битв на полях, / В чувствительных вечно пребудут сердцах» [8, ч. 10, 255]. Идея стихотворения, по-видимому, была подсказана стихотворением Карамзина «Кладбище» (1792) [7, ч. 7, 109]. Мерзляков, как и Карамзин, сталкивает два противоположных взгляда на один и тот же предмет (у Карамзина это смерть, у Мерзлякова — героизм). В композиционном плане Мерзляков следует за Карамзиным: оформляет строфы как реплики двух голосов. Второй голос дважды возражает первому, не принимая его хвалебные речи о героях и битвах. Кажется, что контраргументы второго голоса должны убедить читателей в его правоте. Однако четко видна позиция автора: он на стороне первого голоса, который говорит об истинном величии героя. Второму голосу нечего возразить, они оба сливаются в один голос и славят истинного героя, достоинствами которого являются любовь к Отечеству, вера и покой. Сходство прослеживается и на уровне ритмической организации текста. В обоих стихотворениях есть перебои ритма в области цезуры. Если Карамзин последовательно (в первой и второй строках трехстишия) использует четырехстопный дактиль с цезурным усечением, то в цезурованном четырехстопном амфибрахия стихотворения Мерзлякова спорадически происходит уменьшение внутренней анакрусы: «Страшно в могиле, холодной и темной» (Карамзин) [7, ч. 7, 109] — «Ах, страшно во брани, страшно, герои» (Мерзляков) [8, ч. 10, 255]. Мерзляков подменяет рассуждения Карамзина о смерти мыслями о героизме, пользуясь теми же категориями «приятного» (то есть сентиментального) и «страшного», только теперь человек выбирает не между тихой могилой и ужасами смерти, а между истинным героизмом и ужасами войны. Н. Д. Кочеткова усматривает в стихотворении Карамзина противопоставление сентименталистской и романтической трактовки смерти

[14, 66]. Таким образом, Мерзляков накладывает сентиментальную матрицу на собственное содержание.

Итак, рецепция сентиментальной традиции в ранней поэзии Мерзлякова происходит в двух направлениях. Первое заключается в том, что Мерзляков берет готовые сентиментальные элементы и вставляет их в тексты несентиментальных жанров (оду, балладу). Сентиментализм служит обновлению классицистической оды (важный процесс для поэзии конца XVIII века) и развитию ранней романтической баллады, у истоков которой стоят произведения Мерзлякова в этом жанре. Вторая линия восприятия сентиментальной традиции состоит в конструктивном изменении сентиментальной формы. Мерзляков меняет сложившийся сентиментальный образ, наполняя его собственным содержанием. В «Истинном герое» Мерзляков достигает эстетического эффекта, трансформируя карамзинский гимн меланхолии (по выражению А. Н. Веселовского [15, 43]) в гимн герою. Все эти эксперименты с эстетикой сентиментализма позволяют Мерзлякову преодолевать его шаблоны, сложившиеся в поэтике последовательных сторонников этого направления, и использовать его художественные ресурсы для разработки своих тем и идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорин А. Л. Мерзляков / А. Л. Зорин // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М–П. — М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1999. — С. 27–30.
2. Лотман Ю. М. А. Ф. Мерзляков как поэт / Ю. М. Лотман // Мерзляков А. Ф. Стихотворения. — Л.: Сов. писатель [Ленинградское отделение], 1958. — С. 5–54.
3. Мильман В. Г. А. Ф. Мерзляков как литературный критик: дис. ... канд. филол. наук 10.01.01. / В. Г. Мильман. — Самарканд, 1984. — 191 с.
4. Косякова С. А. А. Ф. Мерзляков — исследователь литературы и поэт: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. / С. А. Косякова. — Тамбов, 1995. — 20 с.
5. Шевырев С. П. Мерзляков Алексей Федорович / С. П. Шевырев // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекшее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по алфавитному порядку: в 2 ч. Ч. 2. — М., 1855. — С. 52–100.
6. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма / Н. Д. Кочеткова. — СПб.: Наука, 1994. — 279 с.
7. Московский журнал. 1791–1792. — Ч. 1, 6, 7.
8. Приятное и полезное препровождение времени. 1795–1798. Ч. 5, 10, 14, 15, 18. Стихотворения Мерзлякова цитируются по этому журналу.
9. Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч.: в 10 ч. Ч. 2. / А. П. Сумароков. — М., 1781. — 360 с.
10. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках / Н. Ю. Алексеева. — СПб., Наука, 2005. — 369 с.
11. Вацуро В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. — М., Новое лит. обозрение, 2002. — 542 с.
12. Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения / В. Н. Топоров. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. — 509 с.
13. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 томах. Т. 5: Работы 1940-х-начала 1960-х годов / М. М. Бахтин / [ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гогтишвили]. — М.: Русское слово, 1996. — 731 с.
14. Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / Под ред. Б. С. Мейлаха. — Л.: Наука [Ленинградское отделение], 1973. — 565 с.
15. Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» / А. Н. Веселовский. — СПб.: Типография императорской Академии наук, 1904. — 546 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Синецкина М. В., аспирант кафедры истории русской литературы

E-mail: sinmasha0913@yandex.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Sinitsyna M. V., Postgraduate Student of the Department of the History of Russian Literature

E-mail: sinmasha0913@yandex.ru

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК ВЕДУЩАЯ ОСОБЕННОСТЬ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ФРАЗЕОЛОГИИ ВОЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

О. П. Фесенко

Омский государственный университет путей сообщения

Е. Е. Петренко

Омский автобронетанковый инженерный институт

Поступила в редакцию 26 апреля 2021 г.

Аннотация: в статье представлена структура концептосферы фразеологии, происхождение которой связано с военной профессиональной сферой (материалом стали 284 идиомы, извлеченные методом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей современного русского литературного языка). Концептосфера описана через концепты, дробящиеся на микроконцепты, концептуальные аспекты и сегменты. Концептосфера исследуемой фразеологии антропоцентрична. Человек предстает в ней во всем многообразии своих проявлений. Фразеология вербализует речевые характеристики, социальные и профессиональные параметры человека, используется для передачи спектра морально-нравственных свойств личности, эмоций, интеллекта.

Ключевые слова: фразеология военного происхождения, концептосфера фразеологии, этимология военных фразеологизмов, антропоцентризм фразеологии, военная идиоматика.

Abstract: the article presents the structure of the concept sphere of phraseology, the origin of which is associated with the military professional sphere (the material — 284 idioms m- was extracted by the continuous sampling method from the explanatory and phraseological dictionaries of the modern Russian literary language). The concept sphere is described through concepts that are divided into microconcepts, conceptual aspects and segments. The concept sphere of the studied phraseology is anthropocentric. Man appears in it in all the variety of its manifestations. Phraseology verbalizes speech characteristics, social and professional parameters of a person, and is used to convey the spectrum of moral properties of a person, emotions and intelligence.

Keywords: phraseology of military origin, conceptsphere of phraseology, etymology of military phraseological units, anthropocentrism of phraseology, military idiomatics.

Всегда считалось, что в русской культуре образ родной армии, ее побед и достижений связан с исключительно положительными эмоциями. Это, во многом, так и есть. Тем более что в сознании современных россиян государство намеренно формирует образ сильной независимой армии, способной отразить любые нападения со стороны наших потенциальных врагов. Насколько этот образ в русской культуре важен, свидетельствует фразеология, ставшая тем достоянием, которое не просто обогащает наш язык, но и служит ярчайшим маркером отношений к конкретным явлениям жизни. Фразеологизмы, чье происхождение связано с военной профессиональной сферой, уже изучались исследователями. Ученые обращались к «военным» фразеологизмам в сопоставительном аспекте (А. А. Алексеева, И. Г. Вражнова, Е. И. Колесникова, В. В. Погонец и др.), лингвокультурологическом (Л. И. Ахметсагирова, Е. В. Ананьина), изучали функционирование такой фразеологии в разных стилях и жанрах (Н. А. Жумабеков, А. А. Соколова, А. В. Трегубчак).

Но до сих пор остаются вопросы в определении границ фразеологии военного происхождения, содержания самого понятия «военная фразеология», не составлен тезаурус таких идиом, не описана концептосфера, вербализуемая фразеологией военного происхождения. Все это определяет **актуальность исследования**.

Цель исследования — провести лингвоконцептуальный анализ военной фразеологии как элемента лексического фонда русского языка и части национальной языковой картины мира, выявив основную особенность концептосферы. **Объект исследования** — фразеологизмы военного происхождения русского языка (284 единицы), извлеченные методом сплошной выборки из современных словарей русского литературного языка. **Предмет исследования** — специфика концептуальной организации «военных» фразеологизмов, отраженных в различных словарях современного русского литературного языка и репрезентирующих концепт «Человек». Основным **методом работы** является метод научного описания, реализуемый в следующих приемах: наблюдение, сплошная выборка, классификация, систематизация,

интерпретация, статистическая обработка данных, а также метод концептуального анализа.

«Военная» фразеология исследуется в рамках различных дискурсов: в СМИ [1, 2]; в рамках межнациональной коммуникации в методике русского языка как иностранного [3]; в политическом дискурсе, при обсуждении бизнес-вопросов и проблем экономической сферы, спорта [4].

Под фразеологией военного происхождения (или «военной» фразеологией) мы будем понимать идиомы, в состав которых входят компоненты, семантически связанные с военной сферой, а также те идиомы, которые возникли в рамках военного дискурса. Собственно военные термины при этом не включаются нами в объект исследования, поскольку они не отражают представления об армии в языковом сознании рядовых носителей языка (не военных).

Концептуализация действительности — это мысленное конструирование предметов и явлений действительности, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде фиксированных в сознании человека смыслов — концептов. Совокупность концептов как смысловых единиц, отражающих культурную специфику мировосприятия носителей языка, образует концептуальную область (концептосферу).

Фразеологизмы, в семантике и компонентном составе которых отражены ценностные и культурные установки носителей языка, играют особую роль в объективации концептов и концептосферы.

Вопросы языковой концептуализации исследовались Н. Д. Арутюновой, А. Зализняк, А. А. Камаловой, В. А. Масловой и другими. В работах С. Г. Воркачева, Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, В. П. Нерознака отражен лингвокультурологический подход к содержанию концепта. Представители данного направления полагают, что «средством реализации концепта являются все средства культуры и языка как ее части» [6, 131]. Фразеология в этом смысле не исключение.

Мы считаем возможным говорить 1) о концептах (самых частотных и широко вербализуемых); 2) о микроконцептах первого уровня, объединяющихся на основе общего тематического признака (термин Л. Г. Золотых), и 3) о микроконцептах второго уровня (концептуальных аспектах), объединяющихся ФЕ на основе общих интегральных сем в структуре фразеологического значения. Последние могут разбиваться на сегменты (минимальные структурные единицы концепта).

Описывая концептосферу, вербализованную средствами фразеологии военного происхождения, отметим, что наиболее полно реализуемыми оказались концепты «Человек и личность» (157 ФЕ), «Действие» (24 ФЕ) и «Слово / речь / коммуникация» (20 ФЕ). Первый из названных концептов является центральным элементом анализируемой концептосферы. Обратимся к его описанию.

Итак, концепт «Человек, личность» представлен 157 фразеологизмами. Внутри него объективированы следующие микроконцепты:

1. «Именования человека», включающий в себя идиомы со значением различных качественных характеристик человека (21 ФЕ): *Унтер Пришибеев, тыловая крыса, троянский конь, сын полка, странствующий рыцарь, солдат удачи, скупой рыцарь, свадебный (кондитерский) генерал, рыцарь / рыцари плаща и кинжала, и т.д.*

2. «Группа лиц / люди» (9 ФЕ): *старая гвардия, тяжелая артиллерия (1), белая гвардия, молодая гвардия, красная гвардия, вся королевская рать, бог войны, боевая дружина, золотая рота.*

3. «Характеристики человека» (всего 48 ФЕ) представлены четырьмя концептуальными аспектами: 1) «Физическое состояние» (6 ФЕ): *из пушки пали, во фронт, отрицать / отрастить майора, пушкой не поднять, хоть из пушки пали, война ходит.* В этом концептуальном аспекте выделяется сегмент «Пьянство» — *на взводе (1), пушкой не поднять.* 2) «Жизнь / смерть человека» (3 ФЕ): *отвоевывать у смерти, пуля не берет, складывать / сложить голову.* 3) «Социальные характеристики человека» (11 ФЕ). Названный микроконцепт дробится на концептуальные аспекты: «Богатство / бедность» — *гол как сокол;* «Взаимоотношения с окружающими» (концептуальные сегменты: «Друг / дружба» — *три мушкетера, братья по оружию, два Аякса, как сине пороха в глазу (1), вкладывать / вложить меч в ножны, единым фронтом, перековать мечи на орала;* «Враг / вражда» — *вражий дух, (встречать / встретить) в штыки, (и) звания нет.* 4) «Внутренние характеристики человека» (3 ФЕ). Микроконцепт представлен концептуальным аспектом «глупость»: *башню клинит, пороха / пороху не выдумать, брать / взять на ура (2)),* 5) «Морально-нравственные качества» (16 ФЕ). Этот микроконцепт неоднороден, в нем можно отметить наличие несколько сегментов: оптимизм (*держат хвост пистолетом*), верность (*высоко держать знамя*), жестокость (*огнем и мечом*), смелость / отвага (*не робкого десятка, не кланяться пулям, и др.*), сила / бессилие (*пороху не хватает, хватает /хватило пороху, бросать / бросить (положить) меч на чашу весов (на весы) и др.*

4. «Эмоции и чувства» (9 ФЕ). В данном микроконцепте вербализованы концептуальные аспекты: эмоциональность — *с порохом, порох порохом;* отчаяние — *хоть пулю в висок, хоть пулю в лоб;* злость / досада — *пострели (кого) горой (горю);* тревога — *(в воздухе) пахнет / запахло порохом, на взводе (2), бить в набат, бить тревогу, на страже.*

5. «Деятельность человека» (79 ФЕ). Этот микроконцепт представлен достаточно объемно. В нем можно выделить несколько концептуальных аспектов: 1) «Речь / говорение» (17 ФЕ). Этот компонент концепта реализуется в сегментах: «Договор / согла-

шение» — на аккорд; «Спор» — словесный бой, перекрестный огонь, ломать / поломать копья, из пушки не прошибешь, пушкой не прошибешь; «Возражение несогласия» — и никаких!, и никаких гвоздей!; «Молчание» — молчать в портянку; «Рассказ» — дело было под Полтавой; «Приказ» — ни шагу назад!, на шарап; «Критика» — кавалерийские налеты, брать / взять под обстрел, вести огонь (по кому, чему); «Похвала» — поднимать на щит. 2) «Борьба, конфликт» (25 ФЕ) — холодная война, битвы на пистолетах / шпагах, хвататься / схватиться за оружие, стать под знамя, скрестить шпагу, притуплять / притупить меч, поднимать меч, поднимать / поднять оружие, ковать оружие, брать / взять оружие в руки, обнажать / обнажить меч, брать / брать за оружие и др. Внутри данного концептуального аспекта нами выделяется сегмент «Военные действия / война» — битва народов, крестовый поход. Выделение такого сегмента — сложный вопрос, поскольку концепт «война» может рассматриваться как самостоятельный компонент концептосферы. Однако мы полагаем, что в нашем случае акцент делается не на войну как социальное явление, а на войну как результат противоборства, как форму конфликта между людьми. 3) «Ремесло» (1 ФЕ) — военная косточка. 4) «Интеллектуальная жизнь человека». Микроконцепт вербализован только 1 ФЕ: мозговая атака (мозговой штурм). 5) «Приветствие» (4 ФЕ) — сделать на караул, здравия желаю, брать / взять на караул, брать под козырек. 6) «Уничтожение, убийство» (7 ФЕ) — багрили руки в крови, пускать себе пулю в лоб, предавать / предать огню и мечу, поднимать на штыки, жажда крови, вгонять / вогнать пулю, пушечное мясо. 7) «Защита» (3 ФЕ) — стоять на часах, держать (круговую) оборону, стать на страже / на стражу. 8) «Наблюдение» (3 ФЕ) — брать / взять на мушку, брать / взять на прицел, на прицеле. 9) «Угроза» (3 ФЕ) — в штыки, бряцать оружием 1,2. 10) Взаимодействие в окружающих» (1 ФЕ) — стрелять / стрелнуть глазами. 11) «Табель о рангах» (14 ФЕ) — белый билет, синие мундиры, черная сотня, серые шинели, интендантская крыса, гарнизонная крыса, крылатый всадник и др.

Омский государственный университет путей сообщения
Фесенко О. П., доцент, профессор кафедры русского
и иностранных языков
E-mail: Olga.Fesenko2015@yandex.ru

Омский автобронетанковый инженерный институт
Петренко Е. Е., доцент кафедры русского языка
E-mail: etrenkoe@mail.ru

Итак, концептосфера фразеологии военного происхождения, как и в целом языковая картина мира, антропоцентрична. Человек предстает в ней во всех своих проявлениях и характеристиках: физическое состояние, социальные и профессиональные параметры, морально-нравственные качества, деятельность (в т.ч. интеллектуальная), речь, эмоции. Наиболее вербализованным оказывается микроконцепт «Деятельность» (79 ФЕ). При этом особое место в структуре концептосферы занимают те концепты и микроконцепты, содержательное наполнение которых обусловлено именно военной сферой их возникновения: «Борьба», «Уничтожение / убийство», «Защита», «Угроза».

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинова Э. Р. Фразеологизмы военной тематики в газете «Аргументы и факты» / Э. Р. Багаутдинова // Инновационные технологии в науке и образовании. Пенза: Наука и просвещение, 2017. — С. 196–198.
2. Соколова А. А. Использование фразеологизмов военной тематики в языке современных СМИ / А. А. Соколова // Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса. Материалы международной научной конференции. Белгород, 2017. — С. 473–479.
3. Третьякова Л. Н. Военная метафора и фразеология в современной газете на занятиях по русскому языку как иностранному / Л. Н. Третьякова // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике. М.: РУДН, 2018. — С. 356–359.
4. Вражнова И. Г. «Военные» фразеологизмы в англоязычных печатных СМИ / И. Г. Вражнова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. Материалы докладов IX Межд. конф. Саратов: Саратовский источник, 2017. — С. 32–37.
5. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. 214 с.
6. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.

Omsk State University of Railway Transport
Fesenko O. P., Associate Professor, Professor of the Department
of Russian and Foreign Languages
E-mail: Olga.Fesenko2015@yandex.ru

Omsk Armored Vehicle Engineering Institute
Petrenko E. E., Associate Professor of the Russian Language
Department
E-mail: etrenkoe@mail.ru

К ВОПРОСУ О НАРРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО, Н. М. СОКОЛОВСКОГО, А. П. ЧЕХОВА

(ТЮРЬМА, ССЫЛКА И КАТОРГА В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)

Г. А. Шпилевая, В. А. Бондаренко, О. А. Горбацевич

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 марта 2021 г.

Аннотация: в данной статье предпринимается попытка рассмотреть, вслед за другими литературоведами, некоторые аспекты изображения российской пенитенциарной системы в литературе второй половины XIX века при использовании нарративных подходов. Авторы настоящей статьи делают вывод о том, что, сохраняя общий гуманистический пафос (сострадание, желание пробудить интерес общества к заключенным), каждый из упомянутых писателей (Ф. М. Достоевский, В. М. Дорошевич, В. Г. Короленко, С. В. Максимов, Н. М. Соколовский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, А. П. Чехов, П. Ф. Якубович и др.) сказал свое значимое слово: призвал общество обратить внимание на важные проблемы «преступления и наказания». Однако это авторское слово прозвучало в каждом случае по-разному — согласно творческим стратегиям писателей.

Ключевые слова: Достоевский, Соколовский, Чехов, итератив, сингулятив, пенитенциарная система, реформы, каторга, ссылка, нарратив, жанровая природа.

Abstract: this article attempts to consider, following other literary critics, some aspects of the image of the Russian penitentiary system in the literature of the second half of the XIX century using narrative approaches. The authors of this article conclude that, while preserving the general humanistic pathos (compassion, the desire to arouse public interest in prisoners), each of the mentioned writers (F. M. Dostoevsky, V. M. Doroshvich, V. G. Korolenko, S. V. Maksimov, N. M. Sokolovsky, M. E. Saltykov-Shchedrin, L. N. Tolstoy, G. I. Uspensky, A. P. Chekhov, P. F. Yakubovich et al.) said his significant word: urged society to pay attention to the important problem of "crime and punishment". However, this author's word sounded differently in each case — according to the creative strategies of the authors.

Keywords: Dostoevsky, Sokolovsky, Chekhov, iterative, singulative, penitentiary system, reforms, hard labor, exile, narrative, genre nature.

Первым автором, заявившим об отношениях властных структур и личности, попавшей в острог и отправленной в ссылку, был, по единодушному мнению исследователей, протопоп Аввакум; одно из письменных доказательств этому — «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (1672), где «многострадальный узник» отразил противоречия современной ему общественной жизни в жанрах «и учительной литературы, и проповеди, и житий, и поучений, и бытовой повести, а также устного народного сказа» [2, 200]. Затем, уже в XIX веке, тема «ссылка и каторга» была основательно пополнена воспоминаниями декабристов (Д. И. Завалишина, И. Д. Якушкина, Е. П. Оболенского и др.), а позднее мемуарами народников (О. В. Аптекмана, Л. Г. Дейча, П. А. Кропоткина, В. Н. Фигнер, Н. А. Чарушина и др.). Подготовка и проведение судебной реформы (принятой в 1864 г.) дали возможность правоведам и общественным деятелям (С. И. Зарудный, А. Ф. Кони, М. Н. Гал-

кин-Враской, Д. В. Стасов, Ф. Н. Плевако, А. И. Урусов) освещать изменения в судостроительстве, судопроизводстве, мерах наказания. В настоящее время подобные материалы множатся трудами современных историков и юристов, в частности, в них можно найти важную информацию о деятельности филантропов, врачей, реформаторов тюрем, писателей: о Дж. Говарде, Ф. П. Гаазе, Б. Д. Ховарде, путешественнике Дж. Кеннана, евангелистах и путешественниках по Сибири и на о. Сахалин Г. Лансделле, Фр. Бедекере, И. Каргеле, о «фельдшерице и представителе «Общества попечения о семьях ссыльнокаторжных»» [6, 287] Е. К. Майер и др.

Во второй половине XIX века общественный интерес к проблемам ссылки и каторги значительно усиливается благодаря художественным и документальным произведениям («Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, «Сахалин» В. М. Дорошевича, «Соколинец» В. Г. Короленко, «Сибирь и каторга» С. В. Максимова, «Острог и жизнь. Из записок следователя» Н. М. Соколовского, «Воскресение» Л. Н. Толстого, «Один на один» Г. И. Успенского, «Остров Сахалин»

А. П. Чехова, «Русская община в тюрьме и ссылке» Н. М. Ядринцева, «В мире отверженных» П. Ф. Якубовича и пр.), многие авторы которых знали о ссылке не понаслышке.

Одним из самых знаменитых и значительных произведений указанной тематики, безусловно, является цикл *повестей* «Записки из Мертвого дома» (1860–1862) Ф. М. Достоевского. Несмотря на обилие приведенных фактов (часто натуралистического плана) — это произведение художественное, и многие его фрагменты, «типы» (персонажи) вошли в «Дядюшкин сон», «Преступление и наказание», «Бесы». Известно, что у многих персонажей имелись прототипы, например, Газин унаследовал черты Газина Фейдулы, попавшего на каторгу «за нарушение воинской дисциплины и кражи» [4, 125]. О творческих импульсах и нарративных стратегиях автора писали многие исследователи (О. Г. Дилакторская, А. С. Долинин, В. А. Туниманов, П. Е. Фокин и др.); отправной точкой для анализа субъектных сфер послужили факты биографии автора «Записок...», отбывавшего срок на каторге, однако рассказчиком («я-повествователем») сделавшего некоего «поселенца», Александра Петровича Горянчикова (В. Б. Шкловский назвал его «Вергилием этого каторжного ада» [16, 104]). Введение *рассказчика* (попавшего на каторгу за убийство жены из ревности) позволило писателю избежать развертывания политической темы и обусловило превалирование в «воспоминаниях» фрагментов «сингулятивных, или единичных» [5, 355]. *Сингулятив* (форма повествования, при которой «единичность нарративного высказывания соответствует единичности излагаемого события»), по словам Ж. Женетта, «является самой распространенной» (1П/1И — один раз произошло, один раз изложено). Примером является одна из многочисленных «новелл»-нравоописаний (у Достоевского они значительно объемнее, нежели в рассмотренном ниже цикле очерков Н. М. Соколовского «Острог и жизнь. Из записок следователя»), представляющая каторжанина Сушилова, которому рассказчик, понимая его затруднительное положение, предложил денег: «Тут он оборотился опять к частоколу, так что даже стукнулся об него лбом, — и как зарыдает!.. Насилу я утешил его...» [3, 62]. Сингулятивным повествованием отмечены и некоторые портреты, детали которых указывают на то, что рассказчик симпатизирует изображаемым людям. У Н. М. Соколовского и А. П. Чехова подобных портретов-характеристик каторжан нет, что обусловлено «физической точкой зрения» (термин Б. О. Кормана) носителей речи, их отдаленностью от самих преступников. Таковы (представленные сингулятивом) портрет «дагестанского татарина» Алея и описание общения с ним рассказчика: «Он лежал, заложив руки за голову, и тоже о чем-то думал. Вдруг он спросил меня: — Что, тебе очень теперь тяжело? Я оглядел его с любопытством, и мне

показался странным этот быстрый прямой вопрос от Алея, всегда деликатного, всегда разборчивого, всегда умного сердцем» [3, 52].

Так как в «Записках из Мертвого дома» изображены не только индивидуальные характеры, но и нравы, царившие в остроге (данное произведение создавалось «под влиянием публицистического дискурса начала 1860-х гг.» [7, 143]), то немало фрагментов выполнено *итеративом*, когда приводится «несколько событий, рассматриваемых только с точки зрения их сходства» [5, 354] (п1/1И — «излагать один-единственный раз (или скорее: за один-единственный раз) то, что произошло n раз» [5, 356]). Итеративом («где референтное содержание речи лишено событийности, но взамен наделено стабильностью и закономерностью естественных (природных) или нормированных (культурных) состояний и процессов» [12, 9]) характеризуется «казенная» работа: «Многие из арестантов приходили в острог ничего не зная, но учились у других и потом выходили на волю хорошими мастеровыми. Тут были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесари, и резчики, и золотильщики. Был один еврей, Исай Бумштейн, ювелир, он же и ростовщик. Все трудились и добывали копейку» [3, 17]. Как видно, достаточно большой фрагмент содержит только одну конкретную фамилию, при этом маркеры «многие», «все» («силлептическая формула») указывают на регулярную повторяемость действий.

Отметим, что «псевдоитератив» (Ж. Женетт определяет его как «типичную фигуру нарративной риторики, которую не следует понимать буквально, а как раз наоборот: повествование, буквально утверждающее: «это происходило все время» следует понимать фигурально: «все время происходило нечто в этом роде, одной из реализаций которого является изображаемое событие» [5, 359]), встречающийся довольно часто в упомянутом цикле очерков Н. М. Соколовского и чеховском «Острове Сахалине», крайне редко используется в произведении Достоевского. При этом итератив и сингулятив соседствуют либо без явно обозначенных переходов, либо соединяются *вставками* (Ж. Женетт не без юмора отметил, что они нужны писателю для того, чтобы «помешать читателю заметить перемену аспекта» [5, 373]): «я не мог узнать потом», «но помню» и пр. За вставками следуют или обобщения (например, касающиеся типов народных характеров), или, напротив, переход к повествованию о единичном, исключительном. Повествование о типичном поведении упомянутого выше Газина («бегал не раз», «переменял имя», «такшло несколько лет») сменяется сообщением об единичном инциденте («Еще немного, и он бы раздробил нам головы» [3, 42]), а заканчивается длинным обобщением, содержащим размышления о «неравенстве наказания за одни и те же преступления» [3, 42] с вкраплением «острожной легенды» о *луковице*. Та-

кая нарративная картина свидетельствует о тяготе Достоевского к *художественному*: к психологизму, стремлению разгадать тайны внутреннего мира преступника, мотивацию девиантного поведения, а также указывает на желание создать некое равновесие между временем повествования и временем происшедшего в реальности события.

Рассказчик-очевидец благодаря указанным переходам получает возможность убедить читателя в своем стремлении и объективно поведать о ситуациях экстремальных, и рассказать о страданиях — своих и чужих. Благодаря различным комбинациям итеративных и сингулятивных эпизодов писатель также может чередовать содержание денотативное (о типичном, явно представленном, например о понятии «свобода» для арестанта) и сигнификативное (отраженное в сознании человека, неявно обозначенное, подразумеваемое — «призрак свободы» [3, 66] для каторжанина, проявляющийся в «кураже», «кутеже», склонности к хвастовству, «к комическому и наивнейшему возвеличиванию собственной личности, хотя бы призрачному» [Там же]). Эмоции, ассоциации (коннотация), часто выражающиеся в сравнениях, либо отражающих признаки определенной эпохи («А чего не отдашь за свободу? Какой миллионщик, если б ему сдавили горло петлей, не отдал бы всех своих миллионов за один глоток воздуха?» [Там же]), либо не соотнесенных с конкретным временем (Достоевский сравнивает стремящегося к свободе арестанта с человеком, заживо схороненным, который «колотит в крышку гроба», понимая тщетность своих усилий), соединяются с образами, несущими конкретный (служащий для логической передачи понятия) смысл. Данный прием в дальнейшем будет доминировать в поэтике Достоевского.

В 1866 г. выходит в свет цикл очерков Н. М. Соколовского «Острог и жизнь (Из записок следователя)». Автор был профессиональным юристом, изложившим свой опыт в документальном произведении, где будут преобладать итеративные фрагменты («результат абстракции от множества конкретных действий» [8, 223]) над сингулятивными («то, что происходило однажды» [10, 59]). Тем не менее, первая часть названия («Острог и жизнь») дает понять, что жизнь может содержать события «единичные», вследствие чего появляются сингулятивные сегменты, а также смешанные формы, например, по аналогии с упомянутым выше псевдоитеративом — «псевдосингулятив» (термин, предложенный нами по примеру жеттовского).

Первые страницы соколовского очерка представляют ряд итеративных эпизодов, поэтому в них часто встречаются слова, подчеркивающие цикличность, обыденность: «всем», «для каждого», «несколько раз» и пр. [11, 3; 4]. Однако автор документального очерка хочет быть предельно точным (читатель имеет право получить правдивые сведения о результатах судеб-

ной реформы) и в то же время сделать свое произведение занимательным, нескудным, именно поэтому время от времени повествование окрашивается рядом сравнений, метафор и эпитетов. Указанные тропы (их вкрапления) сделают «юридический документ» более эмоциональным, что не всегда выглядит уместно, но самое главное — они не приблизят повествование к сингулятиву в должной мере, и мы здесь наблюдаем «псевдосингулятив». Соколовский использует сравнения (называемые «социальными» тропами, так как в них менее известная величина («А») становится понятной в сравнении с более известной и актуальной в данном *месте* и в данное *время* величиной «В»), которые помогают прояснить некоторые аспекты пореформенного времени, в частности, в области судостроительства и судопроизводства нового типа, например: *следователь* сравнивается с *анатомом*. Используется и достаточно известная метафора «жизнь — театр»; Соколовский сопоставляет «действительность» и «подмостки», при этом картины действительности не выходят за рамки парадигмы «преступление / наказание» (в основном уже в сфере пенитенциарной системы — преступник находится в остроге). Создается ощущение, что писатель стремится ослабить итеративную природу повествования, однако в пользу «псевдосингулятива» говорит то, что тропы создают не индивидуальные портреты, а обобщенные характеристики типов преступлений, преступников и следователей: «Перед вами — театр, подмостки <...> перед следователем — жизнь, неподдельные страдания, изуродованный, но не подкрашенный человек» [11, 4]. Иногда появляются эпитеты (порой «ультраромантические»), которыми автор стремится «украсить» достаточно мрачные сцены из жизни отчаявшихся бедняков, ставших ворами и убийцами, но тропы эти способствуют скорее созданию эффекта повторяемости, нейтрализации событийности (одной из основных черт сингулятива), нежели фиксируют единичность и выделенность необычных черт или деталей: «Драмы, нередко потрясающие, окрашенные кровавым цветом...» [Там же].

Даже описывая причины, по которым конкретный человек — бывший дворовый (псарь) Драгунов — стал вором, Соколовский сочетает сингулятивные (описание разговорной манеры, внешности самого персонажа, его детей, жены) и итеративные (фиксирующие типичные социальные процессы, например судьбы получивших «волю» крестьян, а не единичные события в жизни личности) фрагменты. Невероятно бедное жилище Драгунова описано, казалось бы, подробно, с натуралистическими деталями, но автор поспешил отметить, что в мрачном овраге разбросано *несколько* столь убогих лачуг, чем подчеркнул «повторяемость», «регулярность» подобных социальных картин, характера детерминированности средой обитателей покосившихся до-

мишек. Очевидно, что сингулятив отчасти придает повествованию занимательности, эстетически уравнивает эпизоды, взятые из тревожных сводок «моральной статистики».

В рассматриваемых очерках есть и примеры прямо противоположные – псевдоитератива (когда читатель, «вследствие богатства и точности деталей», сомневается в том, что данные сцены, поданные как якобы итеративные, «происходили несколько раз без каких-либо видоизменений» [5, 358]). Соколовский знакомит читателя с очередным «бродягой» (личностью уникальной), при этом, не желая прослыть «беллетристом» (автором развлекающего и просвещающего чтива), объясняет, что похожие характеры и поведение встречаются регулярно. Вот как выглядит рассказ о «типичном» заключенном по прозвищу «Мамзель»: «...оказался сыном уездного стряпчего и бежал из отцовского дома с целью узнать, в действительности, как живет народ вообще и отдельные члены его, по острогам в особенности» [11, 443]. Детали портрета и образа жизни «самородка» необычны, исключительны, и об этом юноше можно создать отдельный занимательный (нравоописательный) рассказ, однако жанровые законы данного документального цикла очерков подобные вставки не предусматривают, поэтому появляются такие нейтрализующие характерологию «силлептические конструкции», как «вообще», «все» и пр. Юноши, «уходившие в народ», в то время встречались часто, но в данном случае, судя по реакции повествователя, «Мамзель» был фигурой исключительной, и сам характер повествования всего фрагмента более ориентирован на изображение событийности, нежели процессуальности. Соколовский достаточно часто отказывается *беллетризовать* повествование, например, описывая одного из неисправимых злодеев, автор замечает, что тот «никак не походил на тех героев, которыми мы привыкли угощаться во французских мелодрамах» [11, 144].

Итеративное повествование, безусловно, превалирует в анализируемом цикле очерков, так как авторские стратегии направлены на то, чтобы показать типичных преступников и бродяг, детерминированных социумом. Например, описывая образ жизни бездомных и «безродных», писатель вспоминает красноречивые имена-клички, приводя их во множественном числе, отчего имена собственные превращаются в нарицательные: «...все эти Чудилы, Ходоки, Иваны «непомнящие родства», Таньки-Придорожницы, Маньки-Кочкарницы и проч. по прямой, нисходящей линии происходят от тех, кого горькая доля целыми массами выгоняла из родных мест, от тех, кто впервые вздумали и привели в исполнение свою скорбную угрозу “врозь брести”» [11, 481]. Очевидно, что в данном случае автор делает важное замечание об исторических корнях российского бродяжничества, противопоставленного «общинному

сознанию», «народному единству», «цельности нации» и пр.

Сингулятив, не сопровождаемый итеративными вкраплениями, появляется в цикле «Острог и жизнь...» в тех случаях, когда писатель прибегает к сказовой форме повествования. Автор-следователь мог не хранить записи допросов преступников (хотя возможно и обратное), но реплика вора Драгунова выглядит как единичная, *однажды* услышанная и приведенная: «Нешто вам приказано верить-то нашему брату? Знамо вор, был вором и буду вором. Туруссы-то на колесах мы мастера городить, на это нас возьми. Побольше слушайте!» [11, 5].

В литературоведении отмечалось, что «дневниковые записки» *автокоммуникативны*, так как «рассказ о повторяющихся событиях не может быть интересен собеседнику и не порождает коммуникативных ситуаций» [10, 58]. Соколовский порой не преодолевает беллетристическую инерцию и прибегает к достаточно распространенному диалогу со стороной воспринимающей: «Но недостающее предоставлю дополнить читателю» [11, 10]. Как видно, в данном случае (учитывая разные актанты) «общение» с читателем все же создало «коммуникативную ситуацию».

В 1891–1893 гг. А. П. Чехов работает над документальным произведением «Остров Сахалин (Из путевых записок)», и в письме А. С. Суворину от 28. 07. 1893 г. сообщает, на наш взгляд, о главном нарратологическом принципе своего труда: «То, что Вы когда-то читали у меня, забудьте, ибо то фальшиво. Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока, наконец, не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином» научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудачком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко» [13, 27]. Какие «там свиньи» (животные домашние и дикие, жилища, нравы, климат и пр.), сообщается в многочисленных итеративных фрагментах («nП/1И»); каким «чудачком» выглядит и ощущает себя в чужой среде известный писатель, передается сингулятивом (1П/1И или nП/nП (произошло n раз, о чем рассказано n раз)).

Ритм чеховской документальной прозы чередованием указанных повествовательных форм (и их синтезированных образований) задается с первых же страниц. В первом абзаце «Путевых записок» автор сообщает о событии явно *единичном* — о своем прибытии в определенное место и в определенное время: «Пятого июля 1890 г. я прибыл на пароходе в г. Николаевск, один из самых восточных пунктов нашего отечества. Амур здесь очень широк, до моря осталось только 27 верст; место величественное и красивое, но воспоминания о прошлом этого края, рассказы спутников о лютой зиме и о не менее лютых местных нравах, близость каторги и самый вид заброшенного, вымирающего города совершенно отнимают охоту

любоваться пейзажем» [14, 39]. Сингулятив в данном случае явно уравнивается итеративом, так как первое впечатление от *события* нейтрализуется сообщением о повторяемом, привычном и типичном (*процесс*), а именно: холод, местные нравы, информация, полученная из рассказов очевидцев и книг. Таких фрагментов (где соблюдается некоторое равновесие) особенно много в первой четверти произведения, и это можно объяснить настроением «чужака»-новичка, не торопящегося делать окончательные выводы. Однако далее можно наблюдать множество примеров, где сингулятив, казалось бы, преобладает, но итеративный заключительный «аккорд» переносит акцент с уникальных фактов на множественность и повторяемость явлений, что позволяет сделать вывод в пользу «псевдосингулятива». При рассказе об очень интересном эпизоде путешествия — о прибытии к мысу Джаоре (где, в частности, находилась «избушка» семьи офицера Б.) — сообщается множество подробностей (ответные ступени, скользкие прибрежные камни и пр.), а также описана встреча с симпатичной супругой офицера: «Я застал изящно одетую, интеллигентную даму, его жену, и двух дочерей, маленьких девочек, искусанных комарами. В комнатах все стены покрыты еловой зеленью, окна затянуты марлей, пахнет дымом <...>. На стене висят этюды и, между прочим, женская головка, набросанная карандашом. Оказывается, что г. Б. — художник» [14, 49]. И оказалось, что достаточно одной фразы (указывающей на такой признак событийности, как фрактальность, в данном случае — обозначение финала маленького эпизода), чтобы перевести занимательный рассказ в разряд итератива: «Провожал меня до шлюпки угрюмый матрос, как будто догадавшись, о чем мне хочется спросить его, вздохнул и сказал: — По доброй воле сюда не заедешь!» [14, 49]. Замечание сделано человеком «бывалым», давшим понять литератору-«чужаку», что история этой семьи не уникальна, а типична и очень печальна. Так проявился чеховский подтекст, который (как в художественных, так и в документальных произведениях) позволяет читателю стать соавтором, например «дописать» предысторию офицера Б., по каким-то причинам попавшего на остров Сахалин.

В чеховских «Путевых записках» много примеров псевдоитератива, где нарративная риторика способствует утверждению типичности и множественности определенных процессов, но знаменитая чеховская ирония ставит под сомнение то, что данные явления проходили регулярно и без изменений. Автор, например, сообщает о большом количестве *интеллигентных* людей, встречающихся «по Амуру», но чуть ранее сообщалось о плывущих на корабле — три пассажира, офицер, три сотни солдат, сопровождавших арестантов, причем за одним, закованным в кандалы, следовала маленькая дочь. Приходится усомниться в ведущей роли культурных людей, ко-

торые никак не могут помочь пятилетнему ребенку, держащемуся за кандалы отца. «Читатель пусть не удивляется такому изобилию интеллигентных людей здесь, в пустыне. По Амуру и в Приморской области интеллигенция при небольшом вообще населении составляет немалый процент <...> На Амуре есть город, где одних лишь генералов, военных и штатских, насчитывают шестнадцать. Теперь их там, быть может, еще больше» [14, 43], — пишет Чехов, и два последних предложения окончательно убеждают в том, что большое количество генералов (число которых *регулярно* растет) не влияет на изменение ситуации в лучшую сторону.

В анализируемых «Записках» итеративный текст наблюдается при сообщении о процессах обыденных и неизменных, о которых изложено «за один раз» (пП/1И): постоянный «мерный звон кандалов», гул моря, телеграфных проводов, тоска по родине и семье, оставленной арестантами на Рязанщине или в Петербурге (констатация полной бесперспективности существования ссыльных и их охранников сопровождается «силлептическими формулировками»: «постоянно», «ежедневно», «постоянный страх», «во всех селениях», «это обыкновенно происходит» и пр). Типичный процесс прибытия женщин-каторжанок описан следующим образом: «Теперь, когда прибывает партия женщин в Александровск, то ее прежде всего торжественно ведут с пристани в тюрьму. Женщины, согнувшись под тяжестью узлов и котомок, плетутся по шоссе, вялые, еще не пришедшие в себя от морской болезни...» [14, 252].

«Остров Сахалин» содержит обширный интертекст, характеризующийся сингулятивным повествованием (1П/1И); сюда относятся фрагменты записок путешественника Н. К. Бошняка (первооткрывателя Императорской гавани), оставившего жизнеописание благородного и мужественного Г. И. Невельского, его жены Екатерины Ивановны, переносившей все лишения (голод, смерть ребенка) «геройски». Истории о встрече с Софьей Блювштейн (Золотая Ручка), о наказании Прохорова, «Рассказ Егора» (из него Чехов исключил сказовые фрагменты) также построены как ряд сингулятивных фрагментов.

Итак, анализ жанровых особенностей трех произведений о «тюрьме и каторге» позволил уточнить характер идеологических и художественных стратегий писателей. Достоевский, повествуя итеративом о таких «прозаических» (обыденных, повторяющихся) явлениях, присущих жизни каторжан, как «казенный» труд, «прислуживание», каждодневные «развлечения» (карты, драки, пьянство), наказание розгами и плетью за проступки, «задает своим читателям высочайший уровень духовной сложности», что реализуется «в предельной обобщенности, с которой поставлены и звучат у него самые принципиальные вопросы человеческого бытия» [9, 278]. Рассмотренная нами функция *вставок*, соединяющих

итеративные и сингулятивные эпизоды, содержащих философский («свобода», «отрицание личности») и социальный (телесные наказания, «кандальное» существование, судебные ошибки) смысл, включающих психологический анализ (примеры адаптации личности к невыносимым условиям, «необъяснимых» причин преступления), направлена на *уравновешивание*, утверждение равноценности единичных событий и множественных процессов в человеческом бытии. Описание процессуальности органично сочетается с сингулятивными (событийными) фрагментами, отмеченными то неуловимой, то достаточно выраженной фрактальностью (например, начала и финалы историй Алея или «восьмиглазого» плацмайора), что станет впоследствии одной из черт поэтики романов Достоевского.

«Записки» имевшего большой опыт юриста Соколовского, поставившего перед собой цель познакомить читателя с типами современных преступников, мотивами их поступков, отличаются не только художественным уровнем (если сравнить с «Записками из Мертвого дома»), но и авторскими целями. Следовательно-практик, отделенный от обитателей острога тюремными границами, к философским, историческим и психологическим обобщениям прибегает редко (может быть, только при попытках определения причин таких явлений, как российское бродяжничество, или «хождениях в народ» редких «самородков»). Границы итеративных и сингулятивных эпизодов достаточно ясны, процессуальность сопровождает бытописание, событийность — изображение нравов преступников. Стараясь избежать явной беллетризации, Соколовский все-таки иногда к ней прибегает в тех случаях, когда испытывает затруднение при стилистических переходах; эти «мелодраматические» узоры и будут выполнять функцию «вставок» в соколовском цикле очерков. Личность рассказчика в данном произведении достаточно конкретизирована (опытный следователь), и его дискурс определяет нарративную стратегию концептированного автора: заинтересовать читателей, желающих ознакомиться с реальными фактами из криминальной жизни, с неприкрашенным народным бытом (солдат, «гуляющих женщин», воров и пр.).

Известно, что Чехов, вернувшись с Сахалина (куда отправился в стремлении обрести творческий стимул), приступил к описанию «жесткого арестантского халата», во многом ориентируясь на «Записки из Мертвого дома» Достоевского (а также на очерк С. В. Максимова «Сибирь и каторга»). При всем отличии творческих манер Чехова и Достоевского стоит отметить сходство писателей в их стремлении выразить безмерную *тоску* по свободе людей (в силу различий интеллекта, моральных качеств, социального происхождения способных по-разному ее выразить, но одинаково остро ощущающих), чью «бессмертную душу» заперли «в плену» (слова Л. Н. Толсто-

го, вложенные в уста арестованного французами Пьера Безухова). Достоевский «доверяет» поведать об этом своему рассказчику, персонажу-каторжанину — Горянчикову, чей личный опыт, наблюдения, переживания позволяют создать сложную картину взаимодействия внешних и внутренних процессов, сопровождающих жизнь человека, отвергнутого обществом. Особую роль здесь играют выше отмеченные «вставки» между итеративными и сингулятивными фрагментами, а также отсутствие «псевдоитератива»; последнее указывает на острое (и подчеркнутое) переживание *каждого* эпизода из жизни каторжан. Чехов ведет повествование от лица условного носителя речи (рассказчик — посторонний наблюдатель) и использует характерный прием «целостного «неотобранного» изображения мира» [15, 213]. Стремление «заразить» (Ж. Женетт) сингулятивное повествование итеративным (что порой иронически окрашено), а также чередование «псевдоитератива» и «псевдосингулятива» дают возможность этому писателю выразить свое мироотношение: признание бесперспективности существования «ссылных», осознание невозможности изменить жизнь к лучшему, неопределенности самого понятия «свобода».

При сопоставлении произведений Соколовского и Чехова можно видеть, как за тридцать лет изменился документальный очерк, освещавший данности пенитенциарной российской системы. Чехов в большей степени отказывается от беллетристических приемов, почти совсем исключает сказовые формы с их установкой на устную речь человека из демократических слоев. Сравнения (голодных сахалинцев с питающимися одним картофелем ирландцами, ново-михайловских палачей («отодравших» друг друга розгами) — с ядовитыми пауками в одной банке, чиновника без усов, но с бакенбардами — с Ибсеном, приключений героев Майн Рида и злоключений, сопровождающих бытие жителей Сахалина) не добавляют эмоций повествованию, а подчеркивают *абсурдность* жизни каторжан, поселенцев, их охранников и палачей.

Как видно, применение нарратологических подходов (а также исследование «экспрессии <...> форм и знаков, слов и оборотов» [1, 177] в произведениях художественных и документальных) дало возможность уточнить некоторые особенности поэтики и идеологических позиций столь разных по уровню таланта, по стилю, жанровому тяготению писателей. Однако и Достоевского, и Соколовского, и Чехова объединяла цель познакомить читателя с миром тюрьмы, ссылки и каторги, с проблемами, без решения которых демократическое развитие общества невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — М.: ГИХЛ, 1959. — 655 с.

2. Гусев В. Е. О жанре Жития протопопа Аввакума / В. Е. Гусев // Труды отдела древнерусской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. XV. — С. 192–202.

3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Художественные произведения. — Т. 4 / Ф. М. Достоевский. — Л.: Наука, 1972. — 326 с.

4. Заровняева П. Д. Типология образов в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского / П. Д. Заровняева // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. В 2 т. — Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. — С. 122–127.

5. Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. — Т. 1–2 / Ж. Женетт. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — 944 с. [<http://uanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1-2-1998-l.pdf> Дата обращения: 10. 03. 2021 г.].

6. Коррадо Шерил М. О евангельских христианах на каторжном Сахалине / Шерил М. Коррадо // Вестник Сахалинского музея. — № 1 (12), 2005. — С. 285–296.

7. Ми Сюйян. Раскольники в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: взаимодействие художественного текста с публицистикой / Сюйян Ми // Известия Уральского Федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки, Екатеринбург, 2017. — Т. 19, № 4 (169). — С. 139–146.

8. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность

с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. — М.: Наука, 1985. — 272 с.

9. Свительский В. А. Ф. М. Достоевский / В. А. Свительский // Русская литературная классика XIX века. — Воронеж: ВГУ — МИОН, 2001. — С. 275–296.

10. Семенова Н. В. Роль итеративного повествования в повести А. П. Чехова «Скучная история» / Н. В. Семенова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология, 2019. — № 3 (62). — С. 57–61.

11. Соколовский Н. М. Острог и жизнь (Из записок следователя) / Н. М. Соколовский. — Санкт-Петербург: Издание книгопродавца И. Г. Овсянникова, 1866. — 519 с.

12. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. — 59 с.

13. Чехов А. П. Собрание сочинений. В 12 т. / А. П. Чехов. — М.: ГИХЛ, 1957. — Т. 12. — 868 с.

14. Чехов А. П. Собрание сочинений. В 12 т. / А. П. Чехов. — М.: ГИХЛ, 1956. — Т. 10. — 596 с.

15. Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков // А. П. Чехов. — М.: Советский писатель, 1986. — 379 с.

16. Шкловский В. Б. За и против. Заметки о Достоевском / В. Б. Шкловский. — М.: Советский писатель, 1957. — 260 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Шpileвая Г. А., доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного педагогического университета

Бондаренко В. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель Воронежского государственного педагогического университета

Горбачевич О. А., магистрант Воронежского государственного педагогического университета

*Voronezh State Pedagogical University
Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor of Voronezh State Pedagogical University
Bondarenko V. A., Candidate of Philology, Senior Lecturer of Voronezh State Pedagogical University;
Gorbatsevich O. A. Master's student of Voronezh State Pedagogical University.*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: АНТИНОМИЯ «ДОЛГ ЖЕНЩИНЫ- МАТЕРИ — ПРАВО ЖЕНЩИНЫ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»

В. В. Богуславская, А. А. Кувычко

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 10 мая 2021 г.

Аннотация: статья посвящена анализу лингвокультурологического осмысления материнства в российском медиадискурсе на примере материалов, опубликованных в интернет-версиях «Известий», «Российской газеты», «Аргументов и фактов» в период с 2001 по 2019 гг.

Ключевые слова: дискурс материнства, медиадискурс, лингвокультурные характеристики, информационная картина проблематики СМИ, антиномии.

Abstract: the article analyzes the linguistic and cultural understanding of motherhood in the Russian media discourse on the example of materials published in the Internet versions of Izvestia, Rossiyskaya Gazeta, and Argumenty I Fakty in the period from 2001 to 2019.

Keywords: motherhood discourse, media discourse, linguistic and cultural characteristics, information picture of media issues, antinomies.

Современные медиа представляют полный спектр информационной картины проблематики материнства. В настоящем исследовании стало существенным выявление того, какие лингвокультурные характеристики материнства находят отражение в языковом воплощении этой информационной картины. Эта задача была реализована благодаря представлению лингвокультурных характеристик в виде антиномий — взаимодействующих, взаимодополняющих друг друга и одновременно конкурирующих вариантов представления проблематики материнства в медиадискурсе СМИ.

Каждая антиномия рассматривается авторами через совокупность отдельных лексических единиц, фрагментов медиатекстов и/или самих медиатекстов, описывающих заложенную в антиномии идею. Анализ эмпирического материала (медиатексты общественно-политических изданий «Известия», «Российская газета», «Аргументы и факты») позволил увидеть, что лингвокультурные характеристики медиадискурса материнства выражаются в наличии широкого спектра лексических и фразовых единиц, выделяющих медиадискурс материнства из других медийных дискурсов. Таким образом, стало возможным говорить не только о тематических особенностях осмысления материнства в медийном дискурсе, но и лингвокультурных.

Нами были выделены следующие пять пар антиномий:

1) **долг женщины-матери** (под которым подразумевается посвящение женщиной своего времени

семье и детям) — **право женщины на самореализацию** (построение карьеры, бизнес, профессиональный и творческий рост). Например: «У меня была всего неделя решить: карьера или создание семьи, рождение ребенка. Потому как совмещать должность с материнством невозможно» (АиФ, 04.01.2017); «Число женщин, откладывающих рождение детей из-за карьеры или по другим причинам, в развитых странах постоянно растет» (РГ, 16.04.2016); «Сейчас многие женщины не торопятся обзавестись потомством: сперва учеба, потом карьера, потом квартира, машина, а уж потом ребенок» (РГ, 06.08.2015); «Как разрешить проблему женского выбора: престижная работа и успешный бизнес — или дом, семья, воспитание детей?» (РГ, 29.05.2014);

2) **поддержка материнства** (моральная (пропаганда семейных ценностей, общественное одобрение) и экономическая (материальная) — **трудности современной жизни** (социальная неустроенность, недостаток денежных средств, проблемы с трудоустройством). Например: «Когда Господь дает ребенка, он дает и на ребенка. Семейные ценности нужно пропагандировать» (РГ, 25.11.2016); «Работающим женщинам, которые хотят минимизировать финансовые потери от материнства, лучше всего рожать первенца после 30 лет» (РГ, 16.04.2016); «Женщина должна быть хорошей матерью, любящей женой, опытной домработницей и успешной карьеристкой одновременно. Те, кому посчастливилось найти баланс между этими ипостасями, при этом не важно, в какую сторону будет перевес, — называют себя счастливицами» (РГ, 28.11.2014);

3) **сохранение традиционных семейных ценностей — современная индустрия развлечений** (тенденция к гедонизму, разрушение духовных, социальных, физических основ существования семьи). Например: «Кто-то поддержал этих женщин, решившихся в открытую выступить против общественного мнения, навязывающего женщине материнство» (РГ, 28.11.2014); «Быть родителями — большой труд, быть работающими родителями — вдвойне. Конечно, хочешь проводить больше времени с семьей, но понимаешь, если ты не будешь работать с полной отдачей, то не сможешь обеспечить ребенку достойной жизни: хорошего образования, разнообразного отдыха, вкусной еды...» (РГ, 28.11.2014);

4) **сохранение психофизического здоровья женщины** (осмысление материнства как радости) — **психофизическая неготовность современных женщин к материнству**. Например: «Дочки... мамаш, легкомысленно глотавших в 90-е бесплатные гормоны, — наши пациентки уже с 14–15 лет. Вот эти зеленые дурехи — моя не перестающая боль. Задумайтесь, у них действительно так рано просыпается непреодолимая тяга к половой жизни... они боятся отстать от сверстников, быть в их глазах белыми воронами. В итоге «стрессовая беременность», возникающая вне зависимости от менструального цикла, и первый аборт» (РГ, 28.11.2013);

5) **осознание материнства как высокой ценности** (материнство как дар) — **безразличное/неосознанное отношение к материнству и деторождению и отношение к материнству и деторождению как виду услуг** (тенденция распространения услуг суррогатного материнства без медицинских показаний). Например: «...технология ЭКО, позволяющая отложить материнство на более поздний срок» (РГ, 16.04.2016); «Не стоит забывать, что дети растут, и физическое присутствие мамы им нужно все меньше и меньше, и большой вопрос, с чем останется женщина, когда ее дети вырастут» (РГ, 28.11.2014).

Приведенные антиномии позволяют проследить современные тенденции осмысления материнства и указывают на системность обнаруженных противоречий в представлении материнства СМИ.

Так, на уровне медиатекста были выявлены следующие противоречия: пафос речи о материнстве и одновременно демократизация и даже снижение стиля, использование неоднозначных заголовочных конструкций и т.д.; на уровне тематики СМИ — тематический разброс от историй о матерях-героинях, многодетных матерях до криминальных новостных сообщений о неблагополучных семьях, о кризисных ситуациях при нежелательной беременности и т.д.

В данной статье подробно рассматривается **антиномия «право женщины на самореализацию — долг женщины-матери»**.

Для современной русской культуры, так или иначе тяготеющей к традиционализму и консерватизму,

а значит, и для современного российского общества, материнство представляется главной ипостасью женщины. Однако современное социальное устройство не позволяет женщине всецело посвятить себя детям и семье.

В общественно-политических СМИ одной из тем представления материнства является тема выбора, стоящего перед современной женщиной, выбора между семьей, материнством, с одной стороны, и карьерой, бизнесом, высокой заработной платой — с другой.

Кардинально указанный выбор представляется как отказ от одного в пользу другого. При такой постановке вопроса в противоречие входит «традиционная установка» («материнство как долг женщины») и «нетрадиционная установка» (предпочтение женщиной карьерного роста, выбор в пользу самореализации в профессиональной сфере, что в перспективе традиционных русских ценностей является отступлением от нормы и осуждается).

СМИ освещают представление о материнстве как долге женщины в различных аспектах:

— материнство как долг женщины перед Богом, т.е. экзистенциальный долг (женщина была создана для продолжения человеческого рода);

— материнство как долг женщины перед страной и государством, т.е. общественный долг женщины;

— личный долг — самореализация женщины, в геноме которой заложено «быть матерью».

В медиадискурсе, как и в самом современном российском общественном устройстве, указанное противоречие — «традиционная установка» («материнство как долг женщины») и «нетрадиционная установка» (предпочтение женщиной карьерного роста) — сглаживается, так как оно объяснимо историческими и социальными закономерностями. Выбор женщины в данном случае иллюзорен — это не выбор в полной мере, но необходимость данного выбора, которую диктуют условия жизни.

Например, в медиатексте «Мама-карьеристка. Дети или работа — неправильный выбор?» (РГ, 02.10.2013) автор ставит своей целью охарактеризовать возможности и желание современных российских женщин совмещать карьеру с воспитанием детей. Представленные в статье мнения женщин по данному вопросу указывают на сложность такого совмещения, при этом проводится четкая дифференциация понятий «карьера» и «работа», когда карьера является практически недостижимой роскошью, а работа — необходимостью.

В центре внимания медиатекста, который построен на репликах и интервью женщин-матерей — вопрос о том, совместимы ли материнство и карьерный рост. Примечательно, что о выборе между карьерой и воспитанием ребенка фактически речи не идет, и большинство респонденток убеждены, что карьера и дети несовместимы: «Вариант (совмещения вос-

питания и карьеры. — Прим. автора) больше теоретический, потому что дети всегда остаются главной ответственностью женщины; утверждая, что «детям никто не заменит мать», россияне считают, что карьера и дети несовместимы; карьеру и детей совмещать можно, но где-то обязательно будут проколы».

В медиатекстах, которые мы относим к религиозному аспекту медиадискурса материнства, указанное базовое противоречие, антиномия «материнство как долг» — «выбор женщиной карьеры», находит резкое осуждение: *Протоиерей Николай Брындин признался, что к нему на исповедь порой приходят расстроенные женщины 35–40 лет. Когда он спрашивает, что явилось причиной их слез, они отвечают: «Батюшка, я плачу, потому что недавно узнала, что беременна. Это конец моей карьеры, а ведь я строила профессиональные планы, собиралась на отдых в Египет».* — *В мире становится все меньше и меньше любви, — продолжил Николай Брындин. — А самый страшный грех, пожалуй, это не любовь* (РГ, 25.11.2016).

Таким образом, отказ женщин от материнства в пользу материальных благ называется «нелюбовью» и рассматривается как «самый страшный грех».

Способы освещения данной проблематики в СМИ не ограничиваются базовым вопросом-антиномией «карьера или семья, материнство», но происходит осмысление и других кризисных вопросов:

— «*возраст материнства*» (создание семьи и деторождение как безусловный приоритет с раннего возраста женщины ИЛИ выбор женщины откладывать на более зрелый возраст создание семьи и рождение детей);

— «*гендерное равенство, независимость женщины от мужчины*» (полноценная семья и супружество как обязательная составляющая материнства ИЛИ возможность женщины самой вырастить и воспитать ребенка «для себя»);

— «*спрос на использование репродуктивных технологий*» (рождение ребенка как чудо и дар, которым надо дорожить и к которому надо стремиться ИЛИ возможности современных репродуктивных технологий, позволяющих планировать рождение детей в любом возрасте и в любой жизненной ситуации, в том числе при отсутствии супружества и семьи);

— «*материальный вопрос*» (дети как главная ценность ИЛИ боязнь материального неблагополучия после рождения детей, боязнь невозможности обеспечить семью и детей).

Приведем такой показательный фрагмент медиатекста: *Последнее достижение — уравнивание женщин в правах на труд. Карьера все дальше отодвигает детородный возраст. Тем не менее материнское начало не подавить. Дамы, имеющие успех, деньги и связи, стремятся реализоваться и на этом поприще. Да, первенец или же второй ребенок появляются на свет, когда возраст женщин стремится к 40 го-*

дам. Да, воспитывают детей наши селебрити зачастую сами, без поддержки биологического отца. Может, в нынешней ситуации — когда очевидны разрушение института семьи и сдвиг детородного возраста — женщине стоит рожать для себя?» (АиФ, 04.01.2017).

Данный фрагмент медиатекста прекрасно иллюстрирует описанные выше противоречия, возникающие в осмыслении материнства. Отмеченная антиномия «материнство — карьера» отчетливо выходит на первый план. Женщина не может и не хочет полностью отказаться от материнства в пользу карьеры («материнское начало не подавить»; «дамы стремятся реализоваться и на этом поприще (т.е. в материнстве. — Прим. автора)»), однако в то же время очерчиваются многие из перечисленных выше проблемных вопросов: возраст материнства увеличивается; в медиатексте напрямую описана ситуация неполной семьи; благодаря достижениям современной медицины ситуация «ребенок появляется на свет, когда возраст женщин стремится к 40 годам» становится нормой.

Приведем в качестве примера другие фрагменты медиатекста: *Мужчины на тот момент, как я вновь захотела стать матерью, не было, — делится Яна. — И откровенно замуж не хотела. Ребенок мне нужен был для себя»* (АиФ, 04.01.2017). Это фрагмент медиатекста, который жанрово представляет собой историю. Женщина, состоявшаяся в профессиональной деятельности, хочет стать матерью, однако все традиционные установки, связанные с материнством, нивелируются: сознательный отказ женщины от семьи, необходимой для полноценного воспитания ребенка, и подчеркнутая идея о том, что женщине «ребенок нужен для себя», что указывает на глубокий ценностный коллапс, происходящий в современном сознании.

Само словосочетание «ребенок нужен» оказывается важным маркером современного осмысления материнства. Ребенок, понятие которое традиционно рассматривается как дар и данность, а в лингвокультурном плане как «есть или нет» (например, существует русская пословица «С детьми горе, а без них вдвое» — где определена четкая ценностная иерархия), представляется в приведенном медиафрагменте как «нечто, что может быть нужно или нет», более того «нужно для себя».

Высказывания типа «ребенок нужен для себя» («рожать для себя», «родить ребенка для себя») являются одним из ярких лингвокультурных примеров отражения в медиадискурсе материнства тенденции к прослеживаемому в современном общественном сознании эгоистичному отношению к семье и материнству. Одиноким женщины или мужчины, которым «нужен ребенок для себя», благодаря современным репродуктивным технологиям получают возможность «создать семью», не задумываясь о главном —

о самом ребенке, который окажется вне семьи, традиционно состоящей из двух любящих его родителей.

В медиатекстах, описывающих ситуации такого рода, эгоизм осуждается, что можно увидеть на уровне риторики. Например, вернемся к ранее приведенному фрагменту: *Дамы, имеющие успех, деньги и связи, стремятся реализоваться и на этом поприще* (т.е. в материнстве. — Прим. автора). *Да, первенец или же второй ребенок появляются на свет, когда возраст женщин стремится к 40 годам. Да, воспитывают детей наши селебрити зачастую сами, без поддержки биологического отца.*

Само определение материнства как «одного из поприщ (книжн.)», которое оказывается в ряду с ценностно неоднозначными концептами (успех, деньги и связи), указывает на намеренный диссонанс, создаваемый в медиатексте. Кроме того, «женщина» называется «дамой» (устар., иногда шутл.) и «селебрити» (неол., жарг.) (т.е. используется стилистически окрашенная лексика). В то же время включение в медиатекст словосочетания «биологический отец»

имплицитно подчеркивает материалистичный характер осмысления материнства: материнство как биологический феномен.

Подводя итоги, следует отметить, что установленная авторами дискурсивная специфика освещения материнства в современных российских СМИ обусловлена функциями СМИ (информирование, воздействие, развлечение) и реализуется в следующих направлениях: 1) нравственно-духовная суть материнства; 2) материнство и здоровье; 3) материнство и самореализация женщины; 4) материнство и семья; 5) материнство и воспитание.

Анализ текстового материала позволил увидеть, что медиадискурс материнства обладает собственными лингвокультурными характеристиками, которые представлены в исследовании в виде антиномий. Рассмотрение проблематики материнства на примере одной из выявленных антиномий позволило увидеть сложную и противоречивую структуру осмысления материнства в медиадискурсе общественно-политических СМИ.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Богуславская В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

E-mail: boguslavskaya@gmail.com

Кувычко А. А., соискатель

E-mail: anna_kuvychko@bk.ru

Pushkin State Russian Language Institute

Boguslavskaya V. V., Doctor of Philology, Professor of the of Russian Arts and Intercultural Communication Department

E-mail: boguslavskaya@gmail.com

Kuvychko A. A., Candidate for a Degree

E-mail: anna_kuvychko@bk.ru

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ГАЗЕТА В ДИАЛОГЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ИНСТРУМЕНТ ИЛИ СУБЪЕКТ?

А. С. Гатилин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 15 апреля 2021 г.

Аннотация: *статья посвящена участию местных СМИ в решении социальных проблем, взаимодействию журналистов с гражданами и властью в вопросах развития местного сообщества.*

Ключевые слова: *гражданское общество, социально-организаторская функция СМИ, гражданская журналистика, социальный проект, местное сообщество.*

Abstract: *the article is devoted to local media participation in solving social problems, interaction with citizens and authorities in the development of the local community.*

Keywords: *civil society, public journalism, participatory journalism, local community, local media, social project, social activity.*

ВВЕДЕНИЕ

В январе 2021 г. более 100 руководителей и журналистов региональных и муниципальных СМИ России обратились к президенту России В. Путину с открытым письмом [1]. Поводом послужило внезапное увольнение муниципальными чиновниками города Батайска Ростовской области признанного и уважаемого в журналистском сообществе редактора газеты «Вперед» Е. Пивоваровой [2]. По мнению подписавших письмо журналистов, решение чиновников могло быть связано с недовольством сотрудников администрации города Батайска редакционной политикой газеты «Вперед».

Объясняя конфликт с местными чиновниками Е. Пивоварова в интервью «Комсомольской правде» [3] рассказала, что мэр Батайска Г. Павлятенко неоднократно требовал снять ту или иную публикацию, сопровождая свои указания словами: «За что вы так не любите город?!». В итоге журналистов газеты перестали пускать в здание администрации, а журналистские запросы игнорировали. Ранее Пивоварова рассказывала, что сотрудники администрации города Батайска заявляли ей, что она находится, по их мнению, не на той стороне баррикад, поднимая острые вопросы и призывая власть к решению проблем граждан.

В открытом письме журналисты информируют президента России о том, что «короткий поводок», на котором чиновники держат сотрудников СМИ, учрежденных региональными и муниципальными властями, заставляет выпускать материалы с постоянной оглядкой на мнение чиновников, что лишает возможности отстаивать интересы читателей, зрителей, слушателей. Особое беспокойство журналистов вызывают нормы Трудового кодекса, которые позво-

ляют без объяснения причин одним днем уволить неугодного местной власти редактора. «Мы пришли в журналистику, искренне веря, что можем внести вклад в развитие нашего общества, улучшение жизни наших сограждан, — говорится в открытом обращении журналистов к президенту страны. — Каждый день к нам обращаются люди с просьбой помочь решить их проблемы. Мы регулярно иницилируем акции, помогающие развивать местные сообщества. Но самоуправство некоторых чиновников «обрезает» нам крылья, лишает возможности быть полезными в становлении благополучной, устремленной в будущее России».

Взаимоотношения руководителей и журналистов муниципальных и региональных СМИ с местными чиновниками в последние годы становятся все более напряженными, что приводит к отставкам неговорчивых руководителей СМИ [4]. Какую модель взаимодействия с обществом выберут местные чиновники, какую роль будут отводить они местным СМИ — эти вопросы должны обсуждаться не только в коридорах власти, но и с участием журналистского и научного сообществ, представителей гражданского общества и бизнеса.

В настоящей статье мы рассмотрим трансформацию исследовательского интереса к участию медиа в общественной жизни, представим результаты (в части, касающейся взаимодействия журналистов, представителей органов власти и бизнеса) исследования социальных проектов местных СМИ, которое проводится на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством доктора филологических наук, профессора Т. И. Фроловой, и приведем мнения руководителей местных СМИ о взаимодействии журналистов, представителей власти, бизнеса и гражданского общества.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ

Дискуссии о роли СМИ в жизни общества ведутся не одно десятилетие. В первой половине XX в. исследовательские вопросы формулировались в значительной степени исходя из задач пропаганды (особенно в военные и предвыборные периоды) и интересов коммерческих организаций. Такие исследователи, как Г. Ласуэлл, У. Липпман и некоторые их коллеги и последователи, считали, что СМИ напрямую определяют поведение аудитории и рассматривали способы максимально эффективного воздействия на читателя, зрителя, слушателя [5, 6]. В свою очередь, Э. Кац, П. Лазерфельд, Й. Клаппер и некоторые другие ученые были уверены, что воздействие СМИ на аудиторию имеет ограниченные эффекты и способно укрепить уже имеющиеся у индивида убеждения, но не переубедить его, они утверждали, что большим влиянием на человека обладают люди, мнению которых он доверяет [7, 8].

Во второй половине XX в. появилась другая оптика рассмотрения коммуникационного процесса. Человек, воспринимающий информацию, обрел в глазах исследователей субъектность: из безропотного, безвольного реципиента превратился в полноценного и равноправного участника информационного обмена. И. Кирия, рассматривая теорию обретения пользы и удовлетворения, указывает на то, что Э. Кац стал одним из первых, кто обозначил исследовательский вопрос не через призму того, «что СМИ делают с людьми», а через призму того, что «люди делают с медиа» [9,10]. Многие специалисты пришли к выводу, что восприятие человеком информации зависит от социокультурного контекста. И. Кирия обращает внимание на Г. Гарфинкеля, который первым бросил вызов доминировавшей в 60-е и 70-е гг. структурной теории Т. Парсонса. В отличие от своего учителя, утверждавшего, что любое действие человека обусловлено существующими в обществе нормами и пространством действия, Гарфинкель настаивал на том, что люди постоянно интерпретируют правила и своими поступками создают новые правила [11]. Ученые Бирмингемской школы обратили внимание на повседневные практики и среду, в которой происходит получение и интерпретация информации. С. Холл предложил концепцию кодирования-декодирования и утверждал, что для правильного декодирования сообщения необходимо владеть системой кодов [12]. В конце XX в. журналисты совместно с теоретиками медиа совершили еще более радикальный шаг. Читатели, зрители, слушатели стали соучастниками производства СМИ информации: так появилась гражданская журналистика [13–15]. Знаменитый Шарлоттский проект и сотни других инициатив журналистов американских СМИ доказали возможность и целесообразность вовлечения читателей, зрителей, слушателей в обсуждение актуальных проблем развития местных сообществ.

Новые технологии XXI в. позволили любому человеку создавать и массово распространять информацию без участия традиционных СМИ — термин «гражданская журналистика» обрел новый смысл и стал подразумевать самостоятельное производство рядовыми гражданами журналистского контента [16]. Таким образом, по мнению Е. Вартановой, в начале XXI в. СМИ лишились монополии на информационную функцию [17]. Вертикаль и иерархичность, свойственные традиционным медиасистемам прошлого, сменились горизонтальными связями и практически неограниченными возможностями по производству и распространению информации.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Современные дискуссии о взаимодействии журналистов с аудиторией перекликаются с классическими исследованиями и публикациями советских ученых.

Социолог Б. Грушин и его коллеги в рамках знаменитого исследования «Общественное мнение», проводившегося в 1967–1974 гг. в Таганроге, Москве и Ростове-на-Дону, изучали не только возможности повышения эффективности идеологической работы, осуществляемой с помощью СМИ, но и рассматривали возможности расширения и совершенствования «механизмов участия трудящихся в управлении социальными процессами» [18]. Ученые сформировали модель потоков информации между институтами и обществом, выделили разные уровни власти (область, город, район), разные каналы коммуникации (СМИ, письма в СМИ, письма в органы власти, встречи с депутатами, публичные лекции). Особое внимание исследователи уделили мотивам и методам передачи информации гражданами органам власти, темам, которые волнуют жителей, а также сравнению тематики информационных сообщений, которые поступают от властных органов к населению и в обратном направлении. Ученые констатировали значительное несовпадение обоих рядов информации и пришли к выводу, что необходимо налаживать систематические исследования общественного мнения для изучения эффективности распространения информации.

Другой известный исследователь медиа профессор Л. Свитич по итогам масштабного проекта, направленного на изучение муниципальных газет Киргизии в период 1988–1989 гг., разработала модель эффективной районной газеты [19]. В ее представлении, это «общенародное демократическое издание, удовлетворяющее потребности и интересы различных групп населения освещающее и анализирующее самые острые проблемы перестройки политической, экономической, социальной и духовной сфер жизни района, помогающее их решению при помощи вовлечения в этот процесс общественного мнения, широких масс, делая их соучастниками революционных преобразований общества». Результаты проведенного ею анализа показали, что издания, которые активно

взаимодействуют с аудиторией (регулярно изучают общественное мнение, дают место высказываниям граждан на своих страницах) стали очень популярны у читателя (газета «Сельская новь» за год увеличила свой тираж вдвое). В то же время снизились тиражи у газет, которые придерживались командно-бюрократических подходов к своей аудитории и сами являлись, по сути дела, «информационной бюрократией».

Масштабные исследования, проведенные в советское время, показали значимость ориентации редакционной политики местных СМИ на интересы граждан, а не на чиновников. Тем не менее актуальность дискуссии о роли СМИ в жизни местного сообщества не ослабевает.

ОПИСАНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Трансформация практик медиапотребления и взаимодействия медиа и аудитории привела к значительным изменениям экономических и технологических моделей производства и распространения контента лидерами медиарынка. В не менее сложной (а порой и значительно более сложной) ситуации оказались местные СМИ, которые вынуждены самоопределяться и искать новые формы удержания и вовлечения аудитории в условиях, когда любой человек может узнать новости, посмотрев федеральные каналы, прочитав местные паблики в соцсетях и телеграм-каналы, а за возможность развлечь зрителя борются крупнейшие медиахолдинги, производители игровых приставок и приложений. Небольшие региональные и муниципальные редакции не способны соревноваться с гигантами медиаиндустрии, которые пришли в каждый дом, местные СМИ ищут собственную уникальность и привлекательность.

Одним из вариантов ответа на тревожные тенденции развития российской медиасистемы стала концепция «СМИ — центр общественной жизни» [20], которая в той или иной форме, осознанно или стихийно внедряется многими муниципальными редакциями. Одной из первых указанную концепцию стала разрабатывать и внедрять главный редактор газеты «Змеиногорский вестник» Л. Кейбол. В начале 2000-х гг. она поставила перед коллективом газеты задачу стать центром общественной жизни. За прошедшие годы журналистам небольшой районной газеты удалось активизировать жизнь местного сообщества, инициировать значительные изменения среды обитания и качества жизни земляков. Руководители СМИ в разных регионах России активно «идут в народ»: прислушиваются к запросам своих читателей, помогают им решать возникшие проблемы, совместно с местными жителями анализируют актуальные для всего локального сообщества проблемы, инициируют диалог граждан и представителей власти, бизнеса. «Что толку с вашей писанины, если проблемы не решаются», — неоднократно слышала упреки от читателей экс-главред муни-

ципальной газеты «Вперед» (Ростовская область) Е. Пивоварова [21].

Опыт проведения с 2014 г. Всероссийского конкурса для журналистов «Семья и будущее России» показывает, что с каждым годом в конкурсных заявках становится все больше материалов, описывающих социальные инициативы СМИ, направленные на помощь нуждающимся или на развитие местного сообщества и совершенствование взаимодействия внутри малых групп. Журналисты инициируют сбор средств на операции, помогают объединить жителей и установить детские площадки или очистить берег реки от мусора. Некоторые СМИ запускают семейные челленджи и флешмобы, проводят конкурсы и фестивали. В 2020 г. в связи с увеличивающимся количеством описаний подобных инициатив было принято решение учредить специальную конкурсную номинацию «Социальные проекты». В оргкомитет поступило чуть менее 80 заявок. В рамках финальных мероприятий конкурса был проведен круглый стол, посвященный реализации СМИ социальных проектов. Дискуссия продемонстрировала востребованность обмена опытом между журналистами из разных регионов, также была отмечена целесообразность изучения лучших практик с целью разработки рекомендаций по совершенствованию реализации журналистских социальных инициатив.

Несмотря на то, что в XXI в. российскими исследователями были предложены концепции партиципаторной журналистики [22], журналистики соучастия [23], социальной журналистики [24], а в США и странах ЕС активно развивались и в той или иной форме продолжают развиваться такие журналистские движения, как гражданская журналистика [25], коллаборативная журналистика [26], журналистика решений [27], журналистика сообществ [28] и другие направления партиципаторной журналистики, широко распространяющаяся практика прямого участия журналистов региональных и муниципальных СМИ в решении социальных проблем недостаточно изучена. Исследование, проводимое на кафедре периодической печати факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством профессора Т. И. Фроловой, нацелено на определение структурно-функциональных характеристик реализуемых СМИ социальных проектов, изучение тематического и ролевого разнообразия журналистских инициатив.

МЕТОДОЛОГИЯ

Мы рассматриваем социальные проекты СМИ как многокомпонентную деятельность журналистов, направленную на решение социальных проблем местного сообщества посредством его непосредственного вовлечения и выходящую за пределы традиционно понимаемых авторских функций.

Эмпирическую базу исследования составили описания социальных проектов региональных и муни-

ципальных СМИ, представленные их инициаторами на корпоративных мероприятиях: форум Союза журналистов России «Вся Россия» (24.09.2019); конкурс социальной журналистики «Семья и будущее России — 2020», онлайн-конференция «МедиаАктив-2020» (11.12.2020). В общей сложности в исследовании использованы описания 126 проектов 65 муниципальных СМИ из 36 регионов России. Представлены все 8 федеральных округов Российской Федерации.

Социальный проект в его целостности рассматривается в качестве единицы анализа. Репрезентативность результатов исследования может быть обусловлена следующими факторами: соавтор исследования организовывал конкурсы и дискуссии по теме, провел ряд интервью с редакторами, осуществившими свои социальные проекты, организовывал межрегиональные социальные проекты. Количество рассмотренных проектов и представительство регионов свидетельствует о достаточной репрезентативности.

Основной метод исследования — контент-анализ (количественный и качественный) структурированных описаний (паспортов) проектов. Изучались тематика, субъектно-объектные связи, виды активности журналистов и аудитории, способы вовлечения аудитории и каналы коммуникаций, профессиональные установки журналистов. В ходе подготовки к проведению указанного исследования был осуществлен опрос 39 руководителей и журналистов местных СМИ по вопросам взаимодействия с органами власти, некоммерческими организациями и бизнесом, что позволило сформировать базовые представления о мотивах и формах реализации социальных проектов СМИ. В настоящей статье будут приведены наиболее интересные ответы респондентов о роли местных СМИ в жизни местного сообщества в контексте диалога представителей органов власти и граждан.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Во всех изученных нами социальных проектах СМИ выступали как основные инициаторы и организаторы, выполняя как информационную, так и социально-организаторскую, и социально-креативную функции. В ходе решения социальных проблем журналисты активно вовлекали в свои инициативы граждан, руководителей и сотрудников исполнительных и законодательных органов власти, представителей общественности и бизнеса.

Результаты проведенного опроса руководителей и журналистов местных СМИ показывают, что читатели обращаются в редакции газет не от хорошей жизни. Отвечая на вопросы нашей анкеты, журналист газеты «Уренские вести» (Нижегородская область) Т. Журавлева напоминает, что журналисты районки знают в лицо многих подписчиков. Люди приходят в реакцию за помощью чаще всего не для себя, а для человека, оказавшегося в безвыходной ситуации, — журналисты не в силах им отказать.

Часто граждане видят в журналистах последнюю надежду на справедливое решение проблем и помощь. О. Фомич, главный редактор газеты «Прихоперь» (Воронежская область), уверена, что люди идут в редакцию, если проблема по каким-то причинам долго не решается властью: по словам Ольги Фомич, после того, как газета стала активно помогать землякам, читатели стали доверять журналистам, увидели в них помощников и друзей.

Соглашаясь с мнением, что простому человеку некуда идти, если журналисты «не впрягутся», главный редактор газеты «Равенство» (Оренбургская область) Л. Суркова считает, что представители власти на местах чаще отмахиваются от посетителей, а СМИ могут достучаться и привлечь внимание общественности к помощи землякам, а чиновников побудить к решению проблем.

Результаты исследования 126 социальных проектов местных СМИ показали, что изученные журналистские инициативы были связаны с решением проблем нищеты и бедности (23%), слабых внутрисемейных связей (11%), утраты исторической преемственности (10%), социального сиротства (8%), труднодоступности высококвалифицированной медицинской помощи (6%), плохих жилищных условий (6%), плохих дорог (6%), разобщенности граждан (5%), отсутствия необходимой социальной инфраструктуры (4%), отсутствия перспектив у молодежи (3%), нарушения прав человека (3%), изолированности людей с инвалидностью (3%).

Мы объединили рассмотренные проекты в две группы: социальной защиты и социального развития. В первую группу мы включили проекты, направленные на развитие всего местного сообщества и решение проблем, затрагивающих большое количество граждан, а также проекты, призванные укрепить взаимодействие и взаимопонимание внутри малых групп. Вторая группа включает проекты, связанные с экстренной помощью нуждающимся, решением проблем отдельных граждан и малых групп. Мы обнаружили, что функция социальной защиты количественно преобладает (54%) над функцией социального развития (46%) в рассматриваемых социальных проектах местных СМИ. Вместе с тем подтверждается прогноз Татьяны Фроловой, сформулированный в 2014 г., о том, что со временем журналисты будут больше внимания уделять вопросам развития территорий и сообществ, а не только выполнять функции скорой помощи в решении проблем отдельных граждан.

Результаты исследования также показали, что рассчитывать на помощь в решении своих проблем граждане могут в первую очередь от журналистов и своих же земляков, которые понимают, что сами могут оказаться в сложной ситуации и с сочувствием относятся к чужим бедам. Приступая к анализу 126 социальных проектов местных СМИ мы предполагали, что основную роль в решении повседневных проблем

граждан, а тем более в развитии местного сообщества, могут и должны играть представители власти и бизнеса. Однако, несмотря на имеющиеся у чиновников и бизнесменов ресурсы, в 75% рассмотренных проектов журналисты опирались в своих проектных активностях на граждан, лишь в 23% основная помощь приходила от чиновников. Помимо объективного отсутствия возможностей у муниципальных властей решать все насущные проблемы граждан, полученные результаты свидетельствуют о возрастающей роли горизонтальных связей при решении актуальных вопросов. Отрадно, что инициаторами общественных изменений в рассмотренных ситуациях становились именно журналисты, которым удавалось объединить граждан и добиться желаемого результата.

В другой категории анализа мы рассматривали и определяли относительно новые роли, которые в силу обстоятельств, принимает на себя журналист, решая социальные проблемы местных сообществ и помогая нуждающимся гражданам: роли медиатора, модератора, организатора.

Мы основывались на утверждении Ирины Фомичевой о необходимости по-новому посмотреть на отношения главных субъектов коммуникации — журналиста и аудитории. По мнению известного исследователя, должно измениться представление о спектре ролей журналиста, который не может оставаться лишь проповедником, просветителем, исследователем, репортером, аналитиком. Ирина Фомичева утверждает, что необходимо рассматривать роли организатора, медиатора, модератора и обучать журналистов выполнению этих ролей.

В нашем понимании медиатор помогает сторонам услышать друг друга и прийти к компромиссу. Модератор указывает на проблему и, по сути, принуждает ответственных чиновников или представителей бизнеса к ее решению. Организатор же объединяет неравнодушных людей, которые хотят внести свой посильный материальный и нематериальный вклад в решение проблемы и (или) развитие местного сообщества.

Результаты исследования показали, что обеспечить диалог конфликтующих сторон друг с другом, а также граждан с властью оказывается крайне непросто. Всего в 2% рассмотренных инициатив журналисты выступали в роли медиатора. В 40% социальных проектов сотрудники СМИ выступали в роли модераторов, а в 58% — в роли организаторов. Как видим, журналистам приходится чаще брать инициативу на себя, запуская общественные изменения. Можно предположить, что необходимость прямого участия в решении проблем связана со снижением эффективности журналистских материалов, которые в меньшей степени, чем раньше, способствуют изменению проблемных ситуаций и решению проблем граждан и местных сообществ.

Несмотря на то, что власти не обладают всеобъемлющими ресурсами и часто отмахиваются не только от обращающихся к ним граждан, но и от жур-

налистов, затягивая с ответом на журналистские запросы или присылая откровенные отписки, необходимо налаживать диалог с чиновниками и, при необходимости, принуждать их к исполнению своих обязанностей. В нашей анкете был вопрос, связанный с оценкой целесообразности отстаивания журналистами интересов граждан вплоть до открытого конфликта с чиновниками. Л. Суркова, главный редактор газеты «Равенство» (Оренбургская область), утверждает, что все способы хороши для достижения необходимого результата. Однако, по ее мнению, открыто конфликтовать власть долго не даст. «Управу найдут, вплоть до угроз, шантажа, увольнения или даже закрытия СМИ». Любви Сурковой пришлось на себе испытать давление властей вплоть до сфабрикованных уголовных дел в отношении ее детей. По словам журналистки, в 1990-е гг. ей помог Союз журналистов России и другие влиятельные силы. Сейчас же, по оценкам Сурковой, трудно рассчитывать на эффективность защиты. «Власть не хочет слушать никого», — с сожалением отмечает Л. Суркова, которая была вынуждена в 2018 г. покинуть пост главного редактора областной газеты «Оренбуржье».

О необходимости сохранения равновесия рассуждает О. Фомич, главный редактор газеты «Прихоперьё». По ее мнению, журналистам нужно не потерять лицо и одновременно получить поддержку и помощь власти. Как она признается, это удастся не всегда. Отстаивая интересы жителей района, журналистам приходится затрагивать темы, которые власти не хотели бы широко освещать. И тогда приходится делать выбор: либо отказаться от материала и потерять доверие читателей, либо печатать и идти на конфликт с соучредителями. «Работать так было невыносимо», — отмечает О. Фомич и приводит пример из собственной практики. Журналисты решили искать компромисс: провели встречу с главами района и города, договорились, что газета не площадка для выяснения отношений и демонстрации амбиций. Однако первый же материал после встречи об опасных участках дорог на территории района вызвал негодование главы городской администрации. Он не хотел давать никаких комментариев. Газета не могла отказаться от этого материала, потому что при его подготовке использовались высказывания подписчиков в соцсетях. Люди, обсуждая эту тему, утверждали, что редакция не пойдет против власти и печатать материал не будет. В результате упорных переговоров с городской властью статья была опубликована на первой полосе газеты с комментариями прокурора и даже отказывавшегося ранее от ответов главы администрации.

Проведенный анализ 126 социальных проектов местных СМИ, результаты опроса руководителей и журналистов региональных и муниципальных СМИ позволяют сделать вывод о том, что очень многое в отношениях между руководителями местных администраций и журналистами зависит от их личных качеств. Так же,

как и взаимодействие журналистов и граждан, зависит от личных качеств и навыков сотрудников СМИ. Не существует и, вероятно, не может существовать единого для всей страны представления о роли СМИ в диалоге власти и граждан. Однако вести дискуссию, обсуждать разные подходы и примеры необходимо.

ДИСКУССИЯ

Администрация президента РФ переслала в Минцифры открытое письмо руководителей и журналистов местных СМИ президенту России Владимиру Путину о недопустимости цензуры со стороны органов власти, являющихся учредителями региональных и муниципальных СМИ. В ответе, подготовленном сотрудниками Минцифры совместно с Минтрудом, подтверждалось, что пунктом 2 статьи 278 Трудового кодекса установлена возможность прекращения трудового договора с руководителем организации в связи с принятием уполномоченным органом соответствующего решения. Заместитель директора Департамента государственной политики в области средств массовой информации Минцифры Е. Часовская объясняет необходимость подобного пункта тем, что иногда возникают обстоятельства, которые «для реализации и защиты прав и законных интересов собственника вызывают необходимость прекращения трудового договора с руководителем организации, но не подпадают под конкретные основания расторжения трудового договора по инициативе работодателя, предусмотренные действующим законодательством». Одним словом, по логике законодателей, всех причин для увольнения предусмотреть нельзя, поэтому проще дать возможность собственнику увольнять без объяснения причин. Однако бизнес-подходы к деятельности СМИ могут приводить к злоупотреблениям полномочиями чиновниками, недовольными освещением журналистами тех или иных вопросов.

В условиях резкого снижения доходов от рекламы, подписки, государственных субсидий и контрактов возможным способом выживания и развития местных печатных СМИ является ориентация на запросы, чаяния, нужды, беды аудитории. Стремление некоторых чиновников в худших традициях советской прессы превратить газеты в орган агитации и пропаганды в долгосрочной перспективе приведет к полной утрате интереса аудитории к официозному СМИ, тираж которого будет с трудом удерживаться за счет административного ресурса и добровольно-принудительной подписки сотрудников муниципальных учреждений и близких к власти предприятий. Объективную информацию граждане будут получать из альтернативных источников, обмениваться мнениями будут на неподконтрольных чиновникам площадках, что приведет к еще большей социальной апатии, нежеланию участвовать в общественных преобразованиях, что, в свою очередь, увеличит градус социальной напряженности и недоверия властям. Стремление некоторых недалёковидных

чиновников не допустить негативных упоминаний в СМИ о подотчетных территориях в мониторингах, которые ложатся на стол вышестоящим начальникам, лишает журналистов возможности модерации диалога между властью и обществом, ограничивает гражданскую активность журналистов и лишает граждан возможности обратиться за помощью и поддержкой в местные редакции. Наше общество уже как минимум дважды проходило через иллюзию всеобщего воодушевления, всенародной любви и массовой поддержки властителей. Результат неизменен. Как образно описывал события 1917 г. философ В. Розанов, «Русь слиняла в два дня, самое большое — в три».

Слова президента России Владимира Путина о том, что без СМИ построить демократическое общество невозможно, остаются пока благими пожеланиями, зачастую сильно контрастирующими с преобладающими управленческими практиками.

Завершая свое обращение к президенту страны, журналисты пишут: «Мы убеждены, что оценки, которые прозвучали в Вашем выступлении (*о недопустимости увольнения главных редакторов сотрудниками комитетов по имуществу*. — А. Г.), дадут верные ориентиры представителям законодательной и исполнительной органов власти. Вместе мы преодолеем все невзгоды и продолжим созидать Россию, в которой будут счастливо жить наши дети и внуки!»

ВЫВОДЫ

Результаты анализа 126 социальных проектов региональных и муниципальных СМИ показали, как много равнодушных журналистов продолжает трудиться в местных редакциях, стремясь быть полезными своим землякам. Дискуссии на круглых столах, ответы журналистов на вопросы анкеты показали востребованность обмена опытом реализации социальных инициатив, а события последних месяцев с внезапным увольнением Елены Пивоваровой и реакцией на это увольнение ее коллег из разных регионов демонстрируют острую необходимость в дискуссии на федеральном уровне о роли СМИ в жизни местных сообществ, в диалоге власти и граждан. Необходим анализ и коррекция правовых норм, допускающих волонтаризм и злоупотребления чиновниками своей властью в отношении неугодных им журналистов. Требуется разработка механизмов общественного контроля за взаимодействием местных чиновников и журналистов локальных СМИ.

Сложно переоценить роль исследователей в совершенствовании практик общественного диалога, развития местных сообществ. Анализ функционирования местных СМИ в контексте развития институтов гражданского диалога, вовлечения граждан в решение социальных проблем должен продолжаться. Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, будет проводиться и далее на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоно-

сова. Вместе с тем глубокий и всесторонний анализ функционирования местных СМИ невозможен без участия специалистов из разных регионов России — целесообразно развивать кооперацию и взаимодействие, которые позволят разработать эффективные механизмы реализации социальных проектов СМИ и рекомендации государственным органам власти по поддержке подобных инициатив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Открытое письмо президенту России. — Режим доступа: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSeqNiNiWMQ7_e6ZP9nH_f3RtTDuQfTN8JCo7yvjkhfEnuTQKw/viewform?usp=sf_link (дата обращения: 10.04.2021).
2. Ионова Л. Маленькие люди / Л. Ионова // Российская газета. — 2020. — 19 ноября. — Режим доступа: <https://rg.ru/2020/11/19/reg-ufo/kto-i-za-cto-uvolil-redaktora-batajskoj-municipalnoj-gazety.html> (дата обращения: 08.04.2021).
3. Острая Е. Почему редактора Пивоварову лишают профессии и грозят улеп в тюрьму / Е. Острая // Комсомольская правда. — 2021. — 31 марта. — Режим доступа: <https://www.kuban.kp.ru/daily/27259/4390670/> (дата обращения: 10.04.2021).
4. Ворсобин В. Чиновники подавились редакторшей Острой / В. Ворсобин // Комсомольская правда. — 2020. — 12 марта. — Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27103.4/4176757/> (дата обращения: 05.04.2021).
5. Ласуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Ласуэлл; пер. с англ. В. Г. Николаева — М.: ИНИОН РАН, 2021. — 237 с.
6. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман; пер. с англ. Т. В. Барчуновой. — М.: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2004. — 382 с.
7. Katz E. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications / E. Katz., P. Lazarsfeld. — New York, 1955.
8. Klapper J. The Effects of Mass Communication / J. Klapper. — Glencoe, 1960.
9. Кирия И. В. История и теория медиа / И. В. Кирия, А. А. Новикова. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 423 с.
10. Blumler J. The Uses of Mass Communications: Current Perspectives on Gratifications Research / J. Blumler, E. Katz. — Beverly Hills, 1974.
11. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель — СПб.: Питер, 2007. — 335 с.
12. Hall S. Encoding and Decoding in the Television Discourse / S. Hall. — Birmingham, 1973.
13. Haas T. The pursuit of public journalism / T. Haas. — New York, 2012.
14. Glasser T. L. (ed.). The idea of public journalism / T. L. Glasser — New York, 1999.
15. Glasser T. L. Public Journalism Movement. In The International Encyclopedia of Political Communication / T. L. Glasser. — 2016 (Ed.). <https://doi.org/10.1002/9781118541555.wbiepc203> (дата обращения: 02.04.2021).
16. Хлебникова Н. В. Гражданская журналистика: к истории становления термина / Н. В. Хлебникова // Медиаскоп. — 2011 — Вып. 3. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/896> (дата обращения: 07.04.2021).
17. Варганова Е. Л. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ / Е. Л. Варганова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. — 2012. — № 1. — С. 7–26.
18. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. Ониква. — М.: Политиздат, 1980. — 446 с.
19. Свитич Л. Г. Журналисты и аудитория. Из социологического архива. Часть 2. 1988–2015 гг. / Л. Г. Свитич. — М., 2018.
20. Гагилин А. С. «Дурной» пример заразителен. Редактор газеты в Змеиногорске научила жителей проводить расследования и отстаивать свои права / А. С. Гагилин // Такие дела — 2020. — 3 июля. — Режим доступа: <https://takiedela.ru/news/2020/07/03/lyudmila-keybol/> (дата обращения: 08.04.2021).
21. Гагилин А. С. Чтобы выжить, нужно быть полезным / А. С. Гагилин // Такие дела — 2020. — 22 сент. — Режим доступа: <https://takiedela.ru/2020/09/chtoby-vyzhit-nuzhno-byt-poleznym/> (дата обращения: 10.04.2021).
22. Фомичева И. Д. СМИ как партиципарные коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук / И. Д. Фомичева. — М., 2002.
23. Дзялошинский И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям / И. М. Дзялошинский. — М.: Престиж, 2006. — 102 с.
24. Фролова Т. И. Гуманитарная повестка российских СМИ. Журналистика, человек, общество / Т. И. Фролова. — М.: Медиамир, 2014. — 352 с.
25. Миллер Э. Д. Шарлотский проект. Как помочь гражданам взять демократию в свои руки / Э. Д. Миллер. — М.: Нац. ин-т прессы: ВИОЛАНТА, 1998. — 62 с.
26. What is Collaborative Journalism? — Режим доступа: <https://collaborativejournalism.org/what-is-collaborative-journalism/> (дата обращения: 03.03.2021).
27. Who we are. Solutions journalism. — Режим доступа: <https://www.solutionsjournalism.org/who-we-are/mission> (дата обращения: 10.04.2021).
28. Wenzel A. Community-Centered Journalism. Engaging People, Exploring Solutions, and Building Trust / A. Wenzel. — University of Illinois Press, 2020.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Гагилин А. С., соискатель кафедры периодической печати
E-mail: gatilin@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Gatilin A. S., Applicant of the Periodical Press Department
E-mail: gatilin@mail.ru

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА¹

А. Л. Дмитриевский

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Поступила в редакцию 5 ноября 2020 г.

Аннотация: в статье изложены итоги длительного исследования методологического поля науки о журналистике и представлено описание полученной в результате «матрицы методов медиаисследования» (системы методов исследования журналистики). Объектом проведенного исследования выступила методология научного поиска, а предметом исследования стала совокупность методов исследования журналистики как целостная (континуальная) система. В качестве методологической базы применялись системный, триалектический, понятийно-категориальный подходы в рамках обусловившей их выбор философско-антропологической парадигмы.

Ключевые слова: экзистенциальная теория журналистики, философско-антропологический подход, матрица методов медиаисследования, система методов исследования журналистики, информационно-полевая парадигма, категориальный метод, теория журналистики, публицистика, методология научного исследования, медиа.

Abstract: in this article, the author presents his own matrix of media research methods (system of methods for the study of journalism), which is the results of comprehensive research in the field of «research methods of journalism». The object of the research was the methodology of scientific research, and the subject of the research was a set of methods of journalism research as an integral (continual) system. As a methodological base, a systematic, trialectic, conceptual and categorical approaches were used within the framework of their philosophical and anthropological paradigm.

Keywords: existential theory of journalism, philosophical and anthropological approach, matrix of media research methods, system of journalism research methods, information and field paradigm, categorical method, theory of journalism, publicism, methodology of scientific research, media.

В результате более чем десятилетнего изучения «литературы вопроса» (первое издание учебно-методологического пособия «Исследование в журналистике» разработано в 2010 г. [1], последнее, «Методика медиаисследования» (3-е изд.), — в 2018 г. в Орле [2]; концепция ЭТЖ была опубликована в журнале «Знак: проблемное поле медиаобразования» в 2012–2013 гг. [3; 4] гг. и журнале «Челябинский гуманитарий» в 2015 г. в Челябинске [5]), оказалось возможным выделить шесть достаточно самостоятельных уровней иерархии общеметодологической матрицы. Самым простым стало обоснование первых трех — традиционных для науки о журналистике позиций: уровней прикладных и эмпирических исследований, а также частно-теоретического уровня. Они традиционно выделяются социологией журналистики, и требовалось всего лишь их оттенить, подчеркнуть, акцентировать.

1. УРОВЕНЬ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как и любая другая профессиональная деятельность, наука использует для достижения заплани-

рованных целей специальные технологии, приемы и методы. Суть научного исследования заключается в том, чтобы постепенно («методично») углубляться в сущность предмета, применяя наиболее подходящие для этого способы. Сущность предмета — это определяющая его система закономерностей, устойчивых свойств и отношений (как внутренних, так и внешних), которая подлежит пониманию и описанию в итоговом тексте исследования (реферате, статье, разделе, монографии и т.д.).

Уровень прикладных исследований (первый этап столкновения исследователя с эмпирией, непосредственным миром «предметов познания») предполагает формирование устойчивой познавательной интенции, поскольку «ученый сталкивается с внешним обликом и эмпирическими проявлениями — «ВИДИМОСТЬЮ» явления, которым он занимается. Так называемый «здравый смысл», обыденное рассудочное суждение, давая в простых случаях порой верные, хотя и поверхностные решения, при стремлении углубиться в сущность чаще всего дает «сбой» [6, 59]. Именно поэтому в науке огромное внимание уделяется разработке технологий и алгоритмов, в том числе доисследовательского этапа познавательной деятельности, формирующих у будущего

¹ Окончание. Начало в № 1 (2021 г.).

ученого, к примеру, компетенцию «способность к самостоятельной разработке концепции научного исследования».

Впрочем, до того момента, когда из массива избыточной, с нечеткими контурами информации об интересующей субъекта области будет выделен онтологический факт, относительно которого позже будут определены проблема, гипотеза, объект, предмет, цель и методология научной работы, исследователь «сталкивается с «житейским», непосредственно-эмпирическим проявлением сущности. Это — *эмпирическая конкретность*, чувственно-конкретное, дающее исследователю представление о реально-жизненных формах изучаемого предмета, «наборе» внешне очевидных черт, свойств, качеств, полученных из самых разных источников. В них сущность «затемнена» различными ее деформациями, случайными чертами, «дурным знанием наследием», «забеганием вперед», «иллюзиями» действующих сил и т.д.» [6, 60].

Выражаясь более сложным научным языком, на прикладном уровне происходит первичная систематизация знаний, то есть перевод чувственно-конкретных наблюдений в опытное (репрезентативное) звено теоретических построений — научные факты: эмпирическую реальность, отображенную информационными средствами (текстами, формулами, фотографиями, видеопленками и т.п.). По классификации А. А. Тертычного, это уровень «эмпирического познания в журналистике» [7].

Соответственно, основной инструментарий здесь — определяемые конкретными методиками и процедурами приемы, средства и способы исследовательской деятельности: наблюдение, описание, сравнение, измерение, эксперимент, глубокое (и обычное — в журналистике) интервью, беседа, опрос, работа с документами — в особенности изучение «литературы вопроса». Эту группу методов можно обозначить как качественные, поскольку их суть — «в изучении *индивидуальных объектов* из всех трех областей получения эмпирических данных [*личное наблюдение; опрос участников; анализ документов* — А. Д.], в ходе которого происходит *феноменологический* (греч. *phainomenon* — особое и необычное явление) анализ этих конкретных «социальных объектов». <...> Феноменологический анализ — это своего рода case study, исследование случая, отдельного явления, состояния, поступка, мотива. Характерность явления и, соответственно, мера научной значимости проявится позднее, в ходе исследования» [6, 107].

Кроме того, к данному же уровню, как правило, относятся методы, конструируемые для конкретного исследования или эксперимента, обусловленные их уникальностью (постановка «мысленного опыта на себе» в эссеистике), либо единичностью («ситуативностью»: например, «метод смены профессии», «метод маски» и другие профессиональные журналистские приемы поиска и сбора данных; в какой-то

степени — социальные эксперименты-провокации: розыгрыши, пранки).

Обобщая, можно сказать, что методика исследования на данном уровне носит выраженный «организационный» (и в какой-то мере шаблонный) характер и жестко определяет то, где, какие и в каком порядке конкретные приемы и средства применять.

2. УРОВЕНЬ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(«дискурсивной эвристики» по классификации Е. П. Прохорова; «теоретического познания в журналистике» по А. А. Тертычному) представляет собой более масштабный план охвата действительности. В данном случае речь идет о предварительной разработке плана и программы *количественного* исследования (например, социального, либо психологического эксперимента, опроса), обусловленных конкретным методом из арсенала избранной теории. Своеобразие данной методологии — в изучении более или менее значимой совокупности явлений, результатом чего становится количественная характеристика, которая далее конкретизируется и детализируется в системе категорий (греч. *kategoria* — признак) исследования.

Иными словами, если прикладные исследования направлены, скорее, на реализацию уже имеющихся знаний, решение проблем (содержат в себе сильный управленческий и нормативный компоненты), то эмпирические (ориентируясь так же на практическую деятельность) отчасти реализуют поисковую, эвристическую функцию: направлены на получение нового знания через описание актуальных или выявление скрытых проблем. Их суть — применение к практике уже имеющегося научного знания и хорошо разработанного инструментария. Такие исследования, как правило, хорошо алгоритмизированы и технологичны («социологичны»). Их явный плюс в том, что предмет берется непосредственно — в условиях его естественного бытования. Минусы — в том, что исследователю доступны не все аспекты бытия предмета, зачастую теряется беспристрастность и объективность, часты ошибки в интерпретации результатов и другие aberrации (искажения: например, некорректно сформулированный в социальном исследовании вопрос может дать «на выходе» совершенно неадекватные реалиям результаты).

Кроме эвристических и категориальных практик, в эмпирических исследованиях широкое применение находят дискурсивные и формально-логические средства и инструкции. Кроме того, одним из важных компонентов на уровне эмпирического познания выступает интуиция (дополняемая, по мере необходимости, воображением и фантазией). Эвристическая интуиция, или «криптогноз» (греч. *kriptos* — тайное, скрытое + *gnosis* — знание), представляет собой «результат перевода подготовленной на рациональном этапе работы мысли в сферу бессознательного, подсознательного, когда исследователь осознает затруд-

нения и неудовлетворенность, попадает в ситуацию скептического «самонедовольства» и как будто «бросает» думать над проблемой. Однако сохраняющийся «фон» рационального и эмоционального напряжения мысли стимулирует работу подсознания» [6, 71].

Обобщая, можно сказать, что основной «механизм психо-логики» эмпирического исследования — в автоматическом и постоянном взаимодействии (взаимопроникновении) в сознании ученого дискурсивных и интуитивных средств осмысления конкретных фактов действительности: понятийно-логических (методико-процедурных), с одной стороны, и образно-метафорических (философских, творческих), с другой. Если выразиться более привычным формальным языком, то речь идет о спиральной триаде «анализ — абстрагирование — синтез» («процедура — размышление — инсайт (открытие)»).

Основные методы эмпирического исследования — общетеоретические: анализ-синтез, индукция-дедукция, абстрагирование-обобщение, аналогия-моделирование, история предмета-классификация. Из детально разработанных наиболее часто используются такие, как понятийно-категориальный метод, метод контент-анализа, метод схем (графопостроения), классификация, формально-описательный и многие другие. Суть же их сводится к составлению такой категориальной динамической модели предмета, которая бы выражала его активное качество, указывала на сущность и обладала эвристическим потенциалом для дальнейших — более масштабных — интерпретаций.

3. ЧАСТНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

По факту — «потолок» медиаисследований. Почему?

Задача эмпирических исследований применить к обнаруженной проблеме конкретный, хорошо разработанный метод и решить ее, получив в результате новое, единичное знание. Эти «единичные», полученные на практике прикладные и эмпирические результаты используются далее частными дисциплинарными теориями конкретных наук. Например, если речь вести о социометрии журналистики, то это будут политология и филология, указанные в паспорте специальности, так сказать, как «курирующие» ее, а далее — социология, психология, философия, история, менеджмент и реклама («экономика»), аксиология и культурология, педагогика, этика и множество других. Действительно, работа исследователя журналистики — движение по очень сложной «траектории»: «В общем виде это движение от явления к сущности, от эмпирических данных к концепции» [6, 102].

Концепция (от лат. *conceptio* — схватывание, понимание) представляет собой «взгляд на ту или иную проблему, включающий в себя ее четкую формулировку, понимание и объяснение» [8, 410] (ср.: «системное представление о сущности предмета изуче-

ния, объединенное единым замыслом и, желательно, дающее полную его характеристику» [6, 158]). Если прикладной уровень методологии требует от исследователя владения шаблонными навыками применения методологических приемов и процедур (выпускнику-бакалавру достаточно владеть способами описания и решения прикладных проблем), эмпирический — знаний в той или иной научной области и владения конкретным методом (магистру достаточно умения применять к проблемной ситуации научный инструментарий и найти новые варианты ее решения), то на уровне частно-теоретическом от исследователя ожидается способность к самостоятельным теоретическим поискам и построениям, синтезу знаний (системности), креативности. Фактически аспирант должен совершить «малое» научное открытие, внести весомый вклад в научно-теоретическое или практическое развитие той или иной отрасли.

С точки зрения общенаучной методологии — создать (разработать) теорию.

И здесь обнаруживается первый подводный камень: заметная направленность медиаисследований на практику, прикладные профессиональные проблемы (что можно обозначить как «позитивистский ригоризм»), в «лучшем» же случае — на непосредственную журналистскую деятельность (своего рода «деятельностный априоризм»). И хотя формально (например, при чтении списков защищенных по нашей специальности диссертаций) все выглядит вполне убедительно, но нормальным такое положение дел видится только, возможно, «эмпиристам» или «социологам», но никак не «теоретикам» журналистики.

Энциклопедическое определение теории (как формы организации научного знания) звучит так: «1. Мысленная (понятийно-дискурсивная) модель реальности (в отличие от чувственно-перцептивной модели реальности). 2. Идеализированно-логическая модель эмпирического опыта. 3. Любой продукт идеальной деятельности человека (в отличие от продуктов его предметно-практической, материальной деятельности)» [8, 555]. То есть подчеркивается, во-первых, ее «идеальный» характер (в отличие от «чувственной», «эмпирической», «вещной» реальностей): «чистая сущность», «идеальный объект» не могут быть получены путем простой абстрагирующей деятельности мышления с результатами эмпирического познания.

Второй момент: в любой теории подчеркивается ее структурно-понятийная четкость, доказательность положений («дискурсивность», «логика», «модель»). Научная теория представляет собой логически взаимосвязанную систему понятий и утверждений о свойствах, отношениях и законах некоторого множества идеализированных объектов. Главная ее цель — «введение таких базовых идеальных объектов и утверждений об их свойствах и отношениях (законов, принципов), чтобы затем чисто логически

(т.е. мысленно) вывести (построить) из них максимально большое количество следствий, которые при подборе определенной эмпирической интерпретации максимально адекватно соответствовали бы наблюдаемым данным о некоторой реальной области объектов (природных, социальных, экспериментально созданных, психических и т.д.)» [8, 458].

То есть: 1. Теории описывают те или иные идеальные объекты реальности. 2. На основе одного из них, либо их совокупности (некоторого необходимого для теории числа) и принципов их взаимоотношений строится идеальная модель исследуемой реальности. 3. Через полученную идеальную модель объясняют «устройство» и «состояние» исследуемой реальности. 4. С помощью следствий из теории прогнозируют тенденции развития исследуемой области и ее возможные преобразования.

В теории журналистики дело обстоит несколько иначе. Вновь обратимся к монографии «Исследуя журналистику» и двигаясь по цепочке «категория — понятие — термин», попробуем разобраться с пониманием слова «теория» в науке о журналистике (как минимум, у одного из ведущих теоретиков).

Под категорией будем понимать [9, 54] «предельно общее понятие, именующее класс предметов» (это ключевые слова, максимально репрезентирующие тему исследования и организующие осмысление объекта в форме категориальных схем), под понятием — «слово или словосочетание, именующее предмет или явление, отражающее представление о нем» (формируется в результате мыслительной операции, когда из множества по определенным признакам выделяются конкретные предметы), под термином — «слово или словосочетание, именующее понятие в какой-либо области науки, техники, искусства и прочих» (это развитие и детализация одного из понятий до уровня, когда его можно строго определить; особенно важно подчеркнуть, что новое понятие в научных работах, в частности в монографиях и диссертациях, как правило, дорабатывается до уровня термина).

Теория категориально трактуется в монографии как «система законов, дающая целостную характеристику сущности изучаемого явления через системное описание его структуры и функций, закономерных внутренних и внешних связей и зависимостей. Поэтому теория — не перечень доказанных положений или даже законов, а синтезирующее сведение их в концепции исследователя» [6, 163]. При этом ученый указывает, что «закон» и «закономерность» иногда рассматриваются как синонимы, а порой «закономерность» считается объективной системой свойств, а закон — субъективным пониманием ее людьми» [6, 163]. Получается, что теория выступает всего лишь субъективным взглядом исследователя на сущность изучаемой проблемной ситуации (как «концепция» — более-менее полным описанием «замысла» исследовательского проекта).

Далее, термин «теория» используется двояко. В узком плане — как характеристика обобщенного знания о системе закономерностей, объективных законах какой-то сферы науки («теория публицистики»); в широком — как итог интеллектуальной деятельности, система концептуальных утверждений, обобщений, научных положений и взглядов, разрабатываемых исследователями любого предмета (история журналистики, социология журналистики и т.д.). Здесь также речь не идет ни об идеальных объектах, ни о модели реальности исследуемой области, ни о прогностическом или эвристическом потенциале теорий. Узкая трактовка говорит об описании свойств какой-либо сферы творчества, в частности публицистики, и итог закономерен: «До сих пор не произошло сближения (а полное единство невозможно) взглядов на публицистику. Каждый из авторов десятка вышедших книг придерживается «своих» взглядов» [6, 182]. Широкая — об общем представлении о журналистике исследователей из других (смежных) областей науки (историков, социологов). Итог тот же: невозможно понять журналистику через методологическую призму других наук.

В-третьих, понятийно под «теорией» понимают два ее вида: «идеальная» и «конкретная». Первая есть «система знаний о внутренних законах изучаемого предмета, «освобожденная» от специфических форм проявления в конкретных обстоятельствах под действием «нарушающих» факторов». Вторая понимается как «система «превращенных» теоретических знаний на основе утверждения всякого рода «кажимостей» в изучаемой сфере, неадекватно отражающих необходимости и/или выработанных под действием разного рода «побочных» факторов, социально-политической конъюнктуры, догматизированной позиции исследователя или просто его ошибочных обобщений» [6, 164].

Совершенно очевидно, что во втором случае речь идет о прикладном и эмпирическом уровне исследований, с их искажениями, перекосами и ошибками. Последние и должны исправляться на уровне теории. И первое — «идеальное» — ее определение прекрасно, но... вместо положенного усложнения и перехода к выделению «идеального объекта», в монографии декларируется обратное действие: «Теоретико-журналистские построения поэтому носят характер «идеальной модели», которая, конечно, неизбежно создается с помощью абстракции упрощения» [6, 164], а «главным образом с помощью индуктивных обобщений» [6, 165]. Но мы помним, что «идеализация» предмета не может быть выполнена на основе эмпирических обобщений, и уж тем более — «абстракции упрощения».

Все разъясняется при описании финальной стадии «теоретико-журналистского» исследования: «На выводных следствиях — оценочных суждениях, предсказаниях, рекомендациях — собственно исследу-

довательский проект (программа) считается завершенным» [6, 169]. При этом «заключительный «ход» рекомендательной интерпретации состоит в сравнении изученной «проблемной ситуации» в журналистике с выдвинутой исследователем «идеальной моделью ситуации». А все находки, сделанные в ходе изучения предмета с целью решения проблемы, как раз и есть совокупность (лучше — система) необходимых и возможных при данном состоянии предмета и, дополнительно, на перспективу тех и таких «поправок и дополнений», которые будут способствовать оптимизации ситуации» [6, 169].

Иными словами: исследователь-теоретик выбирает в действительности «проблемную ситуацию» (содержащую прикладную проблему), затем исследует ее (получая «конкретную теорию»), затем сравнивает «проблемную» с «идеальной моделью ситуации» (сформулированной на основе изучения «литературы вопроса») и таким образом пытается получить «идеальную теорию»: очищенное от эмпирических «кажимостей» и «нарушающих факторов» описание ситуации. Цель: получение результатов, способствующих «оптимизации» действий журналистов в аналогичных случаях.

Проблема данного «метода» очевидна. Общая рекомендация научной методологии предлагает идти по пути «проблемная ситуация» — «формулирование идеального объекта и основанной на нем модели исследуемой реальности (которая объяснила бы все проблемные ситуации данного класса)» — «применение (проверка) на практике». То есть происходит «восхождение» мысли, обогащение ее пониманием «идеального объекта» и возврат с разъяснением проблемы: эмпирия — теория (идеализация) — практика.

Теоретико-журналистские исследования идут другим путем: обосновывается прикладная проблема и/или проблемная ситуация, затем происходит формулирование (извлечение) из «литературы вопроса» (основанной на таких же эмпирических исследованиях) так называемой «идеальной ситуации», далее следует сравнение «идеальной» с реальной ситуацией, а на выходе получают соответствующие «практические рекомендации и предсказания». То есть «вершина» исследования (получение идеального объекта) «срезается», исследователь, как в эссе, берет предмет «чередой его граней», движется «вокруг» проблемы: эмпирия — литература вопроса — рекомендации.

Становятся видны еще два подводных камня, о которые разбивается подобная методология медиаисследований.

Первый — терминологическая размытость. Даже рассмотренных трех уровней методологической матрицы достаточно, чтобы точно «распределить» применение слова «теория»: на уровне прикладных исследований — терминологически (например, как гипотеза или концепт), на уровне эмпирических —

понятийно (идеальная, конкретная, рабочая и т.д.), а на частно-теоретическом — уже категориально (конкретная форма организации знания) в рамках конкретной научной дисциплины («учение» в философии, «экспериментальное знание» в социологии, «теорема» в математике, «постулаты» в физике, «доктрина» в идеологии и т.д.).

Второй, который можно назвать «дурным кругом» (или «лентой Мебиуса»), — это как раз та самая эмпирическая направленность исследований, однако разрешаемая не через теоретические построения, а через массив «литературы вопроса», накопленный, в свою очередь, на основе таких же эмпирико-прикладных наработок.

Доказательством кризиса медиаисследований может служить факт все возрастающего числа методологических «подходов» к теории журналистики: от системо-синергетики до герменевтики [10]. Последний пример характерен: автор, выбрав для исследований прекрасную тему — герменевтику, совершает вынужденную (но типичную) ошибку, расширяя действие «эмпирического метода» (способа трактовки текстов) на «общий метод» (способ самодвижения) журналистики (метатеорию). То есть подменяет идеальную сущность («способ самодвижения» — противоречие, которым «движется», то есть существует, объект) прикладным умственным действием — дешифровкой, пусть даже и «социального», текста. Противоречие, которым «движется» (существует) журналистика, — разрыв между центробежными силами социума и центростремительной (интегрирующей) функцией журналистики. Отсюда ее «душа» (Гегель) как «оперативная массовая общественная рефлексия» [11], и ее определение как «социальный институт, генеральной функцией которого является устранение избыточных мнений и формирование единого мировоззрения общества» [5].

Обобщая можно заключить, что с точки зрения общей методологии на частно-теоретическом уровне идет оперирование методами конкретных наук («дисциплинарными методами»): социологии, политологии, истории или филологии, психологии и других. Создание теории, даже достаточно «компактной», требует от исследователя использования не одного, а, как правило, нескольких методов. Набор (палитра) этих методов, обусловленный целями и задачами исследования, можно назвать научно-методологическим (либо «дисциплинарным») подходом. Соответственно, используя слово «методология» в данном контексте, нужно помнить, что речь идет о «частной методологии» конкретной науки: «сборке» под конкретное исследование определенной конфигурации частных методов и приемов, в рамках теоретического — системного, дискурсивного или иного — подхода.

Пример типичных частно-теоретических подходов: формальный, аксиологический, генетический,

гипотетико-дедуктивный, структурно-функциональный, методологический, системный, понятийно-категориальный, диалектический, триалектический, функциональный и т.д.

4. ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Как видим, даже беглый анализ показывает, что проводимые на первых трех уровнях методологической матрицы исследования хотя и дают массу интересных результатов практического порядка, мощно развивая теорию журналистики вширь, но при этом практически не развивают теорию «вверх» и «вглубь». Потребовалось обратиться к более высокому — междисциплинарному (метатеоретическому) уровню общей методологии, с «высоты» которого виделось вполне возможным навести в науке о журналистике порядок на уровне частных (дисциплинарных) теорий.

Мы дали ему название «парадигмальный», исходя из классического понимания парадигмы (понятия, введенного в науку Т. Куном) как «общепринятой в конкретном научном сообществе фундаментальной теории в определенной области знания» [8, 496]. Парадигмы, согласно Т. Куну, играют решающую роль в процессе научного познания в отдельной науке (в нашем случае — о журналистике): от выбора идеалов научных исследований и формулировки проблем («головоломки») до их положительного разрешения в русле принятых научным сообществом консенсусов относительно важнейших «аксиом» и «символов веры». Отсюда стало понятно, что решение проблемы теории журналистики лежит в плоскости осознания, а затем и создания общей, или «мета» теории журналистики [12].

В отличие от «теории» (идеализированной модели тех или иных элементов социальной реальности), метатеория представляет собой более высокий (масштабный) уровень организации знаний, поскольку является гностической структурой, обобщающей результаты прикладных, феноменологических концепций и частно-дисциплинарных теорий до определенной «картины мира» (для журналистики — традиционно — «событийной» или «панорамы событий», однако учитывая степень влияния на общество процесса «медиазации», идеи «событийности» видятся как минимум спорными, мелкими).

Кроме обобщения результатов, метатеория решает и другие насущные задачи: обеспечивает связь между теорией и практикой (реальными потребностями общества и «познавательными интересами» науки); через анализ и обобщение конкретных практик выявляет новые структурные элементы предмета исследования (например, компьютерно-сетевые игры как существенный механизм формирования общественного мнения); формирует унифицированную структуру описательного языка своей науки (систему терминов, понятий и категорий, клю-

чевых идеалов, консенсусов и норм исследований); разрабатывает типизации и классификации; задает «научную повестку дня» (указывает на проблемные зоны и/или перспективные направления исследований); устанавливает степень соответствия и/или несоответствия знаний, методов и теорий реалиям окружающего мира.

Иначе говоря, метатеории занимают промежуточное положение между научными теориями (более низкий уровень) и философскими основаниями науки (более высокий уровень). Причины их формирования несколько: «возвышение» какой-либо теории до фундаментальной, до «всеобщего» статуса (механика Ньютона, семиотика); теоретическая конкретизация некоторых философских утверждений (антропный принцип как основа философско-антропологической парадигмы); выявление общих фундаментальных концептов научного знания (теория, система, модель, синергия); синтезированные картины мира (картина мира античной науки или современная постнеклассическая картина мира). Понимание и применение этого механизма открывает множество возможностей для построения общей теории журналистики.

В рамках метатеоретического подхода получила развитие и предложенная в свое время автором экзистенциальная теория журналистики (ЭТЖ). Сразу стало очевидным, что ответить на вопрос «Что есть журналистика?» может только мета- или общая теория, тогда как частные ее подсистемы (теория журналистики, теория публицистики, теория беллетристики и теория эссеистики) располагаются этажом ниже и не могут претендовать на статус парадигм. К примеру: если признать, что концептуальная категория «журналистика» раскрывается на метатеоретическом уровне и сфера ее действия — социальная коммуникация (а идеальный объект — общественное мнение), а сущность категории «публицистика» раскрывается уровнем ниже и сфера ее действия — коммуникация массовая (а идеальный объект — социальная проблема), то разом снимается почти что двухсотлетний спор о взаимоотношении двух данных категориальных понятий.

Подводя итог, следует отметить, что метатеоретический уровень научного знания подразумевает анализ и рефлексию содержания, структуры и оснований общей теории, философскую ее интерпретацию, а также выявление ее общекультурно-мировоззренческой (антропологической) значимости и исторического потенциала.

5. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Описание метатеоретического уровня не решило проблему общей методологии исследования журналистики и формирования индивидуальной научно-методологической парадигмы конкретного ее исследователя: дискуссии 2012–2020 гг. показали

зачастую абсолютно иррациональное неприятие диспутантами тех или иных концепций журналистики и/или методологических подходов к ней. Возник вопрос о «философских основаниях» общей теории журналистики (и ЭТЖ в том числе).

Анализ научных парадигм показал, что сами по себе они не являются достаточным основанием (или источником) индивидуальной научно-исследовательской методологии, являясь чаще всего подознавательным мировоззренческим маркером, отражающим, скорее, общий характер «идеала исследователя» (теоретик/практик, «технар»/гуманитарий, «классик»/постмодернист и т.д.), соответствующую комплементарность в научной среде (школа: «московская», «питерская»; наука: социология, политология, история и т.д.), признание конкретных персон научными лидерами и авторитетами (вплоть до гендерных предпочтений), а в итоге формирующим социально-методологический репертуар субъекта.

Следовательно, необходимо было описание еще одного, более масштабного уровня структуры научного знания. Традиционно в последнем выделяются три уровня знания: эмпирический, теоретический и метатеоретический. Однако оказалось, что «метатеоретическое знание» в науке имеет тройную структуру: научных теорий, парадигмального знания и философских оснований науки. Сопоставив очевидно совпадающие первые два уровня с нашей методологической матрицей, мы обратились к понятию «философских оснований науки» — «множеству онтологических, гносеологических, методологических, логических и аксиологических понятий и утверждений философии, которые используются учеными при создании или обосновании какой-либо научной теории, исследовательской программы, научного направления или даже науки в целом» [8, 148].

Поскольку философия является лишь одним из видов мировоззрения, стало понятным, что в качестве философских оснований той или иной теории или парадигмы могут быть выделены онтологические основания и других видов мировоззрения — мифологического, религиозного, художественно-эстетического, обыденного или трансгуманистического (техногенного). Это открытие существенно прояснило причины частой априорной приверженности исследователей к тем или иным выразительным, когнитивным и коммуникативным методологическим формам и возможностям.

Выявление мировоззренческого уровня в поле научной методологии позволило ввести в философию анализа оснований той или иной исследовательской парадигмы ряд ценностных отношений и измерений, подробное рассмотрение которых позволяет открыть причины приверженности исследователя тому или иному комплексу научно-методологических норм, постулатов и парадигм.

Однако нерешенным остался другой вопрос, неожиданно проявившийся в ходе исследования мировоззренческих оснований научных парадигм: а откуда возникают (и на чем основаны) сами мировоззрения и порождаемые ими парадигмы — естественно-научные, гуманитарные, техногенные, религиозные, художественные, философские?

б. Так возникло осознание наличия еще одного, высшего, уровня научной методологии (и обобщения знания) — *концептуального* (уровня абсолютов, ценностей и идеалов).

Данный уровень научно-методологической парадигмы исследователя практически никогда не подвергается анализу, поскольку, выражаясь метафорически, является сакральным, подсознательным и исключительно редко рефлекслируемым самим исследователем. Но одно дело — индивидуальная рефлексия ученого, которая является личным делом каждого, и совершенно другое — философский анализ оснований его теории с точки зрения мета-теории и ее задач.

Абсолют — категория, обозначающая «тип такой реальности, которая в способе своего существования ничем не определена извне, ни от чего не зависит, кроме самой себя (самодетерминируемая, в пределах чисто рефлексивная сущность)». С другой стороны, Абсолют часто мыслится как реальность, определяющая собой существование всех остальных видов бытия» [8, 167]. Например, в философии Абсолютом в свое время выступали «мир объективных идей» Платона, «атомы и пустота» Демокрита, «Абсолютная идея» Гегеля, «монада» Лейбница и т.д., а в религиозных системах роль Абсолюта принадлежит «Творцу», хотя мировоззренчески они могут быть основаны на различных абсолютных ценностях: западные религии веры (иудаизм, христианство, ислам) — на безусловном принятии догматов (Вера, Любовь, Послушание), а восточные религии опыта — на экспериментальном постижении собственной сущности (Познание, Упражнение, Труд).

Таким образом, абсолюты, порождая базисные, абсолютные ценности, часто существенно влияют и на научные построения ученых: очевидна, например, склонность европейцев к спекулятивным философским системам и аксиоматическим основаниям своих теорий (Шеллинг, Гегель, Кант, Маркс). Но главным образом Абсолюты задают систему ценностных координат, «аксиологическую почву», из которой потом будут формироваться тематические и методологические ростки научного знания.

Ценности, определяющие то или иное мировоззрение и всю низлежащую «инфраструктуру» научной методологии конкретного исследователя или теории, представляют собой «базисные универсальные цели и идеалы как человеческой деятельности в целом (Истина, Добро, Красота, Справедливость, Польза и др.), так и ее различных видов (ценности

науки, экономики, морали, политики, искусства, права и т.д.). Ценности — основа духовности человека и общества, регулятор их истинной жизни» [8, 272]. Ценности формируют «ценностный мир» — множество целей и идеалов человека и человечества: Благо, Истина, Добро, Красота, Любовь и других, как на уровне фундаментальных (всеобщих) констант, так и на так называемом «партикулярном» (изменчивом, социальном, культурно-историческом «материальном») уровне. Считается, что этот мир духовности (формирующий сущность человека, его природу) прекрасен и идеален. Однако ценности могут быть и отрицательными: Выгода (антиПольза), Эксплуатация (антиДобро), Эгоизм (антиИстина), разрушение (антиКрасота), гедонизм (антиЛюбовь) и другие.

Достаточно обратиться к популярной концепции геополитики. Ее исходное положение — наличие цивилизаций «моря» и «суши». Их идеалы, соответственно: Торговля (то есть «извлечение прибыли») и Производство (то есть «созидательный труд»). Логична и цель «торговой» цивилизации: блокировать и контролировать «сушу», извлекая Выгоду. На уровне мировоззрения это проявляется как расистские, ксенофобские и националистические теории, а на уровне социальной организации (формы цивилизации) как «капиталистический способ хозяйствования». Соответственно, на уровне научных парадигм эти ценности реализуются как разновидности социал-дарвинистских теорий, либерально-монетаристских экономических моделей и агрессивных военных доктрин. Далее, на уровне конкретных теорий и практик (в частности, журналистских), данные целевые установки внедряются в массовое сознание с помощью частных методов (окна Овертона; манипуляция сознанием; повестка дня; срочность и сенсационность; ток-шоу и множество других) на основе двойных стандартов, а зачастую основываясь и на прямом обмане общественности (пробирка с веществом).

Именно поэтому анализ глубинных концептов научных теорий (особенно фундаментальных) имеет такое большое значение: все новое приходит через «отрицание», преодоление, «снятие» старого, отжившего. И особенно актуальным такое преобразование и «восстание из пепла» видится для теории журналистики и знания о ней.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Категория «научно-методологическое поле» (или в рабочем варианте «матрица методов»), по нашему мнению, вносит существенный вклад в методологию медиаисследований, развивая данную платформу в направлении большей четкости и структурированности по простым и ясным критериям. Теперь любой исследователь может конструировать методологию своего исследования учитывая (либо от-

метая — но уже сознательно) не только его актуальность и проблемно-тематическую направленность, но и влияние на свою деятельность и конечный результат (мысли, цели и императивы) всего научно-методологического континуума.

Для теории журналистики рассмотренная нами категория научно-методологического поля представляет широкую панораму состояния науки о журналистике, указывая на пробелы и ошибки в ее построении.

Представляется также, что улучшение научно-методологической и теоретической составляющей принесет и практическую пользу нашей сфере деятельности — как образовательную и прикладную, так и академическую.

В качестве «terra incognita» можно указать на дальнейшую разработку данной категории как иерархически (возможно, на метатеоретическом уровне стоит выделить два подуровня: парадигмальный и общетеоретический), так и системно — в плане ее расширения по уровням и наполнения конкретными методами, методологиями и теориями.

Кроме того, в данную познавательную матрицу пока никак не вписан эссеизм как перспективный эвристический способ философствования.

Но главное, для чего она создавалась, — послужить определенным алгоритмом (блок-схемой), шаблоном для разработки теоретиками журналистики программы и методологии своего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриевский А. Л. Исследование в журналистике: учебно-методическое пособие / А. Л. Дмитриевский. — Орел: Каргуш, 2012. — 66 с.
2. Дмитриевский А. Л. Методика медиаисследования: учебно-методическое пособие / А. Л. Дмитриевский. — Орел: Каргуш, 2018. — 160 с.
3. Дмитриевский А. Л. Экзистенциальная теория журналистики: попытка метатеории / А. Л. Дмитриевский // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2012. — № 2 (10). — С. 61–81.
4. Дмитриевский А. Л. Экзистенциальная теория журналистики: к сущности концепции. Методологические разъяснения и схемы / А. Л. Дмитриевский // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2013. — № 1 (11). — С. 74–81.
5. Дмитриевский А. Л. Экзистенциальная теория журналистики: на пути к метатеории / А. Л. Дмитриевский // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология, Искусствоведение. — 2015. — № 5 (360). — С. 15–20.
6. Прохоров Е. П. Исследуя журналистику / Е. П. Прохоров. — М.: РИП-Холдинг, 2005. — 202 с.
7. Тертычный А. А. Эмпирическое познание в журналистике: методы, методология, методика / А. А. Тертычный // Научные Ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2015. — № 18 (215). — Выпуск 27. — С. 51–56.
8. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энцикло-

педия (основные направления, концепции, категории). Научное издание / С. А. Лебедев.— М.: Академический проект, 2008.— 692 с.

9. Боуш Г. Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник / Г. Д. Боуш, В. И. Разумов.— М.: ИНФРА-М, 2020.— 227 с.

10. Варакин В. С. Герменевтическая рефлексия как «общий метод» журналистики / В. С. Варакин // Вестник

Северного (Арктического) федерального университета.— 2007.— № 2.— С. 48–53.

11. Муминов Ф. А. Метод журналистики и методы деятельности журналистов / Ф. А. Муминов.— Ташкент: Университет, 1998.— 57 с.

12. Дмитриевский А. Л. Объект и предмет общей теории журналистики / А. Л. Дмитриевский // Современный дискурс-анализ.— 2018.— № 3–1 (20).— С. 16–22.

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

*Дмитриевский А. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью
E-mail: dmitrovskiyal@ya.ru*

*Orel State University named after I. S. Turgenev
Dmitrovsky A. L., Candidate of Philology, Associate Professor
of the of Journalism and Public Relations Department
E-mail: dmitrovskiyal@ya.ru*

РАДИОКОНТЕНТ В ИННОВАЦИОННОМ ПЕРИОДЕ РЕФОРМ СМИ КИТАЯ В 1990-Е ГГ.

Дун Яфэн

Академия общественных наук провинции Шэньси Китайской Народной Республики

Поступила в редакцию 24 ноября 2020 г.

Аннотация: в статье анализируются новые жанры и формы новостных репортажей вещания, раскрывается позитивное значение запуска передач о дорожном движении, а также обобщаются три стиля, сформированные радиопередачами в этот период.

Ключевые слова: радиопередача, новостные репортажи, передачи о дорожном движении, стили радиопередач.

Abstract: the article analyzes new genres and forms of broadcast news reports, reveals the positive significance of launching traffic programs, and summarizes three styles formed by radio programs during this period.

Keywords: radio program, news reports, traffic programs, styles of radio programs.

Реформа СМИ Китая 1990-х гг., оказавшая влияние на все аспекты общественной жизни, отразилась и на радиовещании. С развитием специализации частот вещания, новостные частоты (они же новостные комплексные частоты) стали основными на всех радиостанциях. Радиожурналисты более подробно освещали события, репортеры чаще, чем прежде, выходили в эфир, их сюжеты постоянно обновлялись и обогащались как в содержательном плане, так и с точки зрения форм подачи.

Сложилось три стилевых типа радиопрограмм. От кратких оперативных сообщений журналисты пришли к подробным репортажам, отличающимся актуальностью проблем и увлекательным сюжетом.

Появился целый ряд заметных работ радиожурналистов, отразивших их инновационное сознание, — с новыми темами, ракурсами и приемами. Например, широко освещалась бизнес-концепция рыбаков уезда Жунчэн, сумевших наладить поставки живой рыбы в Японию в течение трех дней [1, 94–95].

В ходе реформы вещательных новостей увеличивалось количество репортажей с места событий, быстро развивался формат программ с радиоведущими. Имея блочную структуру, эти, по сути, авторские программы отличались гибкостью компоновки: здесь могла вестись прямая трансляция с места события, могли присутствовать разные формы вовлеченности слушателей в сюжет повествования, объяснение проблемы, рассмотрение ее с разных точек зрения, в том числе практической. Тем самым трансляция приближалась к жизни, к реальности, к массам; усиливалась функция социального обслуживания вещания. Например, радиостанция провинции Хэйлуцзян в программе «Здравствуй,

воскресенье!» открыла горячую линию для психологических консультаций. В ней психологи отвечали на вопросы, интересующие аудиторию. В программу «Сельский мир» пригласили ученых — специалистов в области сельского хозяйства, чтобы те отвечали на вопросы фермеров. Упор делался на ведение земледелия с использованием современных научных методов. Рубрика «Закон» появилась в программе «До и после завтрака». В ней адвокат отвечал на вопросы слушателей в прямом эфире.

Интересно проследить трансформацию репортажей. Выразительный пример — отмеченный наградами репортаж «Долгое ожидание» (2001 г.), повествующий о принятии заявки Китая на проведение Олимпийских игр. Журналисты, которые его вели, сумели передать аудитории напряженность исторического момента. В частности, когда контролер запечатал ответ и через длинный проход проследовал к президенту МОК Хуану Антонио Самаранчу, один из журналистов воскликнул: «Какой же долгий переход!», как бы намекнув на трудности в преодолении конкуренции при рассмотрении заявки на проведение игр. На протяжении всего репортажа журналисты контролировали свои эмоции: до объявления результатов они были спокойны и невозмутимы, но затем, когда было сообщено о приобретении Китаем права на организацию Олимпиады-2008, — слушатели ощутили взлет энтузиазма, радостное потрясение, они стали свидетелями импровизированного обсуждения, описания всех подробностей. В этом и заключается специфика прямых репортажей: воспроизведение ситуации и состояния действующих лиц в момент развития события и описание места, где оно происходило; раскрытие самых существенных, самых захватывающих его моментов, передача мнений, переживаний, эмоций людей. Таким обра-

зом, радио через лучших радиожурналистов может максимально выразить точку зрения на какую-либо проблему или событие, зарядить своей энергией аудиторию и быстро найти у нее отклик [2, 27].

Запуск передач о дорожном движении, в первую очередь информационных, удовлетворил потребности слушателей в информации на дорогах. Например, с момента запуска 30 сентября 1991 г. Шанхайского дорожного информационного радио преимущественное внимание уделялось информации о дорожно-транспортной ситуации, каждые полчаса аудитория получала сведения о пробках на 48 перекрестках города, о двух туннелях под рекой, ведущих в Пудун, и трех местах переправы автотранспортных средств; предоставлялась информация об изменении времени отправления и прибытия сухопутного, морского и воздушного транспорта, а также информация об изменениях маршрутов, перемещениях остановок общественного транспорта и дорожных работах. Например, 2 ноября 1991 г. дорожное радио сообщало: «С 8 часов вечера нынешнего дня до 4 часов утра завтрашнего дня отдел коммунального хозяйства муниципалитета района Сюйхуэй будет вести ремонт дорожного покрытия на перекрестке Юэян ул. Юнцзя. Просьба к водителям автомобилей, следующих через этот перекресток, ехать в объезд» [3, 15]. Или дорожное радио 18 ноября 1991 г. в 7:15 обращало внимание водителей на то, что в некоторых районах пригорода может быть туман, а видимость на скоростных автомагистралях Хуцзя и Шэньсун будет в пределах 20 метров [3, 15]. В 9:35 того же дня по радио поступило сообщение, что туман в пригороде рассеялся. Автотранспортное движение на автомагистрали Хуцзя вернулось в нормальное состояние. Водители радостно отмечали, что дорожное радио предоставляет сведения исключительно своевременно. Как стало известно, после того как по радио передали новости о тумане, на скоростной дороге не оказалось ни одного транспортного средства, никто не пострадал.

С точки зрения стиля программы в зависимости от положения, задач и требований, предъявляемых к радиостанции и отвечающих запросам аудитории, в зависимости от экономической базы и культурной среды постепенно сформировались три типа стилей. Центральная радиостанция усвоила торжественный стиль: например, в отмеченной наградами работе «Споём снова песню о созидании», начиная с выбора сюжета, идейного охвата, типичного применения, звукового сопровождения, в этом произведении, со-

стоящем из десяти серий, отразилась грандиозная мощь замысла. Используя выразительные факты, убедительные образы, исторические записи, авторы создавали панорамную картину развития бизнеса в Китае за последние сто лет.

Особенностями южного стиля, представленного Гуандунской радиостанцией, стали свежие идеи, живые и разнообразные формы. Здесь выпускали большое количество программ: на социально-бытовые темы, выходящих в виде блоков, авторских, горячих линий, программ новостей, следующих одна за другой. Язык передач был четким, понятным, хотя некоторые программы транслировались на диалектах. Отмеченная наградами «Специальная программа на последующие четыре часа» использовала опыт «горячей линии» и прямого вещания.

Местный колорит был характерен для программ радиостанции уезда Цзиньтан провинции Сычуань, отличавшихся реализмом (большинство были посвящены работе и быту крестьян и сельских специалистов) и живым языком. Отмеченные наградами «Обсуждение срочности сдачи продовольственного налога и срочности платежей», «Разговор о секретаре партийной ячейки нашего села» имели все вышеперечисленные особенности и достигли «единства двух троек», т.е. соблюдалось единство содержания, формы и языка, отвечающие вкусам фермеров, — первая тройка; вторую тройку составляли сбор материала, его компоновка и трансляция ведущим.

Формирование трех типов стилей происходило на фоне выработки фирменных стилей радиостанций («самостоятельное продвижение», «продвижение своим путем») в условиях плодотворных реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуань Гуаньжун. Анализ произведений радио и телевидения, номинирующихся на «Премии китайских новостей» второго выпуска / Гуаньжун Жуань // Китайское радио и телевидение. — 1993. — № 2. — С. 94–96. (=阮观荣: 第二届“中国新闻奖”广播电视参评作品评析)
2. Ли Иньфэн. Репортаж с места событий: где кроется жизненная сила радиовещания / Иньфэн Ли // Новостной форпост. — 2003. — № 5. — С. 27. (=李应凤: 现场口头报道: 广播活力所在)
3. Хуан Минсин. «Светофор» в воздухе. Заметки о Дорожном информационном радио Шанхайской народной радиостанции / Минсин Хуан // Корреспондент. — 1992. — № 1. — С. 14–17. (=黄铭兴: 空中“红绿灯”-记上海人民广播电台交通信息台)

Академия общественных наук провинции Шэньси Китайской Народной Республики

Дун Яфэн, младший научный сотрудник института изучения культуры и истории

E-mail: dongyafeng1984@yandex.ru

Shaanxi Province Academy of Social Sciences of the People's Republic of China

Dong Yafeng, Junior researcher at the Institute for the Study of Culture and History

E-mail: dongyafeng1984@yandex.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИЙНОЙ ПОЛИТИКИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

А. Ю. Евсеев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации

Поступила в редакцию 28 апреля 2021 г.

Аннотация: в статье на основе мониторинга медиа, анализа программ информационного развития Чечни, онлайн-опроса студентов московских и петербургских вузов выявляются эффективные практики позиционирования региона и создания позитивного образа республики.

Ключевые слова: СМИ, медийная политика, медиаобраз, стратегические коммуникации, ценности.

Abstract: based on media monitoring, analysis of information development programs in Chechnya, and an online survey of students from Moscow and St. Petersburg universities, the article identifies effective practices for positioning the region and creating a positive image of the republic.

Keywords: mass media, media policy, media image, strategic communications, values.

Вопросы формирования позитивного, привлекательного, при этом максимально объективного, образа региона страны как составляющей имиджа государства в целом являются важной проблемой стратегической коммуникации [1, 15]. Изучение принципов формирования медиаобразов регионов как в российском, так и в зарубежном дискурсе, становится актуальной задачей для исследователей медиа.

Понятие медиаобраза рассматривается многими исследователями. Л. В. Хочунская определяет его как «закодированное в медийном тексте ценностное представление автора о медиаобъекте, имеющее диалогический (полилогический) характер и вызывающее ценностную реакцию адресата» [2, 91–92]. Ю. Н. Драчева отмечает, что «согласно многим философским и психологическим интерпретациям, не существует образа вне воспринимающего субъекта, хотя это только одна из точек зрения между материализмом и субъективным идеализмом» [3, 135]. Т. Н. Галинская дает свое определение: медиаобраз — «это образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиaprостранстве (профессиональными журналистами, блогерами, интернет-пользователями и т.д.)» [4, 92].

С позиции медийной политики важна характеристика медиаобраза, предложенная А. С. Салтыковой, которая рассматривает его как форму существования массового сознания в медиакommunikации [5, 3430]. Современная медиасреда позволяет создавать все условия для формирования и поддержания медиаобраза с определенным набором характеристик [6, 28], которые в медиаобразе региона большой страны могут отражать специфику жизни, этнокультурные

черты населения, духовные ценности и личностные качества отдельных представителей этноса, сформированные через призму общественного мнения. Возможность обратной связи, которую современные медиа предоставляют читателям, позволяет общественности участвовать в формировании медиаобраза (в виде голосования в социальных сетях, обратная связь, комментарии, письма на сайты государственных учреждений и СМИ).

Анализ сущности медиаобраза помогает сформировать определенные стратегии его продвижения. Н. В. Старых указывает на типичные подходы в стратегических коммуникациях, которые вполне применимы и при реализации задач создания медийного образа: коммуникации приобретают качество стратегических, если рассматриваются в ситуационном контексте деловой стратегии организации; производство стратегического коммуникационного продукта опирается на принцип декомпозиции целей, при котором технологический процесс разделяется на простейшие операции, связанные друг с другом причинно-следственными отношениями; в стратегических коммуникациях реализуется принцип измеримости целей. Стратегические коммуникации опираются на методики прогноза эффектов коммуникационных мероприятий [7] (этот подход стал наиболее полезным при составлении методики исследования).

В региональной медийной политике важную роль играет эффективная система массовой социальной коммуникации. В связи с увеличением численности аудитории за счет социальных сетей акцент делается сначала на взаимодействии, а затем на воздействии. Эта особенность массовой коммуникации [8] обуславливает ее распространение в социально-по-

литической сфере. Современный медиарынок развивается настолько стремительно, что участникам этого процесса приходится учитывать новейшие требования — технические, социальные, коммуникативные, это требует постоянного поиска наиболее эффективных форм организации диалога с аудиторией. Социальные сети, мессенджеры, видеохостинги превратились в инструмент формирования повестки дня [9, 23], что обусловлено интеграцией интернет-изданий и классических СМИ в социальные медиа.

Вместе с тем анализ литературы отражает проблемы, которые еще ждут своего решения: медийная региональная политика в России изучена недостаточно. Научных исследований о медиа Чеченской Республики недостаточно. Это обстоятельство стало причиной обращения автора к медиаисследованиям, а их актуальность «обусловлена тотальностью воздействия современных СМИ на образ конкретной территории в массовом сознании» [10]. Автор статьи делает попытку решения задачи выявления эффективных практик позиционирования региона и создания позитивного образа Чеченской Республики как важного в экономическом, социально-культурном и ценностном отношении региона России.

Остановимся на методологии и методах исследования. Примененный структурно-функциональный подход помог выявить структуру и функции СМИ, участвующих в реализации коммуникативных стратегий медийной политики Чеченской Республики. В работе также использовался метод интернет-опроса. Вопросы, которые легли в основу формирования программы исследования следующие: Каковы наиболее востребованные составляющие медиаобраза? Какой образ Чеченской Республики наиболее привлекателен для пользователей медиаконтента? Какова целевая аудитория потребителей медиапродукции о Чечне?

С помощью опроса решались задачи выявления эффективных практик позиционирования региона и создания образа Чеченской Республики как важного в экономическом, социально-культурном и ценностном отношении региона России. На основе разработанных автором анкет: 1) проведен онлайн-опрос среди молодежи Чеченской Республики, а также студентов московских и петербургских вузов. Всего в апреле 2021 г. было опрошено 180 молодых людей. Параллельно с опросом российской молодежи были проведены социально-психологические исследования медиасреды: мониторинг медиа, анализ республиканских программ и положений, которые касаются медиаобраза Чечни.

Результаты исследования подтвердили тезис о том, что система СМИ выполняет важные социально значимые функции. Среди них основная — информационная, об этом говорили респонденты: важно оперативное предоставление гражданами актуальных сведений о событиях и процессах обще-

ственной и политической жизни. Большое значение уделяется социализации и социальным практикам событий и мероприятий. Социализация как процесс важен для молодых респондентов в политическом плане (участие в жизни региона, информация о политическом участии жителей региона, сравнение — «как у нас и как в других регионах»). Среди ответов выделяется важность мобилизационной функции медиа: привлечение внимания к определенной социально-политической проблематике, а также возможность вызвать при помощи публикации широкий общественный резонанс и привести к социальным последствиям.

По ответам респондентов — не жителей Чечни, понятно, что основную информацию о республике они узнают из интернета. Большинство респондентов не бывали в Чеченской Республике. *См. рис. 1.*

На вопрос «Из каких источников вы получаете информацию о Чечне?» ответы распределились следующим образом: *см. рис. 2.*

Основную нагрузку в этом случае несут интернет и социальные сети (респонденты выделяют в ответах социальные сети в отдельную категорию).

Анализ результатов всех групп опрошенных показал: по мнению респондентов, чаще всего в СМИ встречаются новости о Чеченской Республике на тему политики, социальной сферы и культуры. На вопрос «Каких новостей вы встречаете больше?» ответы распределились таким образом: *см. рис. 3.*

В открытом вопросе «Какой информации вам не хватает?» респонденты распределили ожидаемые, но не полученные пока публикации следующим образом. *См. табл. 1.*

При этом для исследования было важно выявить установку пользователя интернет-контента при обращении к средствам массовой информации. Ниже — результаты ответов молодых людей — студентов вузов Москвы и Петербурга, а также молодых людей, живущих в Чечне (данные публикуются по абсолютной — число ответов — и относительной — процент участвующих в данном опросе — величинам): *См. рис. 4*

Таким образом, основная мотивация обращения к материалам в медиасфере — быть в курсе событий, на втором месте — необходимость получения информации, связанная с основной деятельностью (работа, учеба). Следовательно, показатели, полученные в ходе опросов, связанные с намерениями и мотивацией, могут быть валидными для формирования медиаобраза республики. Отмечено, что мотивационные составляющие не всегда коррелировали с имеющимися знаниями объективного и эмоционального характера, так как на вопрос «Какие из приведенных высказываний соответствуют ситуации в регионе?» респонденты отвечали, как показывают данные, по наитию, без обоснования ответов. На данный вопрос ответили 179 человек. *См. рис. 5*

Наряду с опросом, осуществлен мониторинг СМИ Чеченской Республики, данные которого автор экстраполировал на результаты опросов. По данным опросов, тематика медиавыступлений о Чечне не всегда воспринимается читателем так, как того хотят авторы и издатели. В реализации стратегических коммуникаций медийной политики целесообразно расставить акценты. Так, в ответах респондентов нечетко обозначалась тема духовно-нравственного просвещения, хотя интерес к ней активно проявлялся в ответах (хочу знать, как там люди живут, хочу поехать на экскурсию, больше публикаций о природе и т.п.). Опрос потребителей медиа показал, что интерес к духовно-нравственной тематике высокий. Респонденты распределили медиаинформацию об основных ценностях, которую они получают или хотели бы получать в большей мере, в следующем порядке: этика, нравственная культура, особенности чеченского характера, честь, благородство, соревновательность, милосердие, мудрость.

В эпоху информационных технологий представление о реальности происходящего в жизни человека напрямую зависит от массмедиа. В профессиональном поле СМИ под определенным углом зрения активно тиражируются факты и явления, мнения и взгляды, моделирующие в массовом сознании образ пространства жизненного существования. Медиаобраз той или иной территории воспринимается как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ [11, 95]. Стратегические коммуникации могут обозначать проблему сохранения самобытности культуры народа наряду с цифрами экономики и данными о социальных проблемах. Духовные ценности, выраженные в культуре того или иного этнического сообщества, оказывают значительное воздействие на все стороны его жизни. По мнению К. Х. Межиевой, «наряду с существующими правовыми нормами они выступают в роли регулятора общественной жизни» [12].

Результаты исследований, обозначенные в данной статье, являются пилотными в достижении важной для медийной политики Чеченской Республики цели: поиска эффективных стратегических коммуникаций с учетом требований времени. Среди направлений дальнейших исследований и дальнейшей работы над медиаобразом ЧР можно выделить направления: создание новых информационных продуктов и конвергентного контента [13]; упрощение процесса потребления информации: охват редакцией СМИ максимального количества платформ социальных сетей и мессенджеров, чтобы гарантировать максимально возможному числу потребителей доступ к контенту в удобном для них формате [9]; возможность подписки на определенные разделы каждого СМИ на базе мессенджеров или электронной почты; предоставление потребителям медиа новых воз-

можностей участия в создании пользовательского контента. Особого внимания заслуживает развитие и совершенствование таких факторов, как типологическое разнообразие современных СМИ по способу подачи информации и по уровню качества контента.

Новый медиаобраз Северного Кавказа, ориентированный на связь частного и общего, прошлого и будущего, современности и традиционных ценностей, позволит укрепить политические, экономические и социокультурные позиции региона [10], систему информационной безопасности региона [14, 522]; продолжить историю благотворного существования как региона России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова С. М. Конструирование внешнего медиаобраза России в контексте национальной безопасности (десять лет спустя) / С. М. Виноградова, Г. С. Мельник // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: матер. междунар. науч. конф. (22–23 ноября 2018 г.). — СПбГУ, 2018. — № 4.
2. Хочунская Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект / Л. В. Хочунская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2013. — № 2. — С. 91–93.
3. Драчева Ю. Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах / Ю. Н. Драчева // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2019. — № 2. — С. 134–146.
4. Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике / Т. Н. Галинская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 11 (160). — С. 91–94.
5. Салтыкова А. С. Понятие медиаобраза и его основные характеристики / А. С. Салтыкова // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сб. статей Всероссийской 70-й ежегодной научно-практической конференции. — Киров: Вятский государственный университет, 2017. — С. 3428–3433.
6. Дьяченко О. В. Российские СМИ в социальных сетях Facebook и во «ВКонтакте»: анализ активности и информационных предпочтений аудитории / О. В. Дьяченко // Вестник Московского государственного университета. Серия 10. Журналистика. — 2016. — № 1. — С. 28–45.
7. Елинер И. Г. Современная мультимедийная система и проблемы ее оптимизации / И. Г. Елинер // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 01 (18). — С. 27–31.
8. Старых Н. В. Стратегические коммуникации: базовые принципы проектирования / Н. В. Старых // Вестник Московского государственного университета. Серия 10. Журналистика. — 2013. — № 2. — С. 5–26.
9. Паулов С. В. Медиатизация политики и место СМИ в системе политической коммуникации / С. В. Паулов // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2008. — С. 26–30. // <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-politiki-i-mesto-smi-v-sisteme-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 18.04.2021).

10. Выровцева Е. В. Стратегические коммуникации современных изданий в социальных медиа / Е. В. Выровцева, А. Ю. Мохвин // Челябинский гуманитарий. 2017.— № 3 (40).— С. 13–23.

11. Евсеев А. Ю. Медиаобраз Северного Кавказа в СМИ Чеченской Республики как инструмент национальной идентификации / А. Ю. Евсеев, И. В. Ерофеева // Гуманитарный вектор.— 2020.— Т. 15.— № 5.— С. 116–125.

12. Марущак А. В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве / А. В. Марущак // Журналистский ежегодник.— 2012.— № 1.— С. 93–96.

13. Межиева К. Х. Духовные ценности чеченцев как регулятор общественной жизни и модернизационные процессы / К. Х. Межиева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.— 2009.— № 3–5.— С. 115–118.

14. Борзаев Б. Р. Особенности развития языка чеченских СМИ в период перехода от тоталитарного режима к демократическим преобразованиям / Б. Р. Борзаев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.— 2016.— № 5.— С. 520–523.

Рисунок 1

Были ли Вы когда-нибудь в Чеченской республике?

180 ответов

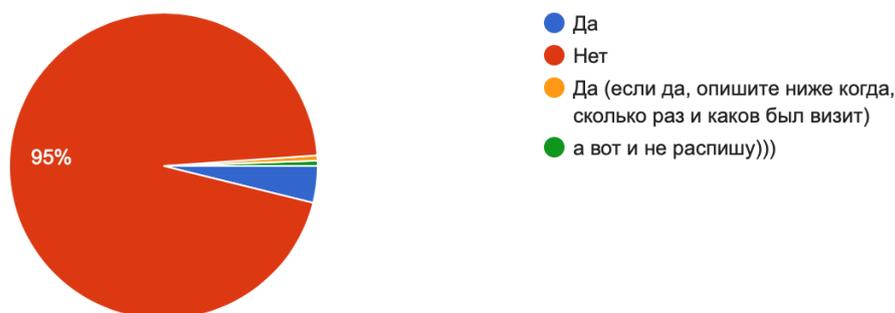

Рисунок 2

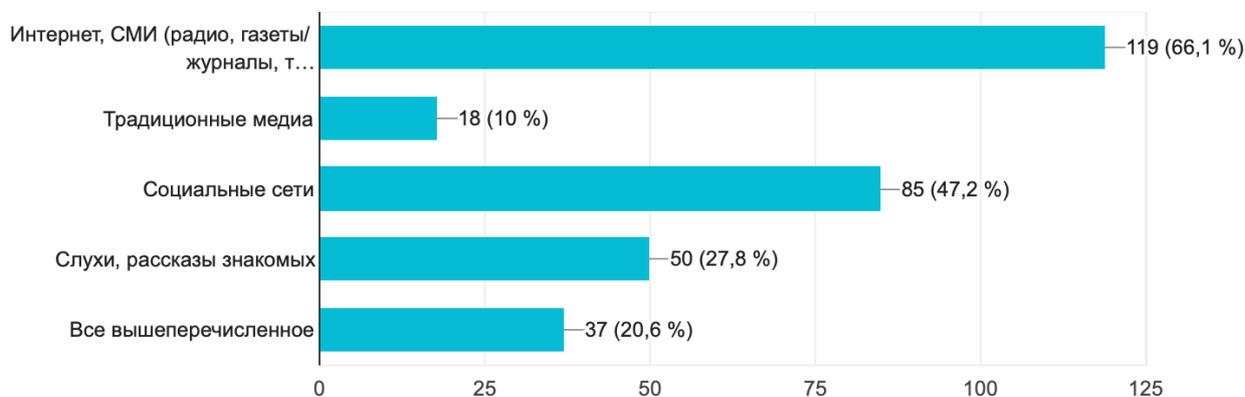

Рисунок 3

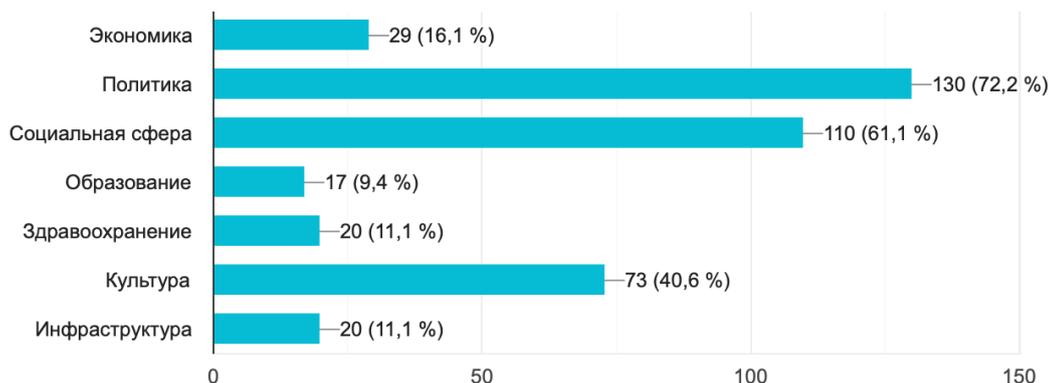

Таблица 1

Тематика, названная респондентами	Количество назвавших тематику среди (% от всех опрошенных)
Образование	50%
Жизнь в России (в целом, в том числе и в Чечне)	46%
Культурная жизнь региона	37%
Экономика республики	15,6%
Инвестиционный климат	15%
Политика	11%
Транспорт, дорожное хозяйство	7,2%
Безопасность проживания /нахождения	1%
Всего хватает	0,6%
Не интересуюсь	0,6%

Рисунок 4

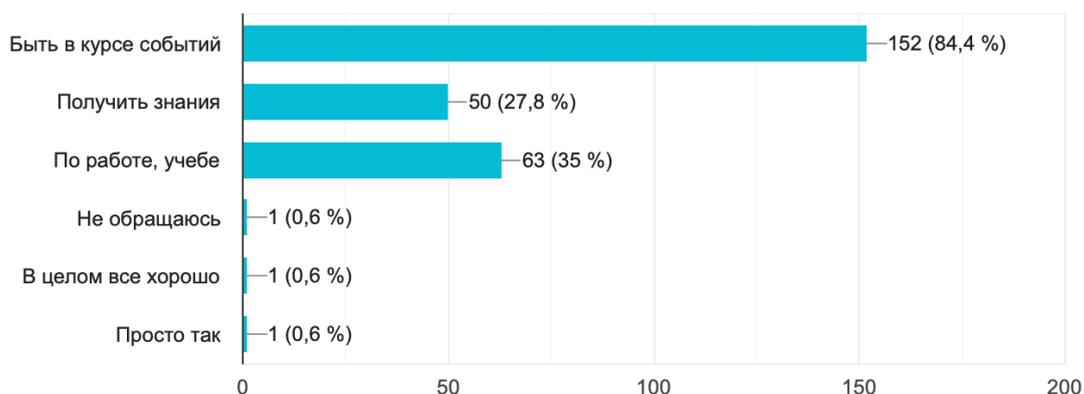
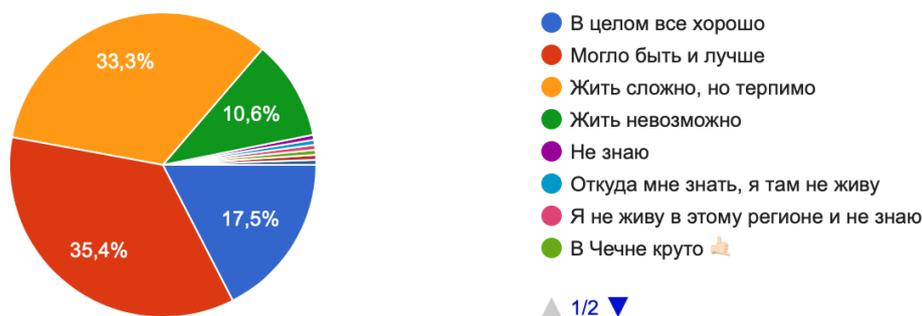

Рисунок 5

Какое из нижеизложенных высказываний соответствует ситуации в регионе?

179 ответов

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации

Евсеев А. Ю., старший преподаватель

E-mail: evseevau@mail.ru

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Evseev A. Yu., Senior Lecturer

E-mail: evseevau@mail.ru

МОТИВИРОВАННОСТЬ РЕЧЕВЫХ НЕПРАВИЛЬНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ

М. В. Калинина, М. А. Калинина

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

Поступила в редакцию 1 марта 2021 г.

Аннотация: целью данного исследования является рассмотрение мотивированности использования речевых неправильностей в текстах интернет-изданий как формально-семантического и функционального свойства языковых элементов. Предпринимается попытка интерпретации языковых нарушений, встречающихся в самых цитируемых интернет-изданиях по состоянию на 2020 г. Предполагается, что мотивированность наделяет языковую единицу потенциалом включения ее в нормативные языковые средства.

Ключевые слова: мотивированность, речевая неправильность, языковые нарушения, интернет-издания, прагматика.

Abstract: the purpose of this study is to consider the motivation for the use of speech irregularities in the texts of online publications as a formal, semantic and functional property of language elements. An attempt is made to interpret the language disorders found in the most cited online publications as of 2020. It is assumed that motivation gives a language unit the potential to include it in the normative language means.

Keywords: motivation, speech irregularity, norm, online publications, pragmatics.

Для современной лингвистики характерно усиление интереса к новой культурно-речевой ситуации в СМИ, связанной с нарушением языковых и стилистических канонов. Свобода выбора средств выражения поставила перед исследователями вопрос о том, каковы источники обновления литературной нормы, чем мотивированы языковые нарушения в СМИ.

В данной работе предметом исследования становятся намеренные нарушения литературной нормы, которые встречаются в самых цитируемых интернет-изданиях: «Аи Ф.ру.», «Новая газета» (далее НГ), «Российская газета» (далее РГ), «Известия», «Комсомольская правда» (далее КП), «Московский комсомолец» (далее МК), Gazeta.ru, dni.ru. (по данным мониторинга, проводимого компанией «Медиалогия» в 2020 г.). Уровень языковой компетентности журналистов и выпускающих редакторов данных изданий помогает нам проследить, как формируется норма в языке СМИ и какие отступления от литературного канона вносят новые оттенки в стилистику СМИ.

Для современной публицистики характерна раскрепощенная, демократичная манера письма, зачастую противоречащая языковой норме. Использование речевых неправильностей и образной лексики направлено на усиление эмоциональности сообщения, «поскольку нормативно-стилистические качества речи — это то, на что люди обращают внимание в первую очередь, то, что вызывает оценочную реакцию» [1, 49]. Для публицистики оценка явля-

ется «интенциональной основой механизмов модализации, служащих задачам идеологии, поскольку выполняет функцию связующего звена между ментальной сферой говорящего и социально-культурным контекстом» [2, 53]. Соответственно, отдавая предпочтение не нормативному языковому средству, а средству, обладающему стилистическим зарядом, авторы ориентируются на потенциальный коммуникативно-прагматический эффект сообщения. В этом случае языковые отклонения являются мотивированными, что проявляется «в формальных, семантических, формальносемантических, значимостных и функциональных связях, обуславливающих те или иные свойства единиц языка» [3, 7]. Соответственно, мотивированность наделяет языковую единицу потенциалом включения ее в нормативные языковые средства, но не стоит забывать о том, что отклонение от нормы следует считать мотивированным только в том случае, если оно оправдано авторскими интенциями, а также самим содержанием материала.

Целенаправленное нарушение языковых норм становится отличительной особенностью манеры речевого поведения многих журналистов, которые нередко строят свои материалы таким образом, что ненормативность какого-либо фрагмента текста (часто это элементы заголовочного комплекса — шапка, заголовок, подзаголовок) становится смысловым и эмоциональным центром публикации [4, 46]. Так, на наш взгляд, тенденция к оценочности вызывает переосмысление значения лексических единиц, сдвиги в их семантике. Например, это про-

исходит со словом «шок», которое приобретает новое значение, еще не отмеченное в новейших толковых словарях, — «приятное удивление»: *Артистка повергла подписчиков в шок* (возникает представление, что далее речь пойдет о чем-то ужасном, негативном, что, по мнению журналиста, и должно привлечь читателей) — *настолько похорошела за время самоизоляции* (dni.ru., 03.11.2020). Семантика первой заголовочной части не совпадает со второй, где речь идет не о нарушении норм приличия, а говорится о похорошевшей героине. Кроме того, словосочетание «повергнуть в шок» отсылает нас к разговорной форме «в шоке», имеющей широкое распространение и заменяющей литературное выражение «быть шокированным». Это дает основание предположить, что разговорный оборот речи вытесняет книжную форму в языковом пространстве СМИ.

Семантические сдвиги и семантическая деривация, которые подталкиваются стремлением говорящих к экспрессивности, как правило, приводят к расширению семантического объема, что подразумевает не только увеличение количества значений слова, но и расширение сферы его употребления [5, 130]. Например: *На Совете при президенте РФ по культуре и искусству, прошедшем на этой неделе, эксперты назвали самые чувствительные проблемы* (РГ, 30.10.2020). Так, лексема «чувствительный» используется в несвойственном сочетании с существительным «проблемы», в результате приобретающим «психологически релевантное значение» (термин А. А. Леонтьева) [6, 197] или «психолингвистическое значение» (термин И. А. Стернина), которое «всегда шире и объемней, нежели его лексикографический вариант» [7, 8]. Национальный корпус языка отмечает употребление данного словосочетания опять же в интернет-издании в разделе «Политика»: *По мнению Кудрина, Brexit на Россию существенно не влияет, так как у нашей страны есть свои более чувствительные проблемы* (Gazeta.ru, 24.06.2016). Таким образом, выражение «чувствительные проблемы» может стать устойчивым в значении «требующие решения» или эквивалентным идиоме «слабое место».

Точность, ясность употребляемых слов перестала быть важной для журналистов, но иногда двусмысленность, которая рассматривается как нарушение коммуникативных качеств речи, может нести определенный прагматический эффект и воспринимается тогда уже как стилистический прием — оксюморон: *Ничья в нашу пользу* (НГ, 23.01.21). Таким заголовком автор статьи пытается привлечь внимание читателей к проблемам Байкала, подчеркивает противоречивость правительственного постановления об уровне воды в озере Байкал, прибегая к абсурдному заголовочному блоку.

Стремление черпать экспрессию из запасов разговорной лексики все чаще наблюдается у журналистов тех изданий, целевая аудитория которых может поло-

жительно оценить такой ход: *В конце 2018 года президент России Владимир Путин и тогдашний (разг.) премьер-министр Японии Синдзо Абэ договорились об активизации российско-японских переговоров* (Известия, 26.10.2020.); *В хаотичном потоке властных репрессий, направленных на самосохранение, весть о питерском суде над японскими мультфильмами затерялась как бугагашный (сленг.) курьез, недостойный общественного внимания* (НГ, 23.01.21); *Материал Татьяны Юрасовой о месте подготовки предполагаемых «титущек»* (жаргонное слово, которым на Украине стали обозначать крепких молодых людей в спортивных костюмах, выступающих в роли провокаторов на гражданских акциях) *удален по требованию Роскомнадзора в 15:20 (мск) 23 января* (НГ, 23.01.23). Можно лишь предположить, что обилие подобных примеров разговорных, просторечных, а также жаргонных и инвективных выражений, встречающихся на страницах интернет-изданий, является частью стратегии издательства, стремящегося расширить свою аудиторию за счет использования подобной лексики. Однако не стоит забывать о том, что описание и комментирование каких-либо явлений или событий требует от журналиста не только их оценки (порой очень эмоциональной), но и «серьезной ауторефлексии, которая невозможна без обращения к справочным изданиям по русскому языку» [8, 42].

Мотивированными, функционально обусловленными, могут быть и нарушения сравнительно устойчивых пунктуационных норм. Так, приемом, усиливающим «эмоциональное, интеллектуальное и информационное воздействие на читателя» [9, 7], является парцелляция: *Отрезали голову — и отрезали. Где-то кто-то кому-то. Ну так получилось. Бывает* (Gazeta.ru, 02.11.2020); *Французские власти решили «вышибать клин клином». Информационным* (Gazeta.ru, 02.11.2020); *Ноябрь. Вступает в силу* (РГ, 30.10.2020). Точка в данных предложениях подчеркивает и выделяет важную для процесса внушения информацию, актуализирует определенные лексические единицы [10, 258]: *где-то кто-то кому-то, так получилось, бывает* и т.д. Подобная структура предложений не только вызывает интерес у читателя, привлекает его внимание, воздействует на сознание и усиливает восприятие информации, но и отражает действие закона экономии языковых средств как в плане синтаксической организации заголовочного текста, так и в целях уточнения его семантического наполнения. В целом же тенденция к расчлененности характерна для разговорной речи, а живая речь носителей языка оказывает непосредственное воздействие на язык публицистики, проявлением этого влияния является широкое распространение расчлененных, парцелированных конструкций.

Мотивированность использования речевых неправильностей в текстах интернет-изданий как фор-

мально-семантическое и функциональное свойство языковых элементов, таким образом, может быть обусловлена лингвистическими и экстралингвистическими факторами. В качестве экстралингвистических факторов, как правило, выступает стремление авторов к выразительности речи, желание усилить эмоциональное воздействие на читателя, в результате чего происходят семантические сдвиги, расширяется смысловой объем слов, развиваются новые ассоциативные связи на разных языковых уровнях и осуществляются отступления от традиционных правил постановки знаков препинания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вепрева И. Т. Рефлексия как аксиологическая основа формирования стилистической нормы / И. Т. Вепрева // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н. А. Купиной. — Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2000.
2. Дускаева Л. Р. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры / Л. Р. Дускаева, Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3 (49). — С. 51–57.
3. Хазимуллина Е. Е. Типы мотивированности языковых единиц (на материале русского и некоторых других языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Хазимуллина. — Уфа, 2000.
4. Ляпун С. В. Газетная экспрессия в новой культурно-речевой ситуации / С. В. Ляпун // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствознание. — 2008 — № 10. — С. 45–50.
5. Калинина М. А. Векторы семантической деривации заимствованной лексики в русском языке / М. А. Калинина, М. А. Захарова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — № 6. — 2019. — С. 128–135.
6. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. — М., 1969.
7. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова / И. А. Стернин // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2011. — № 1. — С. 5–13.
8. Базылев В. Н. Инвективность медийного языка: логика понятия и оценочные коннотации / В. Н. Базылев // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. — Орел, 2019. — Вып. 16. — С. 30–43.
9. Богоявленская Ю. В. Парцелляция газетных заголовков: динамический аспект (на материале газеты «Коммерсантъ») / Ю. В. Богоявленская // Вестник Томского гос. университета. — 2013. — № 373. — С. 7–13.
10. Калинина М. В. Пунктуационные приемы выражения экспрессии (на материале современных сетевых заголовков) / М. В. Калинина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — Вып. 3. — С. 257–261.

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

*Калинина М. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы
E-mail: kalinina_8181@mail.ru*

*Калинина М. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы
E-mail: kalinina_8181@mail.ru*

*Volgograd State Institute of Arts and Culture
Kalinina M. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian, Foreign Languages and Literature Department
E-mail: kalinina_8181@mail.ru*

*Kalinina M. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian, Foreign Languages and Literature Department
E-mail: kalinina_8181@mail.ru*

СОВЕТСКИЕ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ СССР И ТАИЛАНДОМ В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Палахан Наттаноп

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 28 декабря 2020 г.

Аннотация: в данном исследовании рассматривается роль и деятельность советских СМИ в Таиланде в оформлении культурных связей между СССР и Таиландом при обострении идеологического противостояния в послевоенном мире, в период холодной войны.

Ключевые слова: народная дипломатия, холодная война, Агентство печати «Новости», Таиланд.

Abstract: *this research aims to study role and activities of Soviet media in Thailand in the process of cultural relations formation between the USSR and Thailand in the intense post-war ideological confrontation, the Cold War period.*

Keywords: *people's diplomacy, Cold War, Novosti Press Agency, Thailand.*

Политика СССР в сфере международных отношений после Второй мировой войны изменилась из-за нового идеологического противостояния, знаменовавшего холодную войну. Со стороны социалистических стран, осознавших опасность объявленной информационной войны, принимались ответные меры, ориентированные на зарубежную аудиторию [1, 196]. Главное советское зарубежное информационное агентство во время Великой Отечественной войны Советское информационное бюро (Совинформбюро) с 1946 г. было вынуждено пересмотреть информационную политику: от оборонительного характера перейти к освещению и популяризации позитивного образа и преимуществ жизни советского общества [1, 66]. В 1961 г. на базе Совинформбюро было создано Агентство печати «Новости» (АПН) с целью «широкого распространения за рубежом правдивой информации о СССР» [2]. Одновременно с 1950-х гг. в международной деятельности СССР была введена практика народной дипломатии, когда осуществлялись мероприятия масштабных культурных обменов между странами и народами среди простых граждан для формирования привлекательного образа СССР [3, 38].

Эта задача в Таиланде возлагалась советским правительством на деятельность Совинформбюро (АПН) — единственное в ту пору советское СМИ, работавшее в Таиланде. Агентству пришлось налаживать свою деятельность в условиях радикальной антикоммунистической политики тайских властей, находящейся под влиянием США. Кроме того, в тайском обществе существовали также антисоветские настроения среди левых, так как с 1961 г. главная коммунистическая организация страны — Комму-

нистическая партия Таиланда (КПТ) после идеологического раскола между СССР и Китаем признавала маоизм как главенствующую идеологию в борьбе за власть с консерваторами-роялистами [4, 36].

Целью данного исследования является изучение условий деятельности советского информационного агентства по формированию позитивного образа СССР в Таиланде, выявление специфики взаимодействия с тайским обществом, его различными политическими силами в условиях холодной войны.

При изучении данной темы мы обратились к документам, хранящимся в государственном архиве Российской Федерации и в национальном архиве Таиланда. Прежде всего, это отчеты Совинформбюро/АПН, доклады о коммунистической пропаганде со стороны Таиланда. Нами также были рассмотрены резолюции заседания правительств СССР и Таиланда, проанализированы все известные выпуски журнала «Советский Союз» на тайском языке. Важными оказались диссертации В. В. Битюцкой [3] и Ю. М. Лаврентьевой [1] о советской зарубежной пропаганде; работа Р. Фирамонтри [5] о развитии интереса к изучению России в Таиланде, труд Н. Тьяйттинга [6] об американской пропаганде в Таиланде; работы К. Течапхиры [7], С. Тьямтирасакуна [8], С. Йимпра-серта [9], В. Вилайтхонг [10], Б. Сумы [4], Т. Пхын-кантхая [11] о левых движениях периода холодной войны в Таиланде. К исследованию привлечены также воспоминания тайских деятелей культуры о посещении СССР.

Совинформбюро/АПН с первых лет существования советской дипломатической миссии в Таиланде в 1948 г. для выполнения поставленных задач пыталось установить контакты с левыми активистами страны. В работе над материалами на тайском языке в Совинформбюро принимал участие первый

тайский сотрудник Супхат Сукхонтапхиром [9, 275], ближайший сподвижник идеолога демократической революции 1932 г. Приди Пханомйонга [7, 118]. В период активного взаимодействия в 1950-х гг. с Всетаиландским комитетом защиты мира, в который входили левые активисты и друзья Супхата, в том числе выдающийся левый публицист Кулаб Сайпрадит, Совинформбюро готовило материалы для ведущей газеты КПТ «Махачон» [12, 179]. Сотрудничество Совинформбюро с левыми движениями почти полностью прекратилось во время масштабных репрессий против коммунистов, когда правительство объявило деятельность Всетаиландского комитета защиты мира попыткой захватить власть в ноябре 1952 г. [9, 300]. Супхат был арестован вместе с рядом левых активистов. Они были освобождены лишь в 1957 г. в честь 2500-летия буддизма.

Однако, несмотря на обстоятельства, Совинформбюро продолжало вести информационную работу: в марте 1956 г. молодежные агитаторы распространяли материалы Совинформбюро о бесплатном обучении в СССР среди студентов главного университета страны — Университета им. короля Чулалонгкорна. Одим из агитаторов был будущий главный тайский левый идеолог и публицист Тьит Пхумисак [13]. В 1957 г. после освобождения из тюрьмы Кулаб Сайпрадит был приглашен в СССР для участия в праздновании 40-летия Октябрьской революции. После поездки он опубликовал воспоминания «В Советский Союз», получившие впоследствии широкую известность [14]. Судьба Супхата сложилась драматично: вместе с другими он был арестован еще раз после переворота в октябре 1958 г. [10, 96]. Также были обвинены в коммунистическом движении и арестованы супруги Удон и Чыачан Тапаносот, которые были тесно связаны с деятельностью Совинформбюро/АПН [15, 91]. Они были освобождены лишь в 1962 г., когда идеологические тенденции среди коммунистов резко изменились: КПТ безоговорочно приняла маоизм и стала вести антисоветскую пропаганду. После идеологического раскола АПН еще долгое время сохраняло связи со старыми коллегами: Супхат работал переводчиком АПН и переводил русскоязычные книги [16]. Он развивал свою альтернативную социалистическую идею «Буддийский марксизм» [17]. Супруги Тапаносоты также сотрудничали с агентством: Удон после завершения контракта с московским радио в 1975 г. долгое время работал переводчиком русскоязычных книг [18]. Его жена Чыачан работала на московском радио в 1966–1992 гг. [19].

Интересен вопрос влияния Совинформбюро/АПН на деятелей культуры, не являвшихся левыми активистами и членами КПТ Таиланда. С первых лет своей работы Совинформбюро пыталось связаться с левыми движениями и активистами. Такие связи почти приостановились после масштабных репрессий против левых активистов в 1958 г. и принятия

маоизма в качестве главной идеологии коммунистической партии Таиланда в 1961 г. [4, 36]. Политика Таиланда по отношению к СССР стала более мягкой, когда правительство разрешило посетителю группе советских артистов Таиланд в октябре 1963 г. [20]. Первой негосударственной делегацией из Таиланда стала ассоциация женщин, которой разрешили поездку в СССР в 1967 г. [21]. Роль АПН в этих культурных обменах была очень значительной: публикации сопровождали визиты во всех подробностях, что давало возможность читателям обеих стран ближе узнать друг друга.

В это же время АПН продолжает развивать связи с издателями и писателями. После публикаций материалов в англоязычной газете «Бангкок уорлд» до 1970 г. журнал «Советский Союз» с 1971 г. стал издаваться в том же издательстве «Даратхай» [22, 41]. Его издатель Сурат Буккавет имел хорошие связи с полицией, что было немаловажно, так как полиция осуществляла цензуру изданий. Издателю было предоставлено право на самостоятельную цензуру всех материалов журнала [23, 49]. В 1974 г. вице-президент ассоциации писателей Таиланда Ладда Тханат-хатхакам побывала в СССР и в том же году издала воспоминания «Тайский писатель посетила Советский Союз» [24, 427]. В 1975 г. агентство предприняло попытку установить творческие связи с ведущим тайским публицистом 1970-х гг. Сулаком Сивараком [25, 18–19]. После сотрудничества с издательством «Прэпиттхая» издатель Пхончай Прэпханит был приглашен на 4-й Международный конгресс переводчиков и издателей советской литературы за рубежом в 1975 г. [26, 309]. Кроме того, Агентство печати «Новости», чтобы представить в эфире советские фильмы [25, 40], налаживало также связи с коллегами в Таиланде.

Сотрудничество с буддистоведами стало еще одним направлением работы Агентства печати «Новости». Так как большинство тайцев — буддисты, АПН стремилось рассказать тайским читателям о буддизме в СССР. По данным опроса агентства в 1974 г., буддистские монахи составляли важную часть среди постоянных читателей журнала «Советский Союз» [27, 159]. АПН организовало поездку группе тайландских буддистов для посещения буддийских храмов в СССР. Первая такая группа, которой руководила президент Всемирного братства буддистов принцесса Пхунпхитсамай Диссакун, побывала в СССР в 1976 г. [28, 29–31]. В 1975 г. началось обучение русскому языку в государственных университетах Таиланда — сначала в Университете Тхаммасат и потом в Университете им. короля Рамкхамхэнга. В то время обучение русскому языку находилось под строгим наблюдением властей Таиланда и ограничивалось только изучением языкознания, но не литературы и истории России [5, 66–67]. Попытка расширить преподавание областей знания о России удалась отчасти только

при М. Горбачеве, когда педагогические кадры государственных учреждений получили возможность посещать СССР и встречаться с представителями советских вузов [29, 16–19]. Однако ожидаемое расширение областей изучения России в университетах Таиланда произошло лишь в 1990-х гг. И все же АПН стремилось расширять культурное взаимодействие: так, в сотрудничестве с преподавателем Университета им. короля Рамкамхэнга Пхатчарапхи Тхапаносот, дочь бывшего диктора Удона Тхапаносота, была создана колонка «Изучайте русский язык самостоятельно», которая выходила в журнале «Советский Союз» с 1987 г. [30, 8].

При Горбачеве отношения в сфере культуры между СССР и Таиландом развивались очень активно. Страницы журнала «Советский Союз» на тайском языке теперь были наполнены большим количеством материалов о событиях в сфере культурных связей между двумя странами. В 1986 г. в Доме дружбы народов состоялась конференция в честь 200-летия знаменитого тайского поэта Сунтхонпху, в которой по приглашению АПН приняли участие известные тайские поэты Науварат Пхонгпхайбун и Сутгьит Вонгтхет. Они выступили на конференции с чтением произведений Сунтхонпху, участвовали во встречах с сотрудниками Союза советских обществ дружбы и Института мировой литературы им. А. М. Горького, а также другими востоковедами [31, 32–33]. Известный публицист и буддистовед Сулак Сиварак продолжал свое сотрудничество с АПН на протяжении долгого времени. После посещения СССР в 1989 г. он в Доме дружбы народов представил фотовыставку в честь известного тайского ученого и культуролога профессора Пхрая Ануман Ратгьятхон [32, 21].

Далее рассмотрим связи советских СМИ в Таиланде с официальными лицами в сфере культуры. С первых лет существования советской дипломатической миссии в Таиланде в 1950-х гг. предпринимались попытки со стороны СССР создать рабочие отношения с государственными органами Таиланда по разным направлениям деятельности, которые, однако, долгое время ни к чему не приводили. Политика Таиланда в период холодной войны неизменно была направлена против распространения коммунизма.

Несмотря на такую враждебную официальную позицию, СССР стремился к установлению рабочих отношений с официальными лицами Таиланда, чтобы обеспечить доступ позитивной информации для тайской аудитории о жизни в СССР и создания позитивного имиджа советской страны. Это было особенно важно в условиях влияния маоизма и антисоветизма в Таиланде среди коммунистических движений после идеологического раскола между СССР и Китаем. Первый успех в процессе установления связей с официальными лицами Таиланда произошел только в 1961 г., когда правительство Таиланда впервые дало разрешение Совинформбюро на показ совет-

ских фильмов в Культурной аудитории Культурной аудитории министерства образования Министерства образования, являвшейся государственным учреждением, — для ограниченного круга лиц (госслужащих и сотрудников иностранных дипломатических миссий) [33]. После этого разрешения Совинформбюро/АПН начало расширять сотрудничество с официальными лицами и учреждениями, чтобы выполнить главную цель агентства — распространение правдивой информации о СССР [2].

Связи и сотрудничество агентства с деятелями госинститутов культуры быстро развивались, несмотря на усиление идеологической борьбы после объявления «народной войны» КПТ против властей Таиланда 8 августа 1965 г. Неоднократные попытки установить постоянные связи с руководством госинститутов культуры увенчались успехом в 1966 г., когда директор департамента искусств Министерства образования Тханит Юпхо, бывший также крупнейшим деятелем в руководстве страны в сфере культуры, принял приглашение посетить Советский Союз после официального разрешения от правительства в июле 1966 г. [34]. После визита Тханит Юпхо предложил агентству опубликовать серию из 8 статей под рубрикой «Из истории русско-тайских отношений» в англоязычной газете «Бангкок уорлд». При этом он продолжительное время материально поддерживал работу АПН в этой колонке [35, 163]. Но успех этого проекта не получил продолжения. Когда в следующем году АПН обратилось в Министерство иностранных дел Таиланда с просьбой разрешить показ по телевидению выступления посла СССР М. М. Волкова в честь 50-летия революции, то, несмотря на предварительное согласие, оно все же было «в конце-концов запрещено по решению правящего военного кабинета фельдмаршала Киттикачона» [36, 18].

Каждый выпуск журнала «Советский Союз» на тайском языке и все материалы Агентства печати «Новости» для других периодических изданий находились под строгой цензурой королевской полиции, поэтому полиция, несомненно, также считалась официальным лицом в сфере культуры. После многократных задержек цензурой материалов в 1960–70-х гг., а также отказа получить разрешение на издание журнала на китайском языке, представители АПН в марте 1975 г. обратились в отдел цензуры и к главе центрального бюро расследований королевской полиции Таиланда генерал-майора полиции Ари Карибута. Было обещано рассмотреть вопрос о разрешении на публикацию журнала на китайском языке, несмотря на официальную политику страны по органичению китайских изданий [25, 36]. И поскольку полиция владела одной из популярных радиостанций Бангкока — радио «Самйот», агентству было разрешено установить сотрудничество с этой радиостанцией. Редактор станции, работавший также

следователем, майор полиции Тьярык Меквичай сам отвечал за цензуру и перевод советских материалов, переданных агентством. Поэтому распространение информации по этому каналу проводилось быстро. При встрече с представителями АПН он даже пообещал расширить круг представляемых советских материалов, в том числе и музыку советских композиторов [25, 42].

В 1974 г. был продемонстрирован политический жест открытости со стороны властей Таиланда: СССР решила посетить старшая сестра короля Рамы IX принцесса Калаяни Ваттана. Это посещение получило широкое освещение АПН, кроме того, оно позволило привлечь внимание тайского общества к публикациям о СССР в тайской прессе [37, 332]. В июле 1989 г. принцесса вновь посетила СССР и издала книгу о путешествии по Москве и Сибири под названием «В Сибири холодно?» [38]. Кроме того, кронпринц Таиланда принц Вачиралонгкорн (нынешний король Рама X) также побывал в СССР в мае того же года, где он очень интересовался советской авиационной техникой, поскольку сам был летчиком [39]. Все эти события получили широкое освещение в тайской прессе и способствовали установлению добрых отношений между странами.

Советские СМИ играли важную роль в процессе установления культурных связей с Таиландом. В этом процессе изменялись способы и формы отношений в сфере культуры в зависимости от характера исторического и политического контекста. До репрессий 1950-х гг. и идеологического раскола среди коммунистических стран Совинформбюро активно сотрудничало с левыми движениями и общественными активистами. После продолжительного периода репрессий и идеологических разногласий среди коммунистических государств Совинформбюро / Агентство печати «Новости» стремилось установить отношения с деятелями культуры и официальными лицами в сфере культуры. Несмотря на постоянную антикоммунистическую политику властей Таиланда, Совинформбюро / Агентство печати «Новости» находило различные способы вовлечения деятелей культуры Таиланда в сотрудничество, что давало возможность доносить до тайской аудитории информацию о жизни в СССР, формировать позитивный имидж страны, налаживать контакты между людьми и на официальном государственном уровне. Благодаря этим связям в АПН сформировался постоянный авторский круг тайских сотрудников, занимавшихся распространением советской культуры и русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврентьева Ю. М. Особенности технологий и методов информационно-психологических войн СССР с Великобританией и США в период 1939–1953 гг.: дис. ... канд.

филол. наук / Ю. М. Лаврентьева. — М, 2020.

2. РИА Новости. Агентство печати «Новости» // РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/20160403/1400951738.html> (дата обращения: 15.12.2020).

3. Битюцкая В. В. Советское информационное агентство: эволюция содержания и технологий деятельности (по материалам ТАСС): дис. ... канд. филол. наук / В. В. Битюцкая. — СПб, 2019.

4. บัญชา สุมา. การเคลื่อนไหวของพวกคอมมิวนิสต์กับนโยบายป้องกันและปราบปรามของรัฐบาล (พ.ศ.2500–2523) [Коммунизм и контрмеры властей Таиланда 1957–1980 гг.]: วิทยานิพนธ์ อ.ม.(ประวัติศาสตร์). กรุงเทพฯ, 2528.

5. ร่มย์ ภิรมนตรี. จากรัสเซียถึงรัสเซียศึกษา: ความเป็นมาและความจำเป็น [От программы по русскому языку до программы по изучению России: история и необходимость] // วารสารศิลปศาสตร์ มหาวิทยาลัยธรรมศาสตร์. — № 3 (2). — 2003.

6. อนุรักษ์ ใจจริง. การเมืองไทยสมัยจอมพล ป.พิบูลสงครามภายใต้ระเบียบโลกของสหรัฐอเมริกา พ.ศ.2491–2500 [Политика Таиланда при маршале П. Пхибунсонгкхрам в условиях мирового порядка Соединенных Штатов Америки 1948–1957 гг.]: วิทยานิพนธ์ ร.ด.(รัฐศาสตร์). กรุงเทพฯ, 2552.

7. Tejapira K. Commodifying Marxism: The Formation of Modern Thai Radical Culture, 1927–1958 / K. Tejapira. — Kyoto: Kyoto University Press, 2001.

8. Jeamteerasakul S. Communist Movement in Thailand: PhD Dissertation (Political Science) / S. Jeamteerasakul. — Melbourne, 1992.

9. สุทธชัย ยิ้มประเสริฐ. แผนชิงชาติไทย: ว่าด้วยรัฐและการต่อต้านรัฐสมัยจอมพล ป.พิบูลสงครามครั้งที่สอง (2491–2500) [План — захватить Таиланд: о власти и контрвласти 2-го премьерства маршала П. Пхибунсонгхрама (1948–1957)]. กรุงเทพฯ: 6 ตุลาคม 2550.

10. วิลลา วิลัยทอง. ทักษะกาลของจิตร ภูมิศักดิ์และผู้ต้องขังการเมือง [Время задержания Тьит Пхумисак и других политических узников]. กรุงเทพฯ: มติชน, 2556.

11. ธงชัย พึ่งกันไทย. ลัทธิคอมมิวนิสต์และนโยบายต่อต้านของรัฐบาลไทย (พ.ศ.2468–2500) [Коммунизм и контрмеры властей Таиланда 1925–1957 гг.]: วิทยานิพนธ์ อ.ม.(ประวัติศาสตร์). กรุงเทพฯ, 2521.

12. ГАРФ. Р4459. Оп. 27. Д. 11605.

13. หอจดหมายเหตุแห่งชาติ. ศส.15/7 (23/03–04/05/2499).

14. กุหลาบ สายประดิษฐ์. ไปสหภาพโซเวียต [В Советский Союз]. กรุงเทพฯ: มูลนิธิเสฐียรโกเศศนาคะประทีป, 2548.

15. ทองใบ ทองเปาต์. คอมมิวนิสต์ลาดยาว [Коммунисты в тюрьме Латъяу]. กรุงเทพฯ: ข้าวฟ่าง, 2534.

16. เอ. วาย เอลยานอฟ; แปลโดย สุภัทร สุคนธาภิรมย์. ความเติบโตทางเศรษฐกิจและการตลาดในประเทศกำลังพัฒนา [Развивающиеся страны: производство и рынок]. กรุงเทพฯ: ศึกษิตสยาม, 2527.

17. สุภัทร สุคนธาภิรมย์ ณ พัทลุง. พุทธปรัชญาประยุกต์ [Прикладная буддийская философия]. นนทบุรี: สันติธรรม, 2528.

18. อ.อนิคิน; แปลโดย อุดร ฐาปนินสอ. ปีศาจเหลือง: ทองคำกับโลกทุนนิยม [Желтый дьявол. Золото и капитализм]. กรุงเทพฯ: คลังสมมติดาวฤกษ์, 2530.

19. РИА Новости. В Бангкоке простились с заслуженным ветераном советского радио // РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/20190122/1549739126.html>

(дата обращения: 05.09.2020).

20. มติคณะรัฐมนตรี 26.06.2506 “โฆษะเวียดเสนอขอสงคคะคนเลียดมาแสดง และเสนอแลกเปลี่ยนเจ้าหน้าที่วัฒนธรรมกับสงนักรทองเทียวมายประเทศไทย” [Советский Союз предлагает прислать группу артистов для концерта и провести обмен сотрудниками в сфере культуры и туризма с Таиландом] [อินเทอร์เนียด]. สำนักรเลขาธิการนายกรัฐมนตรี [เข้าถึงเมียด 06.09.2563]. เข้าถึงที่: https://cabinet.soc.go.th/soc/Program2-3.jsp?top_serl=101408&key_word=%E2%AB%E0%7%D5%2%B5&owner_dep=&meet_date_dd=&meet_date_mm=&meet_date_yyyy=&doc_id1=&doc_id2=&meet_date_dd2=&meet_date_mm2=&meet_date_yyyy2= (дата обращения: 20.09.2020).

21. มติคณะรัฐมนตรี 21.10.2510 “คณะกรรมการสตรีโฆษะเวียดเขียดนายกรสมาคมนตรีแห่งประเทศไทยและหมอมดุษฎี บริพัตร ไปเยียด สหภาพโฆษะเวียด” [Комитет советских женщин приглашил главу ассоциации женщин Таиланда и Дусуди Борипхат посетить Советский Союз] [อินเทอร์เนียด]. สำนักรเลขาธิการนายกรัฐมนตรี [เข้าถึงเมียด 06.09.2563]. เข้าถึงที่: https://cabinet.soc.go.th/soc/Program2-3.jsp?top_serl=73302&key_word=%C3%D1%CA%E0%AB%D5%2&owner_dep=&meet_date_dd=&meet_date_mm=&meet_date_yyyy=&doc_id1=&doc_id2=&meet_date_dd2=&meet_date_mm2=&meet_date_yyyy2= (дата обращения: 20.09.2020).

22. ГАРФ. Р9587. Оп. 2. Д. 712.

23. ГАРФ. Р9587. Оп. 2. Д. 741.

24. ГАРФ. Р9587. Оп. 2. Д. 1013а.

25. ГАРФ. Р9587. Оп. 2. Д. 1038.

26. ГАРФ. Р9587. Оп. 2. Д. 1083.

27. ГАРФ. Р9587. Оп. 2. Д. 1016а.

28. ด.กรับดานอฟ. ชาวพุทธไทยในสหภาพโฆษะเวียด [Тайские буддисты в Советском Союзе] // สหภาพโฆษะเวียด. ฉบับที่ 12. 2529. หน้า 29-31.

29. คอนสดันดิน การิบอฟ. อาจารย์มหาวิทยาลัยไทยเยียด ส.ส.ช.ส. [Таиландские преподаватели посетили СССР] // สหภาพโฆษะเวียด. ฉบับที่ 11. 2528. หน้า 16-19.

30. พัชรกี รูปโนสธ. เรียดภาษารัสเขียดด้วยตนเอง [Изучайте русский язык самостоятельно] // สหภาพโฆษะเวียด. ฉบับที่ 7. 2530. หน้า 8.

31. สุนทรภู ผู้ปฏิรูปวรรณกรรมไทย [Сунтхонпху — реформатор тайской литературы] // สหภาพโฆษะเวียด. ฉบับที่ 11. 2529. หน้า 32-33.

32. ยูรี พลัม. ชาวмосควารัฐกรพระยาอนุมานราชธน [Москвичи знают Пхрая Ануман Раттъятона] // สหภาพโฆษะเวียด. ฉบับที่ 2. 2533. หน้า 21.

33. มติคณะรัฐมนตรี 13.06.2504 “รัฐมนตรีกรทรวงการต่างประเทศเสนอเรื่องด่วน” [Срочные предложения министра иностранных дел] [อินเทอร์เนียด]. สำนักรเลขาธิการนายกรัฐมนตรี [เข้าถึงเมียด 03.09.2563]. เข้าถึงที่: https://cabinet.soc.go.th/soc/Program2-3.jsp?top_serl=100481&key_word=%E2%AB%E0%7%D5%2%B5&owner_dep=&meet_date_dd=&meet_date_mm=&meet_date_yyyy=&doc_id1=&doc_id2=&meet_date_dd2=&meet_date_mm2=&meet_date_yyyy2= (дата обращения: 20.09.2020).

34. มติคณะรัฐมนตรี 26.07.2509 “คณะผู้แทนวัฒนธรรมไทยได้รับเขียดให้ไปเยียดสหภาพโฆษะเวียด” [Представительство культуры Таиланда приглашено посетить Советский Союз] [อินเทอร์เนียด]. สำนักรเลขาธิการนายกรัฐมนตรี [เข้าถึงเมียด 04.09.2563]. เข้าถึงที่: https://cabinet.soc.go.th/soc/Program2-3.jsp?top_serl=112138&key_word=%E2%AB%E0%7%D5%2%B5&owner_dep=&meet_date_dd=&meet_date_mm=&meet_date_yyyy=&doc_id1=&doc_id2=&meet_date_dd2=&meet_date_mm2=&meet_date_yyyy2= (дата обращения: 20.09.2020).

35. ГАРФ. Р9587. Оп. 2. Д. 490.

36. ГАРФ. Р9587. Оп. 2. Д. 407.

37. ГАРФ. Р9587. Оп. 2. Д. 1018а.

38. กัลยาณีวัฒนา, สมเด็จพระเจ้าพินางเธอ เจ้าฟ้า. ที่โฆษะเวียดหนาวไหม [В Сибири холодно?]. กรุงเทพฯ: วงศักร, 2533.

39. อเล็กซานเดอร์ คาร์ดชาวา. สมเด็จพระบรมโอรสาธิราชฯ สเด็จเยียดสหภาพโฆษะเวียด [Кронпринц Вачиралонгкорн посетил Советский Союз] // สหภาพโฆษะเวียด. ฉบับที่ 7. 2532. หน้า 22.

Санкт-Петербургский государственный университет
Палахан Наттаноп, аспирант кафедры истории журналистики

E-mail: nattanop25898@hotmail.com

Saint Petersburg University
Nattanop Palahan, Postgraduate Student of the History Department

E-mail: nattanop25898@hotmail.com

ЧАСТНЫЕ ИЗДАНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: СОДЕРЖАНИЕ, ОФОРМЛЕНИЕ, АВТОРЫ

В. И. Овсейко

Оренбургский государственный университет

Поступила в редакцию 15 марта 2021 г.

Аннотация: в оренбургском медиапространстве независимые издания существуют 145 лет. Цель данной работы – исследовать практически не изученные оформительный и содержательный аспекты, авторский состав частных газет «Оренбургский листок», «Оренбургский край», «Степь», «Простор», «Вакыт», «Оренбургская газета», выходивших в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: частная газета, оппозиционное издание, содержание, авторы, оформление, реклама.

Abstract: independent publications have existed in the Orenburg media space for 145 years. The purpose of this work is to study the almost unexplored design and content aspects, the author's composition of the private newspapers «Orenburg Leaf», «Orenburg Region», «Steppe», «Prostor», «Vakyt», «Orenburg Newspaper», published in the late XIX – early XX century.

Keywords: private newspaper, opposition publication, content, authors, design, advertising.

Все частные оренбургские издания, выходившие на рубеже XIX–XX вв., отталкивались от издательской модели газетного номера, созданной в 1876 г. И. И. Евфимовским-Мировицким по примеру столичных газет: в каждом номере газеты должен быть социально значимый материал и реклама, под которую отдавались первая и четвертая страницы, а при необходимости и третья. При необходимости увеличивалась и полосность номеров. Выглядели издания довольно блекло. «Главное отличие — в подзаголовочной подписи» [1, 121], а также в логотипе, каждый из которых был оригинальным. Материалы верстались «веревочкой», в «подвалы» второй и третьей полос ставился фельетон или большая, с продолжением в других номерах, историческая, этнографическая статья. Статьи представляли собой большие серые массы текста, заголовки были мелкими. Одни были похожи на современные рубрики («Хроника», «Дума», «Происшествия», «Местные события», «Письмо в редакцию», «Театр и музыка»), другие — на названия научных статей («Впечатления, вынесенные при посещении вокзала оренбургской ж/д 6 марта 1877 г.»). Набирались они тем же строчным шрифтом, что и газетный текст, только темным.

Первой частной газетой был «Оренбургский листок», второй — «Оренбургский край», который сделал заметный рывок и в содержании, и в оформлении. Был увеличен формат издания до 51x35 сантиметров (формат «Листка» — 45x30 сантиметров), укрупнен текстовый шрифт. Редколлегия «Края» отдавала предпочтение более мелким материалам, увеличи-

вая таким образом их количество на полосе. Газета давала более широкий срез общества, география издания не ограничивалась территорией Оренбургской губернии. Издание привлекало широкий круг авторов. В частности, И. С. Шукшинцев в своей статье «Газета “Оренбургский край”» сотрудниками издания назвал 19 известных в Оренбурге и губернии авторов [2, 99]. Если И. И. Евфимовский-Мировицкий сознательно рассчитывал на себя как на пишущего редактора и три десятилетия был основным автором «Листка», то Н. А. Баратынский, по версии П. Н. Столпянского, видел свою задачу в том, чтобы возглавить попытку местной интеллигенции «издавать прогрессивную газету вместо захиревшего “Листка”» [3, 121].

Несмотря на наличие схожих приемов оформления, внешне частные издания, выходившие на рубеже XIX–XX вв., все же отличались. Наиболее необычными были логотипы газет «Оренбургский листок» и «Вакыт». Заголовок «Листка» придумал редактор-издатель И. И. Евфимовский-Мировицкий и сам вырезал его из дерева. Логотип «Вакыт» на арабском языке долго не могли изготовить специалисты из Санкт-Петербурга, поэтому он также был вырезан из бука местными мастерами.

Газета «Вакыт» издавалась на арабском языке, имела необычный, удлиненный формат 57x38 сантиметров, открывалась и читалась слева направо. Какие-либо иллюстрации отсутствовали, как и в других оренбургских частных изданиях, хотя издатели золотопромышленники-миллионеры братья Рамиевы не жалели средств, чтобы газета развивалась и была любима читателями. Газета многое сделала

для просвещения, развития самосознания и культуры татарского населения губернии и реформирования родного языка.

Самый большой формат (59х45 сантиметров) и аккуратная, современная на то время верстка — характерные особенности «Оренбургской газеты». Оппозиционные издания «Степь» и «Простор» можно назвать настоящими новаторами оформления. В отличие от других частных газет того времени они несколько раз меняли начертания логотипов и форматы, переходили из одной типографии в другую.

Частные газеты активно привлекали на свои страницы рекламу, чего не делали официальные издания, которые получали государственную поддержку, позволявшую не заботиться о финансах. Увеличение полосности происходило именно из-за большого количества рекламы. При необходимости под нее отдавали всю первую и четвертую полосы, а также 3, 4, 5, 6, 7, 8.

«Оренбургский листок», «Оренбургский край», «Оренбургская газета» для каждой рекламы придумывали что-то новое: оформляли ее оригинальными рамками, картинками, броскими заголовками, ставили боком, переворачивали, переносили с первой на четвертую страницы, не жалели «воздуха» для обрамления текста, играли необычными шрифтами и др. «Оренбургский край» первым укрупнил текстовые шрифты, за ним этому примеру последовали другие издания.

Оппозиционные издания «Степь» и «Простор», предназначенные для рабочих, крестьян, солдат, казачьей бедноты, простых горожан, преследовались властями. Нередко стражи порядка снимали выходящие номера, конфисковывали тиражи, редакторы по решениям судов попадали в тюрьмы, поэтому с рекламодателями продуктивно работать не могли. Подобные трудности пережила и «Вакут», которой также доставалось от цензоров.

Редакторы понимали, что газеты требуют развития: выхода за пределы местных вопросов и проблем, расширения рубрик, тем, круга авторов, использования «гвоздевых» публикаций. Поэтому материалы под рубриками «Фельетон», «Маленький фельетон», «Картинки с натуры», «Заметки и картинки» стали появляться в каждом номере, имея большой резонанс, делая газеты более острыми в отличие от официальной прессы. Такие талантливые журналисты, как И. Евфимовский-Мировицкий, В. Кигн-Дедлов, П. Столпянский, Н. Афиногенов, Л. Сейфуллина, А. Бурлак, умели вести интересный диалог с читателями.

На рубеже веков газеты делали попытки перехода на более крупные форматы, но возникала проблема нехватки текстов, и, например, в «Оренбургском крае», «Степи», «Просторе» на месте «дырки» размещали украшение, в последней публикации идущего из номера в номер материала писали слово «конец». Интересно, что переносы больших материалов

на другие страницы и в другие номера практически никак не обозначали. И если на странице было два переноса, то еще надо было понять, к какому материалу относится продолжение, тем более что могли перенести 10–15 строк. Если материал переносился в другие номера, можно было заметить звездочку-сноску (смотрите № такой-то), причем указывался не номер первой публикации и далее следующие номера публикации, как это оформляется в настоящее время, а лишь последний номер перед новой публикацией или под заголовком в скобках ставилось слово «продолжение». То есть с переносами и продолжениями публикаций путаницы хватало.

В середине декабря 1907 г. в разряд частных изданий перешла государственная «Оренбургская газета», которую отличали информационная насыщенность, привлекательные заголовки и подзаголовки, солидный формат, аккуратная четкая верстка, хорошая печать. Именно эта газета до своего закрытия в 1915 г. любила экспериментировать: придумывала новые темы и рубрики, активно играла шрифтами, дважды меняла логотип. Внимание читателей привлекала рубрика «Литературные и художественные юбилеи и поминки», которую вел П. Столпянский. Интересные материалы публиковались под рубриками: «Из жизни губернии», «Городская хроника», «Происшествия по губернии», «Местная хроника», «Жизнь края», «По России», «Голос из деревни», «По Оренбургу», «Письмо в редакцию», «За рубежом», «Фельетон», «Театр и музыка». Правда, уже с первых номеров основную часть семиколонной полосы могли занимать телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства. В «Оренбургской газете» блистали П. Столпянский, Н. Терebinский, Л. Исаков, Н. Тирлянский, Н. Миролубов, И. Куликов, В. Дорошевич, В. Протасов, Петр Энской и многие другие. Использовались и перепечатки из других газет, хотя увлечение ими впоследствии превратило «Оренбургскую газету» в самое обычное издание.

Оппозиционные газеты появились вслед за манифестом 17 октября 1905 г. Вышло всего 128 номеров «Степи», 52 номера «Простора», и эти четырехполоски среднего формата были действительно народными, обращавшимися к различным категориям населения: поддерживали рабочее движение, сопротивление крестьян, писали о трудностях армейской службы, фактах жестокого обращения с солдатами, нарушении казачьих прав. Эти издания оперативно откликались на революционные веяния, призывали читателей бороться за свои права, т.е. не только информировали, но и воспитывали, объединяли свою аудиторию. По воспоминаниям Л. Сейфуллиной, первый номер «Простора» шел нарасхват. Отдельные номера редакции оппозиционных изданий бесплатно рассылали по селам губернии. Нередко кроме газет в конверты вкладывались листовки.

В «Степи» и «Просторе» появились новые жанры: передовая статья, фельетон на злобу дня, публицистическая статья, очерк, путевые заметки, политическая статья, комментарии, хроника, письма читателей. Публиковалось много обращений к читателям. Это были газеты-агитаторы. Главное для них — зажечь аудиторию, поднять казаков, рабочих, крестьян, солдат, горожан на борьбу за свои права. Новые темы, новое слово оппозиционных газет обладали особой энергией. Читатели верили изданиям, ждали их указаний, советов. Не удивительно, что тиражи газет были самыми большими, их разбирали и в типографиях, и на вокзалах, куда газеты привозили для дальнейшего распространения. Эти газеты не только находили новые темы, обновляли рубрики, но и разнообразили логотипы, подлоготипы, форматы, количество колонок на полосах. Хотя «Степь» и «Простор» печатались на довольно толстой желтоватой твердой бумаге, возможно, худшего качества, чем у «Оренбургской газеты», «Листка» и «Края», их аудиторию привлекало, что газетные полосы не рвались, переходя из рук в руки, да и читались легко: тексты на них были набраны крупным шрифтом.

«Степь» выходила на четырех и несколько раз на двух страницах. Реклама в оппозиционных изданиях не была главной, поэтому ее было немного, в основном она располагалась на первой и еще на одной-двух колонках последней страницы. Газета увеличила формат (до 55x43 см) с целью привлечения рекламы, но, к сожалению, коммерческая информация практически не поступала. Основные материалы размещались в подвалах 2–3 страниц газеты. Под ними подписи-маски: «Путник», «Ж. Мелье», инициалы, первая и последняя буквы через черточку, много материалов без подписи. В поисках лучшего варианта семь раз менялся логотип издания.

К сожалению, все исследуемые в данной работе оренбургские частные газеты были закрыты. «Оренбургский листок» умирал долго и тихо вместе со сво-

им редактором, уставшим от судов и разборок. Издание после смерти И. Евфимовского-Мировицкого, попытавшееся стать оппозиционным, власти закрыли. «Оренбургский край» утратил возможность развития после отъезда из Оренбурга идейного вдохновителя издания и самого яркого автора — В. Кигна-Дедлова. Оппозиционные «Степь» и «Простор» завершили свой яркий путь из-за преследований властей предрешающих и бесконечных штрафов. «Вакуит» была закрыта в 1918 г., а успешно начавшая свою частную жизнь государственная «Оренбургская газета» потихоньку сбавила обороты и превратилась в провинциальное издание, как и многие частные газеты, сделавшее ставку на рекламу. История ее завершилась в 1915 г.

Опыт издания частных газет — главных конкурентов официальных изданий — благотворно сказался на постановке газетного дела в Оренбургской губернии. В частности, новаторской оказалась издательская модель независимого издания, предложенная и реализованная И. Евфимовским-Мировицким (наиболее интересно в этом плане выглядела «Оренбургская газета»). Оппозиционные частные издания, которым приходилось выживать в условиях борьбы с самодержавием, активно использовали платную рекламу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугачев В. В. Газетное дело и частные издания в Оренбургской и Уфимской губерниях. Российская провинциальная частная газета / В. В. Пугачев; сост. Л. Е. Кройчик, под ред. Л. Е. Кройчика и Ю. Л. Мандрики. — Тюмень: Мандр и К°, 2004.
2. Шукшинцев И. С. Газета «Оренбургский край». / И. С. Шукшинцев // Труды ученой архивной комиссии. — Оренбург, 1903. — Т. XII. — С. 98–104.
3. Столпянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города / П. Н. Столпянский. — Оренбург, 1906. — С. 120–121.

*Оренбургский государственный университет
Овсейко В. И., соискатель
E-mail: vio5922@mail.ru*

*Orenburg State University
Ovseiko V.I., Applicant
E-mail: vio5922@mail.ru*

ИМИДЖ ПОЛИТИКА В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ МАССМЕДИА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

В. Ф. Олешко

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 15 апреля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы формирования имиджа современных политиков с учетом опыта информационной деятельности в период пандемии коронавируса COVID-19.

Ключевые слова: имидж, массмедиа, пандемия, коронавирус COVID-19, аудитория, текст, диалог, эффективность.

Abstract: the article deals with topical issues of forming the image of modern politicians, taking into account the experience of information activities during the COVID-19 coronavirus pandemic.

Keywords: image, mass media, pandemic, coronavirus COVID-19, audience, text, dialogue, effectiveness.

В условиях огромного числа информационных потоков все чаще «человек теряет способность самостоятельно мыслить, анализировать, критически воспринимать информацию» [1, 19]. При этом «навязать» представителям тех или иных аудиторных групп при посредстве разноформатного, а сегодня чаще всего и мультимедийного медиаконтента или активных авторов социальных сетей заранее определенную кем-то точку зрения на проблему становится вполне реализуемой задачей. Особенно явно это проявилось, как свидетельствуют социологические исследования, в период коронавирусной пандемии [2], получившей именование COVID-19. Это в контексте учета влияния новых информационных технологий предопределяет актуализацию роли медиа в контексте решения задачи системной организации властными структурами антикризисных мероприятий. Причем новейшая политическая практика отражает и тот факт, что очень важным фактором успешности работы в данном направлении является формирование в общественном сознании положительного имиджа чиновников различного уровня [3], определяемого при этом в качестве «информационного продукта определенной социальной направленности» [4].

Под «имиджем» стоит понимать «впечатление, которое конструируется целенаправленно и сознательно», в то время как образ, напротив, «формируется спонтанно» [5, 19]. Хотя в психологии имидж чаще всего характеризуется как сложившийся в массовом сознании стереотип, а также «эмоционально окрашенный образ кого-либо или чего-либо» [6, 134–135].

При всем многообразии описаний типов имиджа чаще всего выделяется три подхода к их системати-

зации: *функциональный, контекстный и сопоставительный*. Причем именно первый из них в большей мере, как мы выяснили, соответствовал решению тех задач, которые политики различного уровня ставили перед собой при реализации антикризисных мероприятий в период коронавирусной пандемии. *Зеркальный имидж* — представление в массовом сознании «о себе» как квалифицированном и решительном управленце должно было постоянно подтверждаться экспертными оценками, транслируемыми прежде всего традиционными СМИ и сетевыми изданиями. *Текущий имидж*, противоположный по функциональным характеристикам системной медиатеатральности зеркальному, характерен как бы «взглядом со стороны», что предполагало максимальную публичность политика и включение потенциала активных пользователей социальных сетей. *Желаемый* — тип имиджа, отражающий стремление к конкретным результатам деятельности, в новейших условиях во многом коррелировался с *корпоративным и множественным* типами имиджа, последний из которых «образуется при наличии ряда независимых структур вместо единой корпорации» [7]. Характер множественности в данном случае был предопределен уникальностью ситуации с коронавирусной пандемией, когда на решение ежедневно возникающих проблем необходимо было направить усилия бесконечного множества субъектов реализации антикризисной деятельности в тех или иных территориальных единицах, формирующих некий «собираемый» их имидж. Он в конечном итоге активно влиял на имидж конкретных политиков или первого лица той или иной территории.

Следует выделить еще один существенный для анализа фактор. В общественно-политических условиях современной России зачастую проявляется как тенденция так называемая персонификация власти. Это

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (грант № 19-18-00264).

подразумевает под собой «восприятие власти не как политического института, а как конкретной личности, в которой эта власть воплощается» [8]. Но особенностью новейшего времени, на наш взгляд, является то, что все более наглядно персонификация власти проявляется не в партийно-политической системе, а в сугубо управленческой — на примере деятельности губернаторов, мэров, а также тех, кого в прежние годы называли «хозяйственниками», «директорским корпусом» и др. А даже от такого яркого лидера прошлых лет, как В. В. Жириновский, олицетворявшего десятилетиями деятельность ЛДПР, как свидетельствуют социологи, люди сегодня не ждут каких-либо решений, способных изменить жизнь к лучшему: «Большинство не верит, что ее роль в политической системе вырастет. Кроме того, избиратели склонны давать ЛДПР отрицательные имиджевые характеристики» [8].

Не случайно, что все эти и многие другие факторы актуализировали исследовательские подходы, позволяющие систематизировать технологии и алгоритмы эффективной имиджетворческой деятельности как сущностные не только для политологии, но и для теории и практики медиа. Это обусловлено прежде всего возможностью на конкретных примерах увидеть преимущество парадигмы организации диалоговых отношений с массовой аудиторией в сравнении с манипулятивной, а также учесть опыт работы в экстремальных условиях — повсеместных онлайн-коммуникаций, состояний тревожности и неопределенности ближайших перспектив представителей различных социумов российского общества.

В ходе проведенного нами с марта 2020 г. по март 2021 г. исследования, основанного на мониторинге деятельности массмедиа Уральского федерального округа и опросе при посредстве системного онлайн-анкетирования более двухсот активных пользователей соцсетей, а также 286 студентов-журналистов четырех вузов УрФО, удалось выявить ряд характерных тенденций. Во-первых, в изоляции люди все чаще искали подтверждение официальной информации в социальных сетях и на форумах массмедиа. Конечно же, в большей степени это касалось представителей так называемого цифрового поколения, то есть тех, кто при посредстве новейших технологий включен в процесс практически круглосуточного потребления информации. Так, 84% опрошенных студентов и респондентов, указавших возраст до 35 лет, отметили, что только сетевые издания и социальные сети являются для них источником информации, а традиционные массмедиа они либо «совсем исключили из оборота», либо «читают/смотрят/слушают лишь изредка» или «бессистемно». Во-вторых, проведенное на более объемном эмпирическом материале исследование политологов МГУ позволяет сегодня сделать вывод о том, что «цифровые привычки» существенным образом влияют на поведение молодежи, изменяют «традиционный» уклад их жизнедея-

тельности» [10, 173]. В-третьих, проведенное нами сравнение рейтингов публичной активности первых лиц регионов, которое было соотнесено с данными регулярного мониторинга Союза журналистов РФ (<https://tass.ru/obschestvo/8287749>), свидетельствовало о том, что основной упор при информировании населения в период коронавирусной пандемии делался на адресность текстов для «аналогового поколения» и лишь как бы по «остаточному принципу» они были рассчитаны на пользователей соцсетей и мессенджеров. Особенно ярко это проявлялось в марте-начале апреля 2020 г. «Могло ли это свидетельствовать в том числе и о цифровом поколенческом разрыве в тех или иных территориях?», — одну из таких гипотез мы сформулировали для своего исследования. А исходными были в том числе данные опросов «Левада-Центра», проведенных в феврале 2021 г. Согласно полученным социологами результатам, 35% респондентов в целом не одобряли деятельность губернаторов российских регионов. Причем этот уровень не менялся с осени 2020 г. Следовательно, налицо была ситуация, когда антикризисная коммуникация предполагала креативность подходов к публичности, в том числе и для преодоления цифрового разрыва, а методы работы PR-служб и пресс-служб, можно было предположить, не соответствовали времени.

Об этом, в частности, свидетельствовали и результаты исследований Центра социальных инноваций (<http://blackcub.ru/2020/01/09/rejting-samyeh-zhivye-akkaunty-gubernatorov-v-socsetyax/>), зафиксировавшего тот факт, что аккаунты руководителей субъектов РФ в пяти наиболее популярных у массовой аудитории социальных сетях имели в период пандемии далеко не одинаковое «наполнение». Так, губернатор Челябинской области А. Л. Текслер был в числе лидеров, поскольку набрал в итоге, с учетом различных факторов медийной публичности, 6980 баллов, а фамилий губернаторов из соседних областей не было даже в числе аутсайдеров, то есть вообще не оказалось в этом списке. Это можно было рассматривать как свидетельство низкой результативности информационной деятельности в отношении самой взыскательной, точнее наиболее «продвинутой» в техническом плане, части массовой аудитории.

Чтобы попытаться найти причины подобного «разделения», мы, используя метод мониторинга, обратились к контенту наиболее рейтинговых массмедиа Челябинской области, отражающему фактор публичности и организации диалоговых отношений А. Л. Текслера с представителями уже не только «цифровых поколений». Причем полученные результаты, на наш взгляд, можно определить и как системные не только для периода антикризисных мероприятий, но и эффективные как важнейший элемент коммуникационной составляющей в целом для современных политиков, а также влияющие на процесс формирования в массовом сознании их имиджа.

Последнее актуализировано хотя бы тем фактом, что, согласно результатам исследования Центра аналитики Sidorin Lab, опубликованным в «Коммерсанте» [11], в период коронавирусных ограничений больше пострадал имидж руководителей регионов России. И именно умение «быть своим» в цифровой среде, использование возможностей конвергентной журналистики во многом определяли при этом перспективные информационные тренды. В частности, губернаторы-антилидеры постов в социальных сетях, носящих негативный оттенок, как правило, в меньшей степени использовали новые информационные технологии для оперативного реагирования на возникавшие в период пандемии проблемы, ограничивались официальными сообщениями традиционных СМИ или лапидарным в соцсетях: «обсуждали», «обратились», «решили». Возможно, кого-то («аналоговое поколение») подобная информационная повестка устраивала, но чаще всего в соцсетях можно было обнаружить как реакцию на их тексты реплики раздраженных пользователей. Налицо были первые признаки разделения массовой аудитории на «согласных» и «несогласных» (термин социолога О. Т. Манаева).

Сочетание быстроты реагирования на события с аналитичностью разъяснения происходящего и реакции властей на них, заставляет задуматься о целесообразности разработки некоей агрегированной модели, отражающей различные аспекты полноценного использования возможностей, как традиционных СМИ, так и интернет-ресурсов. В определенной степени это удалось реализовать в своей программе антикризисных коммуникаций в период пандемии коронавируса, как мы отмечали, А. Л. Текслеру. Он, кстати, был одним из немногих политиков, о ком, как свидетельствовало указанное выше исследование Центра социальных инноваций, менее всего в негативном ключе высказывались авторы постов.

Докризисный этап (до середины марта 2020 г.) в Челябинской области, судя по контенту массмедиа, сопровождался аналогичными для большинства субъектов РФ мерами предосторожности, основанными на рекомендациях Роспотребнадзора. Но вот буквально уже через неделю принятые решения властных структур в ряде случаев кардинально различались. Например, на 24 марта Министерство образования Челябинской области отказалось вводить карантин в школах региона, хотя за неделю до этого был введен режим повышенной готовности. Были предупреждены и элементы паники, которые потенциально могли проявиться у людей. Другой пример. С началом пандемии в России довольно остро встал вопрос о дефиците товаров, и данная проблема не обошла Челябинскую область. Но Текслер лично в этот период вмешался в ситуацию и порекомендовал магазинам, о чем было сообщено в СМИ и во всех используемых социальных сетях, создать двухмесячный запас продуктов первой необходимости. При

этом была использована риторика, способная убедить представителей различных поколений. В первую очередь он заверил жителей области в том, что с продовольствием в регионе все в порядке: <...> *Работаем не только с сетями, но и с производителями, слава Богу, у нас тот регион, который себя практически всем обеспечивает* (18 марта).

Чуть позже губернатор записал спецобращение к южноуральцам, адресованное представителям всех типологических групп массмедиа, в котором вновь отметил контролируемость ситуации, а также дал рекомендации по профилактике коронавируса: *Ситуацию мы контролируем. Она останется стабильной, если все мы проявим спокойствие и будем неукоснительно следовать рекомендациям врачей и сотрудников Роспотребнадзора* (24 марта).

Далее, уже с 25 марта начинается введение более жестких ограничительных мер: школы все же уходят на карантин, развлекательным организациям запрещается работать. В это же время губернатор озвучивает план действий по подготовке к борьбе с коронавирусом. 25 марта им объявляются даты нерабочей недели — с 30 марта по 5 апреля, а также вводятся новые дополнительные меры. В связи с этим, А. Л. Текслер вновь обращается к гражданам с призывом проявить сознательность, а главное — не воспринимать нерабочую неделю «как каникулы». Судя по тому, что на форумах медиа и в соцсетях отсутствовали в этот период комментарии действий губернатора Челябинской области, и представители «цифрового поколения» согласились с ним, что «это жесткие, но необходимые сейчас меры» (27 марта).

При этом чуть позже в этот день губернатор вновь заверил, что ситуация держится под контролем и недостатка в чем-либо не наблюдается. Работающие «обеспечены масками и другими средствами защиты», а «в больницах запас почти миллион масок». Для пожилых людей, находящихся на самоизоляции, именно в этот период была организована горячая линия, на которую за неделю поступило более 15 тысяч звонков. Губернатор вскоре отчитался по этому поводу: «Было больше двух тысяч заявок на доставку продуктов. Большинство выполнены, остальные в процессе. Этим занимаются свыше двух тысяч социальных работников» (30 марта).

Таким образом, можно отметить, что система даже докризисной коммуникации, выстроенная А. Л. Текслером, опиралась сразу на несколько стержневых компонентов: во-первых, был замечен явный мониторинг ситуации, что проявлялось в довольно быстром реагировании на возникающие проблемы. Во-вторых, губернатор постоянно осуществлял довольно тесный контакт с разновозрастной аудиторией, не раз заверяя ее в контролируемости ситуации. Однако, помимо указанных плюсов, необходимо отметить и негативные моменты, способность преодолеть которые также, на наш взгляд, способ-

ствовала формированию имиджа руководителя как человека, прислушивающегося к «гласу народному». Так, на одной из пресс-конференций Текслер, видимо, не желая драматизировать и без того напряженную ситуацию, отказался отвечать на вопросы журналистов. Тут же в «Твиттере» и «Инстаграме» появились язвительные комментарии по этому поводу неких анонимов. Объяснений по этому поводу не последовало, но, надо сказать, уже на кризисном этапе он этого промаха больше не допускал.

Начиная с 30 марта, как свидетельствует контент массмедиа, губернатор систематически проводил пресс-конференции в довольно нетрадиционном для первого лица формате. Он не только отчитывался о принятых мерах, но и подробно рассказывал кому и какие даны лично им поручения, с какой долей ответственности и с какими сроками исполнения. Поэтому не удивительно, что на очень эмоциональное обращение А. Л. Текслера в день повсеместного введения самоизоляции в регионе откликнулось в соцсетях более пяти тысяч пользователей. Судя по стилистике постов, это были представители как «цифрового», так и «аналогового» поколений: <...> *Дорогие друзья, давайте покажем всей стране, что мы лучше всех соблюдаем режим самоизоляции, что Челябинская область, как всегда, опорный край державы <...> Призываю молодежь: оставайтесь дома, считайте, что самоизоляция — это модный флеш-моб. <...> Мы покажем, что мы лучше всех <...> Потому что мы ответственны, потому что мы умеем заботиться о себе, о своих близких, потому что любим свой город, свою область, свою страну* (31 марта).

В данном случае губернатору удалось очень эффективно реализовать то, что в теории медиа именуется как преодоление цифрового поколенческого разрыва. Ведь именно факторы «мы-идеологии», регионального патриотизма, использование ярких образов и присущей разным социумам лексики, являются одними из компонентов, определяющими сущность процессов формирования и развития коммуникативно-культурной памяти российской нации в целом [12]. Причем вскоре Текслер выступает с конкретно-адресным обращением: <...> *Друзья, это трудное время, но я хочу, чтобы вы были уверены: мы пройдем эту ситуацию вместе, рука об руку. Поддержим наших бабушек и дедушек, поддержим мам, которые самостоятельно воспитывают детей. Поддержим тех, кто в силу обстоятельств оказался в непростой жизненной ситуации: без работы, без гарантированного дохода. Мы справимся с коронавирусом, а затем и с его последствиями* (2 апреля).

И вновь это, судя по постам и звонкам в редакции СМИ, нашло отклик в сердцах подавляющего большинства челябинцев. При этом примечательным фактом является также раннее, в отличие от других областей, признание проблемы безработицы. Подтверждается желание помочь этим и другим людям последующими

заявлениями губернатора, где анонсировались доплаты гражданам: *Мы понимаем, что текущая ситуация с продлением режима нерабочих дней — это в первую очередь удар по занятости <...> В этой связи принято решение ввести региональную доплату к пособию по безработице, общая сумма выплаты составит 15 тысяч рублей. Также рассматриваем введение соцпакета для мам, самостоятельно воспитывающих детей, и многодетных семей, чьи доходы ниже прожиточного минимума (3 апреля). Кстати, в последующем, по инициативе губернатора, анонсировавшего создание некоммерческого фонда, помощь была организована и в благотворительном ключе: *Я обращаюсь к бизнесу, к людям неравнодушным, оказать помощь и перечислить средства на этот счет. Я лично и все члены правительства это сделаем, и думаю, что многие наши жители, чиновники в том числе, это сделают* (4 апреля). Помимо этого, Текслер призвал жителей напрямую писать ему при возникновении каких-либо проблем из-за коронавируса.*

COVID-19 видоизменил не только мировой, федеральный политический ландшафт, но и региональные его составляющие. Закрепление за главами российских регионов дополнительных полномочий, которые федеральный центр доверил им на период пандемии коронавируса, как свидетельствовала практика, способствовало разработке и реализации многих принципиально новых приемов и методов политического менеджмента. Вместе с тем вышеописанные примеры свидетельствуют о необходимости продуманной политики реализации антикризисных мероприятий не только на организационном уровне, что всегда предопределяет деятельность губернаторов, но и на информационном, поскольку это должно способствовать в том числе и искоренению фейковой информации [13, 50–52]. Развитие технологий, цифровизация всех сфер жизнедеятельности ставят эту проблему в число приоритетных. В целом же эффективности антикризисных коммуникаций, как мы доказали, способствуют открытость политика, оперативность решения возникающих проблем, системный мониторинг всех имеющихся информационных каналов, а также диалогизм как форма взаимодействия с массовой аудиторией.

В настоящее время, как свидетельствовал наш анализ, также явно выражена общественная потребность в организации межпоколенческой коммуникации в цифровой среде с целью трансляции культурной памяти, которой оперирует прежде всего старшее («аналоговое») поколение. Поскольку «эта трансляция обуславливает возможность восприятия памяти «цифровым» поколением в процессе своей социализации и осознания культурной идентичности» [14, 920]. Этому, на наш взгляд, может способствовать и освоение представителями властных структур теорий моделирования разноформатных медиатекстов и стратегий организации мультимедийных

трансляций. Это поможет также на основе специфики медиапотребления представителями различных поколений определить значимость трансформации компетенций представителей пресс-служб губернаторов для работы в цифровой среде.

Появление в научном лексиконе термина «пост-правда», определенного составителями Оксфордского словаря как «обстоятельства, в которых объективные факты менее влиятельны в формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям» [15, 184], предопределило сразу несколько актуальных исследовательских проблем. В частности, как мы уже показали, современные разноуровневые коммуникативные процессы порождают определенный нарратив, когда факты и аналитические выводы в них бывают менее убедительны, чем готовые интерпретации. Что, в свою очередь, делает все более значимым фактор личного присутствия в медийном пространстве любого индивида, а представителей политической элиты общества в первую очередь, поскольку это является важнейшим элементом структуры при формировании индивидуального имиджа и имиджа той или иной организации в целом [16].

Вместе с тем опыт, полученный в период коронавирусной пандемии, позволяет сделать вывод о том, что ключевым фактором, влияющим на стабилизацию социально-политических отношений, наряду с законодательным регулированием, правоприменением и различными мерами поддержки населения, выступает уровень информированности представителей различных социумов. Причем наиболее эффективно осуществляется этот процесс, как мы доказали, при участии первого лица региона. И имидж политика в данном случае — лучший гарант объективности системно транслируемой информации и результативности медийной деятельности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильченко Д. А. Влияние СМИ и Интернета на формирование общественного сознания в современной России / Д. А. Ильченко, В. П. Майкова // Вестник Московского государственного университета. — 2018. — № 4. — С. 17–25.
2. Проект коронаФОМ.— Режим доступа: <https://covid19.fom.ru/> (дата обращения: 09.04.2021); См. также: Курюкин А. Н. COVID-19 как вызов экономике, социуму, политике / А. Н. Курюкин // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2020. — Т. 11. — № 3. — С. 250–265.
3. Антонов Г. Д. Антикризисное управление организацией / Г. Д. Антонов, О. П. Иванова, В. М. Тумин, В. А. Трифо-

нов.— М.: Изд-во ИНФРА-М, 2018.— 143 с.

4. Красноруцкая А. С. Влияние СМИ на формирование имиджа политика / А. С. Красноруцкая // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института.— 2015.— № 3–4.— Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25416544> (дата обращения: 12.04.2021).
5. Леонтьев Д. А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг / Д. А. Леонтьев // Реклама и жизнь.— 2000.— № 1.— С. 19–22.
6. Психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского.— М., 1990.
7. Джефкинс Ф. Паблик Рилейшнз / Ф. Джефкинс.— Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text10/32.htm#з_22 (дата обращения: 24.03.2021).
8. Романович Н. А. К вопросу о персонификации власти в России / Р. А. Романович // Власть.— 2009.— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-personifikatsii-vlasti-v-rossii> (дата обращения: 20.03.2021).
9. От ЛДПР не ждут обещанного. Социологи фиксируют снижение интереса к партии Владимира Жириновского.— Коммерсантъ.— 2020.— № 199.— 29 окт.
10. Сушко В. А. Сетевое поколение растет или взросление в социальных сетях / В. А. Сушко, Г. Б. Прончев // Вестник МГУ.— Сер. 18. Социология и политология.— 2021; 27(1).— С. 173–187.
11. Эксперты назвали губернаторов, чей имидж больше пострадал от пандемии // Коммерсант.— 2020.— 5 июля.
12. Олешко В. Ф. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти: монография / В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020.— 470 с.
13. Серова С. А. Коронавирусная пандемия и региональные медиа: случайные искажения информации и дезинформация / С. А. Серова // Проблемы массовой коммуникации. Мат. междунар. науч.-практ. конф. исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью.— Воронеж, ВГУ, 2020.
14. Саймонс Г. Д. Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции: методика междисциплинарного исследования / Г. Д. Саймонс, М. Ю. Мухин, В. Ф. Олешко, А. С. Сумская // Коммуникативные исследования.— 2019.— Т. 6.— № 4.— С. 920–940.
15. Цит. по: Гарбузняк А. Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе / А. Ю. Гарбузняк // Знание. Понимание. Умение.— 2019.— № 1.— С. 184–192.
16. Кто круче Собянина? Сравниваем самые популярные Instagram губернаторов. Кроме обычных отчетов главы регионов участвуют во флешмобах и общаются с блогерами.— Режим доступа: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-69308593.html (дата обращения: 12.04.2021).

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Олешко В. Ф., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати и сетевых изданий
E-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

Ural Federal University
Oleshko V. F., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Periodicals and Online Publications Department
E-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

ВНЕШТАТНОЕ КОРРЕСПОНДИРОВАНИЕ В МЕСТНОЙ ГАЗЕТЕ КАК ОПЫТ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. С. Родионова

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 21 декабря 2020 г.

Аннотация: статья выявляет особенности работы внештатных корреспондентов подмосковной газеты «Ленинец» в 1960-х — 1980-х гг. и характеризует ее как народную журналистику и общественную коммуникацию. Автор делает вывод о поддержании внешкорами таких исторических тенденций и закономерностей функционирования городской газеты в России, как просветительство и критика общественно значимых негативных явлений в местной жизни. Данные свидетельствуют о качественном уровне деятельности внештатных корреспондентов и ее значении для современности.

Ключевые слова: печатная пресса, электронные СМИ, внештатные корреспонденты, журналистика России, газета «Ленинец», И. Рязанкин, В. Пьянов, коммуникация.

Abstract: the article highlights features of freelance correspondents' work in the 1960th — 1980th in newspaper «Leninets» (Leninist) published in Moscow region, and classifies this activities as people's journalism and social communication. Author concludes that correspondents' publications maintained such historical newspaper tendencies and regularities as enlightenment and criticism of negative facts that affected local life. Data confirm high quality level of freelance correspondents' activities and its importance for modernity.

Keywords: printed press, electronic media, freelance correspondent, Russian journalism, paper «Leninets», Ryazankin, I., P'yanov, V., communication.

В социалистическую эпоху в нашей стране сформировался феномен — общественная журналистика, носившая изначально название движения рабочих и сельских корреспондентов. Исследователи¹ отмечают, что в начале 1960-х гг. стал заметен новый подъем рабселькорского движения. Оно превращалось в институт внештатного корреспондирования при участии всех развившихся к тому времени социальных страт — в общественную журналистику. Внешкоры представляли и трудящуюся интеллигенцию, и учащихся, и рабочий и сельский актив.

Уже со второй половины 1950-х гг. стали появляться внештатные консультанты (первый из них в ростовской газете «Молот» в 1956 г.) и внештатные отделы редакций (первый внештатный отдел в 1958 г. в газете «Коммунист» г. Минеральные Воды). Тенденция развивалась стремительно как в центральных, так и в местных газетах. На этом фоне ЦК КПСС в своих решениях рекомендовал журналам «Советская печать» и «Рабоче-крестьянский корреспондент» полнее освещать их деятельность, а на местах организовывать для внештатного актива специальные

семинары с привлечением в них рабочих и сельских корреспондентов [1].

При этом прижились и найденные еще в 1930-е гг. и получившие дальнейшее развитие формы массовой работы, в частности такие, как рейды и выездные редакции. Так, 24 февраля 1961 г. «Правда» опубликовала материалы первого совместного рейда рабселькоров «Правды» и «Известий». С тех пор совместные рейды этих и других газет («Водный транспорт» и «Гудок») вошли в постоянную практику [1].

Деятельность внештатного корреспондентского актива стала системой, которая распространилась по горизонтали. На местах, в районной, городской газете, внешкоры часто по факту поддерживали взаимодействие населения с органами законодательной и исполнительной власти, администрацией, общественными организациями и объединениями. Таким образом, внештатное корреспондирование в газете выполняло не только информационную функцию, но и превратилось в действенный канал общественной коммуникации.

Одной из известных в социалистическую эпоху местных газет был «Ленинец», выходивший в подмосковном городе Видное — центре Ленинского района Московской области. В феврале 1981 г. газета отметила полувековой юбилей, получив поздравления, в частности от своих коллег — редакции центральной газеты «Сельская жизнь», пресс-центра ВДНХ СССР, правления Московской областной организации

¹ Например, такую точку зрения высказывает профессор РУДН им. Патриса Лумумбы А. А. Грабельников, сам работавший в те годы рабселькором; в указанной ниже книге — И. В. Кузнецов, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

Союза журналистов СССР и других, а также от своих читателей. Первый номер этой газеты, носившей изначально название «В бой за коллективизацию» и выпускавшейся раз в декаду, вышел 25 февраля 1931 г., а в декабре 1936 г. издание стало называться «Ленинский путь».

Дата выхода была неслучайной: именно в те дни вышло постановление ЦК ВКП(б) о реорганизации сети газет в Ленинском районе [2].

Авторами с самого начала стали председатели колхозов: например, Киселев из села Ирнинское (впоследствии Молоково), известный в Московской области Герой Социалистического Труда Митрофан Захаров, колхозники Клавдия Конькова, Варвара Казакова, Сергей Рогачев, Иван Булгаков и многие другие, чьи имена вскоре стали исчисляться сотнями, а потом и тысячами [3].

С начала Великой Отечественной войны газета стала еженедельной. Она печатала материал из действующей армии: «Местный поэт Николай Сидоров присылал репортажи с фронта в стихах. Шли в редакцию письма с боевыми стихами Василия Журавлева. Писали солдаты в родные коллективы, благодаря за подарки, присланные колхозниками, и клялись победить врага», — отмечал руководитель литобъединения «Ленинца» В. Шахин.

Когда фашизм был разгромлен, рабселькоры обратились к темам восстановления и строительства, введения в строй новых колхозов и промышленных предприятий.

В послевоенные годы произошли изменения в жизни и района, и его газеты. Часть территорий уходила к Москве, границы района менялись. В 1962 г. выходила, вместо районной, межрайонная газета «Маяк» Пригородного производственного управления, частью которого был Ленинский (в те годы Ульяновский) район. Вскоре здесь ее заменила газета парткома Ленинского колхозно-совхозного управления, которое располагалось в подмосковном Подольске, а когда в январе 1965 г. центром Ленинского района стал город Видное, начался и выпуск «Ленинца» [4]. Это название возникло не из-за названия района, хотя и вполне соответствовало ему, но оказалось связано с газетной судьбой одного из ярких внештатных корреспондентов «Ленинца», принимавшего ранее активное участие в одноименном издании Московского пединститута им. В. И. Ленина.

Этим внештатным корреспондентом и публицистом вплоть до 1980-х гг. был И. Т. Рязанкин. Тогда ему исполнилось уже 80 лет. Читатели газеты нередко видели на страницах материалы, подписанные также его псевдонимами И. Тимофеев, Т. Ильин, И. Матвеев, С. Незабудкин. С первого же года издания, 1931 г., Илья Тимофеевич стал постоянным автором газеты.

Уроженец Калуги, где он окончил 4-классную церковно-приходскую школу, Рязанкин продолжил свое образование уже в Московском педагогическом

институте им. В. И. Ленина, одновременно начав писать в ту самую местную стенгазету, которая сыграла свою роль в упомянутом переименовании районной газеты в Видном. Но до этого, по его собственным словам, «пришлось постоять на бирже труда на Малой Бронной, поработать грузчиком в экспедиции «Красный Октябрь», поучиться на вечернем рабфаке...» [5]. При этом, «бегая по Москве, сообщал новости в «Вечернюю Москву», иногда выполнял задания «Крестьянской газеты»... писал туда заметки»².

Участник Великой Отечественной войны, награжденный орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За трудовую доблесть» и другими, Рязанкин на протяжении полувека регулярно выступал в газете. Жители привыкли к публикациям внештатного «летописца района», который печатал самые разнообразные по жанру и общественной проблематике материалы. Это могла быть «и небольшая, в 30 строк, новость или теплый рассказ о депутате, острый, едкий критический сигнал или педагогические раздумья о преподавании в школе, страстный монолог члена общества охраны природы или общества «Знание». В последние годы, являясь членом общества охраны памятников истории и культуры, И. Т. Рязанкин все больше и больше времени уделяет исторической теме», — указывал А. Плотников [5]. История района стала любимой темой автора.

Деятельность Рязанкина отличала просветительская направленность. Эта сторона традиционна для русской журналистики и, в частности, русской газеты³. Осознанный выбор такого направления был продиктован для внештатного корреспондента «Ленинца» в значительной степени его профессиональной подготовкой, коммуникаторскими задатками и гражданской позицией. Работа в обществе «Знание», обществах охраны природы, охраны памятников истории и культуры параллельно с сотрудничеством в «Ленинце», по признанию самого автора, давала «большую возможность встречаться с людьми, слушать их, многое подмечать, а подмеченное — брать на карандаш...». Отвечая на заданный вопрос, как ему удается на протяжении полувека сочетать учительство и внештатную работу в газете, он сказал: «Вероятно, потому, что просвещение и публицистика — близкие родственники».

Неслучайные совпадения усилили эту жизненную установку: в свое время Н. Крупская, «способ-

² «Крестьянская газета» позже стала органом ЦК КПСС «Сельская жизнь».

³ Речь идет как о качественных столичных газетах конца XIX — начала XX вв. типа «Русских ведомостей», так и в ряде тех местных, городских газет начиная со второй половины XIX в., редакторы которых сознательно ставили просветительские задачи. Впоследствии газетная практика неоднократно подтверждала их актуальность (см., например, [6]).

ствовавшая открытию седьмой школы (сейчас это школа № 6 г. Видное), в которой я преподавал несколько лет русский язык и литературу, завещала: «Знания нужны в жизни, как винтовка в бою». В этом я убедился в Великую Отечественную войну, когда обучал солдат артиллерийскому делу и выступал перед ними с рассказами по истории, в школе, преподавая свои любимые предметы. Когда аудитория оказывалась мала, я обращался к газете. Хотел, чтобы мои знания стали знаниями всех, и то, что увидел я, увидели десятки, сотни, тысячи людей», — говорил публицист [5].

Два десятилетия, на протяжении 1970-х — 1980-х гг., газета была площадкой критических выступлений ее постоянного внештатного корреспондента В. Пьянова. Его почерк можно с очевидностью соотнести с такой закономерностью развития отечественной газеты, как «обличительное направление», возникшее в ряде местных изданий еще на рубеже XIX — XX вв. и отмеченное рядом характерных особенностей [6]. В первую очередь таковыми явились адресность, конкретность и неизменная «плотность», частота публикаций, преследующих основную цель — исправления нарушений, недостатков, халатного отношения к порученному делу, имеющему общественную значимость. Для Валентина Васильевича такой сферой деятельности стало строительство жилья, детских, культурных, оздоровительных и промышленных объектов, а также контроль за объектами лесопарковой зоны Москвы — «зеленого пояса» столицы.

Будущий журналист-общественник родился в 1910 г. в Орле, окончил среднюю школу в Курске, там же в 1927 г. начал трудовой путь рабочим, став участником первых советских пятилеток. Тяга к знаниям и любовь к строительному делу привели его в столицу, где он через несколько лет окончил Московский архитектурный институт с дипломом инженера-архитектора. Дальнейшая судьба Валентина Васильевича оказалась связана с преобразованием лица предвоенной Москвы, решением строительных и транспортных проблем бурно развивавшегося города.

С начала Великой Отечественной войны В. Пьянов, продолжая оставаться на службе в системе Моссовета, был занят на ответственных оборонительных работах. На трудовом посту вместе с защитниками Москвы, в том числе со своей семьей, преодолел критический рубеж осени и зимы 1941 г., был награжден медалью «За оборону Москвы». Когда война еще шла, но городское хозяйство приходилось быстро восстанавливать в тяжелейших условиях голодных лет, за самоотверженную работу был удостоен ряда других правительственных наград.

Приход В. Пьянова в газету стал логическим продолжением его профессиональной и общественной деятельности. Инженер-контролер Главархстройконтроля, руководитель группы специалистов, он считал

необходимым добиваться качественного выполнения любой задачи во всех деталях. Вместе со строительством подмосковного города Видное — административного центра Ленинского района, который территориально вошел в «географию» служебных обязанностей Валентина Васильевича и в котором его быстро узнали как принципиального специалиста, будущий внешкор «Ленинца» был избран депутатом Видновского горсовета. К этой общественной работе, выполняемой им долгие годы, добавилась и такая же безвозмездная работа заместителем заведующего внештатным отделом строительства районного комитета народного контроля. Инженер-архитектор сразу увидел необходимость наглядно донести суть проблем и задач, которые ставились и решались — порой очень непросто — для успешной повседневной жизни и работы населения. В этой целенаправленности и самоотверженной доскональности сказалась привычка военных лет.

Корреспондентская манера В. Пьянова отличалась лаконичностью при насыщенности «говорящими» деталями, а также четким видением причин недостатков и неизменным указанием на пути их устранения⁴. Не чужды оказывались автору ироничные оттенки и умение показать зримую картину происходящего на многочисленных объектах района. Каждая публикация преследовала конечную цель: добиться качественного введения в строй долгожданного жилого дома или детсада, санатория или кинотеатра, совхозной инфраструктуры или производственного корпуса.

Изо дня в день, в любую погоду, инженер выезжал на очередной объект, чтобы увидеть все своими глазами и «разрулить» проблему. «Чем выше взбираешься по скользким порожкам лестничных маршей, чем больше преодолеваешь межэтажных перекрытий, тем больше... просто оторопь берет, как строители подготовились к зиме», — писал он, указывая на последствия недостроя, угрозу весеннего затопления подвальных помещений и «заселения» дома колониями муравьев. Этот критический материал тогда уже 76-летний внешкор готовил, детально обходя недостроенный многоэтажный дом и поднимаясь по обледеневшим открытым лестничным маршам в тридцатиградусные январские морозы [7]. Обращаясь поименно к конкретным руководителям строительного треста, он ставил вопрос: «До каких

⁴ Напр.: В. Пьянов. Пусковой объект на тормозах // Ленинец. 1971. 19 мая; В. Пьянов. Будут ли наказаны виновники? // Ленинец. 1971. 23 июня; В. Пьянов. Невыполненное обязательство // Ленинец. 1971. 23 июля; В. Пьянов. Обещание — на ветер // Ленинец. 1971. 6 авг.; В. Пьянов. На точке замерзания // Ленинец. 1971. 22 сент.; В. Пьянов. Вопреки пословице // Ленинец. 1971. 26 ноября; В. Пьянов. До каких пор? // Ленинец. 1971. 15 окт.; В. Пьянов. Алло, АТС! Вы меня слышите? // Ленинец. 1972. 28 мая и т.д.

пор чьи-то неорганизованность и халатность будут оплачиваться деньгами из государственного кармана, а впоследствии — нервами жильцов?»

Корреспонденции В. Пьянова ярко выявляли такие типичные проблемы, как бесконтрольность и бесхозяйственность. «Разнобоя в технологии строительства, несоблюдения ее этапов удалось бы, наверное, избежать, найдись стройка под постоянным контролем», — указывал он, адресуя критику исполнителю и заказчику [8] в материале, подготовленном совместно со штатным сотрудником редакции. А серьезно упущения на строительных площадках зачастую вели к гибели оборудования и материалов, попутно открывая дорогу хищениям. «Все эти факты — свидетельство полного равнодушия руководителей... к народному достоянию и к порученному делу», — корреспондент раскрывал имена «героев» очередного недостроя [9].

Нередко к одному адресу и нерадивым исполнителям приходилось возвращаться неоднократно, спустя месяцы после первых публикаций. Журналист-общественник прямо называл всех ответственных лиц — от прорабов и начальников участков до чиновников Главмосстроя, Мособлстроя, других связанных со строительством министерств и ведомств, добиваясь таким образом ответной реакции. Такая позиция Валентина Васильевича сделала его «грозой» нерадивых строителей и руководителей, о чем его сослуживцы вспоминали уже спустя годы.

На внешкоре лежала двойная ответственность: производя разбор причин и следствий недостатков на стройках и объектах района, он оказывался «на виду» и у своих избирателей, местных жителей, которые пристально следили за ходом событий и высказывали заботившие их вопросы на депутатских приемах⁵. Так формировалась коммуникация. Эффективность ее выражалась, в частности, и в том, что местные жители неоднократно, в течение шести созывов, выбирали В. В. Пьянова своим депутатом, зная по опыту, что их просьбы и наказания будут выполнены.

Надо отметить, что подчас бытуют вроде бы сходные определения — «автор», «внештатный корреспондент». Однако это не одно и то же: общественный корреспондент обладал повышенным чувством

⁵ Так, в 1974 г. общественность подняла вопрос об увековечивании памяти жителей Расторгуевского района г. Видное, павших в годы ВОВ. О ходе этой работы «сообщили депутаты С. И. Куваев и В. В. Пьянов, — писал в своей заметке И. Т. Рязанкин о ходе встречи в избирательном округе. — Присутствующие обсудили макет монумента, представленный В. В. Пьяновым» (И. Рязанкин. Депутатская группа действует // Ленинец. 1974. 30 янв. С. 2.). Эта инициатива обернулась для депутата несколькими годами преодоления инерции ответственных за исполнение организаций. Комплекс был построен.

ответственности, разрабатывал свою индивидуальную программу публикаций, ведущие темы, ощущая себя частью редакционного коллектива. В «Ленинце» этому способствовали и встречи внештатных корреспондентов с главным редактором и сотрудниками, нередко совместное обсуждение намечаемых публикаций, «сверка» общей линии⁶.

Немаловажным моральным стимулом было и то, что внештатному корреспонденту выдавалось соответствующее удостоверение, подчеркивающее его статус. В. Пьянов, например, всю жизнь бережно хранил свои редакционные документы, а выезжая на контрольное обследование очередного объекта, до последних дней всегда брал с собой корреспондентское удостоверение — при том что был наделен, помимо того, солидными профессиональными и депутатскими полномочиями. А. Грабельников, будучи сегодня одним из ведущих профессоров филологического факультета РУДН, с особым чувством вспоминает выданную ему в 60-х гг. книжечку с золотым тиснением — удостоверение общественного корреспондента одной из газет Донецкой области.

Отметим, что институт внештатных корреспондентов — плод советской эпохи — продолжает функционировать в местных районных или городских газетах и по сей день. Такова, например, редакция газеты «Знамя» г. Кувшиново Тверской области [10] — бывшая «Социалистическая стройка», основанная в 1930 г., или моршанская газета «Согласие», о которой рассказал «ТВОЛК» — сайт городских порталов в Тамбовской области [11].

Качественные принципы внештатного корреспондирования советского периода особенно очевидны в сравнении с появившимся ныне — в результате коммерциализации журналистики и расслоения понятия — определением «внештатный корреспондент». Нынешние «внешкоры», по сути, не что иное как «фрилансеры», рассматривающие эту деятельность как разновидность свободного заработка [12].

Впрочем, в середине 2010-х гг. к идее внештатно-

⁶ «Опираясь на многочисленных добровольных помощников, редакция районной газеты стремится полнее освещать жизнь тружеников района. Это повышает ее авторитет, что видно и по увеличению тиража. За один год тираж «Ленинца» вырос на 4 тысячи экземпляров», — отмечала передовая в День печати (На передовой линии // Ленинец. 1972. № 53 (5760)). В числе восьми «наиболее активных» внешкоров были названы «руководитель литобъединения при редакции «Ленинца» В. Т. Шахин, автор многих критических заметок по строительству В. В. Пьянов, краевед И. Т. Рязанкин». Также в «актив» редакции вошли И. М. Заксенберг (колхоз имени Владимира Ильича), И. В. Перетокин (госплемзавод «Коммунарка»), А. И. Чубарь (г. Солнцево), Л. И. Соловский (п. Внуково), В. И. Свиридов (спортивный обозреватель). Все восемь внешкоров были удостоены почетных грамот на уровне района.

го корреспондирования обратились ряд федеральных электронных СМИ, оценивших значение этого фактора и как возможность выйти на прямую связь с аудиторией. Так, ИА «Ридус», приглашая к сотрудничеству внешкоров, указывало на «живой» формат новостного контента, когда пользователи сами собирают, анализируют и распространяют новости и информацию. «Наша цель — привлечь людей к созданию новостей, максимально сократить путь от автора к читателю», — подчеркивало агентство [13].

Также агентство взяло на вооружение принципы внештатной работы, сложившиеся в предыдущие десятилетия XX в., пообещав выдать пресс-карту внештатного корреспондента «Ридуса» и указав на возможность воспользоваться законодательной защитой прав журналиста на основе федерального закона о СМИ. При этом отмечалось, что внештатные корреспонденты всегда могут рассчитывать на помощь редакции, от методической до юридической, а также на доступ к редакционной базе анонсов «Ридуса» и редакционному чату, в котором обсуждаются новости, планируется работа и где можно оперативно пообщаться с редакторами и обсудить свой материал.

Эти факты подчеркивает объективность формирования данной тенденции в обществе, а попытка продолжить ее в современную эпоху свидетельствует о ее независимости от политической конъюнктуры и указывает на общегражданский характер. Важным обстоятельством тем не менее остаются гарантии основных гражданских свобод.

Современные отечественные исследователи снова обращают внимание на принципы, многие из которых доказали свою действенность десятилетиями ранее. Так, говоря о способах актуализации современной проблематики в печатных изданиях, ученые указывают на важность представительства различных категорий авторов на газетной полосе, а также на частоту публикаций по конкретным темам [14], что подтверждает исторически сложившуюся закономерность, уже названную выше.

В последние годы, испытывая необходимость в «народных» темах, электронные СМИ обратились уже к социальным сетям, которые, как правило, дают львиную долю такого материала. По признанию журналистки одного из федеральных СМИ⁷, готовящиеся ею «все эксклюзивные материалы отталкиваются

от публикаций в соцсетях». Отметим, на основании личного профессионального общения с сотрудниками электронных СМИ, что это стало общепринятой тенденцией. Данное обстоятельство, как видится, может стать темой отдельного исследования.

Как показала практика местной печати, в частности районной газеты «Ленинец» периода 1970-х — 1980-х гг., именно внештатные корреспонденты в рамках общей редакционной работы показали глубокое владение народной тематикой и проблематикой, обеспечивая как информирование, так и коммуникацию в системе «газета — читатель — общество».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000) / И. В. Кузнецов. — М.: Флинта: Наука, 2002.
2. Ленинец. — 1981. — 24 февр. — С. 2.
3. Шахин В. Взгляд сквозь годы / В. Шахин // Ленинец. — 1981. — 24 февр.
4. Рязанкин И. Летопись района / И. Рязанкин // Ленинец. — 1971. — 26 февр.
5. Летописец района // Ленинец. — 1987. — 5 мая.
6. Родионова Т. Функции русской дооктябрьской газеты: своеобразие и параллели / Т. Родионова. — LAP LAMBERT Academic Publishing: Saarbrücken, 2014.
7. Пьянов В. Хозяйничает метель / В. Пьянов // Ленинец. — 1987. — 29 янв.
8. Ананьева Г. Нужны ли «героические усилия»? / Г. Ананьева, В. Пьянов // Ленинец. — 1987. — 24 янв.
9. Пьянов В. Вопросительные знаки / В. Пьянов // Ленинец. — 1985. — 2 июля.
10. Знамя. — Режим доступа: <http://kuvzna.ru/nashi-vneshtatnyie-korrespondenty.html> (дата обращения: 17.11.2020).
11. ТВОЛК. — Режим доступа: <https://tvolk.ru/mrsk/news/> (дата обращения: 18.11.2020)
12. <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/48249-cto-takoe-vneshtatnyj-korrespondent.html> (дата обращения: 12.12.2020)
13. Приглашаем вас стать внештатным корреспондентом Ридуса // Ридус. — 2012. — 23 авг. — Режим доступа: <https://www.ridus.ru/news/43400.html> (дата обращения: 15.11.2020).
14. Лепилкина О. И. Способы актуализации социальных проблем в современной печатной прессе / О. И. Лепилкина, Е. С. Шандрыголова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1 (ч. 2).

*Российский университет дружбы народов
Родионова Т. С., кандидат филологических наук, докторант кафедры массовых коммуникаций
E-mail: tavto2014@yandex.ru*

*People's Friendship University of Russia
Rodionova T. S., Candidate of Philology, Doctoral Candidate at the Department of Mass communications
E-mail: tavto2014@yandex.ru*

⁷ Журналист просила не указывать ее имени.

СМЫСЛОВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ «ВНЕВРЕМЕННЫХ» ХАРАКТЕРИСТИК МЕДИАПРОСТРАНСТВА

О. А. Сусская

Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

Поступила в редакцию 8 января 2011 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема трансформаций в массмедийной сфере, связанных с экспансией цифровых технологий и распространением интернет-сетей, существенно повлиявших на внутреннюю организацию и специфику журналистской деятельности.

Ключевые слова: *массмедиа, медиaproстранство, журналист, коммуникация, информационный обмен.*

Abstract: *the article examines the problem of transformations in the mass media sphere associated with the expansion of digital technologies and the spread of the Internet, which significantly have influenced the internal organization and specificity of journalistic activities.*

Keywords: *mass media, media space, journalist, communication, information exchange.*

Современные проблемы «управления временем» в медиакommunikативном пространстве можно разделить на два направления: первое — касается формирования вещательного дня каналами традиционных медиа, что является более стандартным для пользования аудиторией, хотя здесь присутствует определенная подчиненность и тех и других таким стандартам (устойчивость «точек» новостных программ, наличие prime-time и др.), второе — касается пользователей в сетях и их «серфинга», т.е. интерферирующего потребления продукции медиаканалов, представленных в сетях, продукции блогеров и т.д.

На устойчивость медиapoвeдения влияют и собственный распорядок дня (рабочие и выходные дни), и сезонность (зимний, осенний, летний или весенний периоды), и «привлекательность эфира», то есть те программы, которые вызывают особый стабильный интерес у тех групп, которые в основном сохраняют паттерны «медийной личности».

В период пандемии происходит сближение форм межличностной и массовой коммуникации, ибо в результате конвергенции различных коммуникативных сфер образовалась качественно новая модель информационно-коммуникативного взаимодействия. Актуализируется понятие «публичной приватности» [1]. Суть этой новой коммуникативной модели раскрывается в социальной репрезентации (социальном экспонировании) личного опыта. При этом характер репрезентации может быть разным — без каких-либо ограничений или с ограничениями, взаимодействие между конкретными лицами или группой лиц, целевыми или тематическими аудиториями.

Социальная реальность как система последовательных дискретных явлений и событий открывает

«гуманистическую перспективу» (согласно П. Бергеру) и разворачивает перед журналистами новую концепцию дифференциации знаковых систем, обозначаемую современными исследователями как «мультимедийность медиaproстранства» [2; 3]. Междисциплинарные исследования коммуникации все чаще обращаются к темам социального порядка: положению человека в обществе, теме «агентности» (общество «в человеке», модели деятельности и поведенческие форматы), общества как драмы, т.е. неожиданных последствий социальных действий (последнее приобрело особенную актуализацию в связи с пандемией коронавируса в мире в 2020 г.). Впрочем, эти исследования показали, что используемые коммуникационные модели являются скорее экстраполяционными, нежели интегрально-синтезирующими, т.е. транслируют, переносят опыт в виде моделей, не интегрируя его, а зачастую и вульгаризируя, подстраиваясь под требования элит. Так называемые «диффузные» модели коммуникации приобретают все большее распространение.

В особую категорию «вневременных профессий» попадают журналисты, т.к. им необходимо оставаясь на «гребне» оперативного информирования, все же нести месседжи более стабилизационного содержания, не расшатывающего ситуацию и психологическое состояние их аудиторий. Здесь используются не только временные стандарты вещания, упоминаемые выше, но и стандарты журналистики. Среди последних особое значение приобретают гуманистические ценности, аксиологические основы идентичности, формирующие стабильность и «гуманистическую перспективу».

В мае-июне 2020 г. под руководством автора был проведен онлайн-опрос на базе цифровой платформы Anketa.in.ua, в котором приняли участие эксперты, блогеры, журналисты массмедиа. Возраст ре-

спондентов от 18 лет. Массив насчитывал 205 анкет, отобранных для анализа. В опросе приняли участие представители различных регионов Украины (в частности, из Киева, Днепра, Одессы, Харькова).

Случайная выборка респондентов предусматривала широкую аудиторию пользователей социальных сетей. На этапе анализа были агрегированы группы по профессиональному признаку: журналисты — 16%, работники сферы связей с общественностью (включая студентов-магистров этой специальности) — 17,6%.

Среди креативных предложений, появившихся в социальных сетях во время карантина более всего интересовали участников опроса «театры, музеи, концерты, которые стали доступны в онлайн-режиме» — 43,8%, на втором месте — «появление новых хештегов, челленджей, «звездных» флешмобов» — 26,1%, на третьем — «новые идеи прямых трансляций и развлекательного контента у блогеров и «селебритис» — 11,5% (среди журналистов и «возрастных» респондентов) и 14,6% — возможность дистанционного обучения (среди студентов).

Как показало исследование, наиболее популярными у респондентов являются Facebook и YouTube. Последний, даже опережает Facebook по частоте посещений в течение недели; YouTube — 62,4%, а Facebook — 54,6% (по сумме позиций «каждый день» и «несколько раз в неделю»). Третьим по популярности у респондентов-пользователей соцсетей является Instagram, в нем находятся в течение недели 46,3% участников опроса. Взвешивая то, что именно в этой сети доминируют визуальные элементы, то необходимо обратить внимание и на влияние сети на развитие имиджевых технологий как в корпоративном сегменте, так и в личном (построение персональных имиджей). Также современные исследования показывают, что аудитория Facebook интересуется полезным контентом (новости, политика, развитие, работа). Идеальным для Facebook является контент, который призывает к обсуждению и распространению, а акцент в Facebook делается на серьезности и профессиональной направленности контента. В Instagram пользователи активно делятся своей личной жизнью, фото и видео. Контент в Instagram отличается яркостью, эстетичностью, креативной фактурой, акцентируя на приятной атмосфере для отдыха, развлечений, саморазвития, вдохновения и мотивации. Среди ответов на открытый вопрос «С какой целью Вы используете социальные сети?» можно выделить несколько смысловых групп:

а) личный блог / рабочая страница — общаюсь с клиентами, друзьями, коллегами, слежу за тем, что мне интересно и помогает в развитии, приобретаю новые навыки; б) творческая реализация, возможность заявить о себе, показать свои увлечения и донести до аудитории свои мысли; в) рабочий инструмент для распространения информации в рамках моей профессиональной деятельности, продажи, реклама своих

товаров и услуг; г) осуществляю профессиональные коммуникации, для развития собственного бизнеса, как инструмент для благотворительности; д) возможность находиться в курсе событий в мире, обучение, участие в художественных и учебных проектах (концерты онлайн, лекции онлайн и т.д.), узнавать новую информацию, просматривать новости, источник информации о текущих новостях и т.п.

Особую группу, испытывающую на себе так называемую «дихотомию персонификации» [4], составляют журналисты, выступающие и как персонифицированные медиакоммуникаторы традиционных медиа, и как носители определенной информации в сетях (на собственных страницах, на веб-страницах массмедийных каналов и т.д.). В связи с расширением Интернета социологи отмечают фактор образования новых форм коммуникативного поведения в сетях и киберкультуре в целом, где господствуют горизонтальные связи и отсутствуют территориальные, иерархические и временные границы. Однако разновидности общения в сетях, кроме коммуникационной направленности, еще отличаются по степени интенциональности, высказывания собственного мнения или трансляции уже известной информации с собственными комментариями. Последний вид контента получил особое распространение в сетях в период пандемии, начиная с весны 2020 г.

Особенность массового социально ориентированного общения заключается в том, что слово медиакоммуникатора не просто «вложенное» значение, оно является составной частью риторики и активного коммуникативного взаимодействия в медиaprостранстве. Содаваемые смыслы одновременно обращены через систему средств воплощения и трансляции к сознанию и чувствам массовых аудиторий и реципиентов интернет-сетей. Как отмечал Умберто Эко, даже «самый минимальный нюанс звучания, соответствующий смещению иглы в бороздке пластинки, становится знаком» [5, 143]. Это значит, что открывается возможность считать неуместным и случайным все то, что не уместается в рамки конструкции, выстраивается; ведь отклонение — это не просто отсутствие структуры, оно тоже каким-то образом организовано. Именно подобная мысль приводит У. Эко к существованию «отсутствующей структуры» как определенной внутренней закономерности коммуникативного взаимодействия, направленной на возрождение Структуры во имя ее утверждения, «код — это структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают возможность быть сообщаемыми. Все коды могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого и всеобъемлющего» [5, 67]. Вневременная направленность системы кодов базируется на описании кодов как системы ожиданий. Последнее особенно важно для нас с точки

зрения описания системы ожиданий «актера» коммуникативного взаимодействия в медиапространстве, который конструирует свое информационное поле как создатель собственной, только ему известной «системы кодов как системы ожиданий», т.к. она стимулирует «информативность и новизну, потрафляя надеждам адресата, подтверждая его ожидания и убеждая согласиться с тем, с чем он уже и так сознательно или бессознательно согласен» [5, 103]. Если структурализм чему-то и научил, как указывал Ж. Деррида, так это тому, что быть структуралистами это, в первую очередь, означает противостоять любой «заорганизованности смысла», суверенности и равновесию «всякой устойчивой формы» [6, 40].

В то же время массмедиа все шире используют возможность достаточно жестко отбирать и «кодировать» информацию в соответствии с потребностями элит. Как писал Э. Тоффлер, «общества имеют более сложные и многочисленные коды для передачи образов от человека к человеку, соотношение закодированных сообщений получаемых обычными людьми уменьшается в пользу закодированных. Иначе говоря, мы можем предположить, что сегодня большая часть наших образов добывается из искусственных сообщений, а не из личных наблюдений «сырых», «незакодированных» событий» [7, 73]. Это частично совпадает с позициями М. Хайдеггера, который считал конечным и будущее социальное время, и общество с его отношениями, а следовательно, и культуру общества — тоже конечной. Это, по его мнению, связано с исчерпаемостью деятельности, что «простирается в будущее и связывает будущее с настоящим» [8, 43].

Необходимо признать, что одним из важнейших результатов использования информационно-коммуникационных технологий является преодоление «фреймов» времени, свободный доступ к каналам различной информации, формирование субъектом собственного информационного поля и той «повестки дня», которая соответствует его интенциям и интеллектуальным запросам. Образование новых форм коммуникативного поведения открывает путь к решению «проблемы времени» самим субъектом медиакоммуникаций (будь-то журналист, блогер, и др.). Н. Луман, открывая веские связи интерференции времени и рационализации социального бытия, замечал, что «современное мировое общество непрерывно воспроизводится на уровне интеракции, управляемой ожиданиями; но вряд ли оно способно адекватно описывать себя» [9, 121–122].

Если представить, что «образ настоящего» действительно выступает главной субъективной детерминантой индивидуального движения жизни, то центральным компонентом субъективной картины мира с определенной очевидностью можно считать «жизненную программу личности». В этом смысле модели жизненного мира личности можно представить тремя основными кластерами:

а) психологические модели (преимущественно поведенческие);

б) социокоммуникативные модели (в рамках которых решаются проблемы установления коммуникативных связей: интерперсональных — личностно ориентированных, массовых — социально ориентированных, технологических, др.;

в) собственно лингвистические (семантические) модели, которые могут быть реальными или ирреальными, в том числе «гиперреальными» (термин Ж. Бодрийяра).

Все три типа включают так называемую интернализацию социального опыта (могущего быть для личности каждый раз особенным), причем именно последнее акцентирует одну из центральных детерминант влияния информационного пространства, ведь с помощью него существенно расширяется и интернализируется социальный опыт. Современные исследования социальной реальности базировались в течение последних десятилетий на весьма широком спектре теоретических концепций, философских, социопсихологических и социокоммуникативных подходов, а именно: от онтологического по своей сути социального бихевиоризма, неокорпоративизма, постфордизма, социальной философии и конфликтологии — до теории рационального выбора, парадигм структурно-функционального анализа и постмодернизма. При этом все они оставляют после себя впечатление исследования последствий социально-экономического и социально-политического кризиса или же угроз, надвигающихся на наше общество (что существенно актуализировалось в 2020 г. в связи с пандемией COVID-19). Материальные и идеологические остатки прошлого в значительной мере сказываются на реализации любых проектов модернизации современного социального и медиапространства, включая такие социальные институты, как семья, школа, армия, здравоохранение, высшее образование, система средств массовой коммуникации.

С точки зрения воздействия на ход социальных процессов, все события и элементы социальных трансформаций можно разделить на две группы: первая — элементы собственно социальных изменений, то есть изменений социальных отношений, и вторая — изменения в системах социокультурных явлений, наиболее масштабной средой для разворачивания которых является глобальное медиакоммуникативное пространство. П. Сорокин отмечал еще в начале XX в.: «Исследование любой интегрированной системы социокультурных явлений показывает, что все главные ее элементы являются с разной степенью интенсивности взаимозависимыми. <...> Когда изменения в одном из классов (скажем, в экономическом) внутри интегрированной системы сопровождаются одновременными или отсроченными изменениями в другом классе <...> мы скорее рассматриваем все эти изменения как проявления трансфор-

мации в социокультурной системе в целом» [10, 188].

Когда мы рассматриваем дихотомичность проблемы: «медиа — для общества» или «общество — для медиа», мы одновременно попадаем в ситуацию двусмысленности и противоречивости двух основных теоретических парадигм исследования массовой коммуникации; в первом случае, когда речь идет о медиацентрической парадигме, где основное внимание уделяется (как уже отмечалось) влиянию канала или средства массовой коммуникации на реципиента, на подчинение человека силе воздействия «вездесущих» и «всемогущих» массмедиа. Фактически это направление изучает выполнение массовой коммуникацией ее социальных функций преимущественно как социального заказа элит: власти, представителей правящих классов и пр. Аудитория в течение многих лет рассматривалась лишь как объект воздействия СМИ. Именно модели «парадигмы эффектов» на долгое время определили доминирование «монологической», асимметричной направленности субъект-объектного общения в информационном пространстве.

В другой парадигме — реципиентоцентрической — основное внимание уделяется реципиенту как потребителю продукции массовой коммуникации. Однако в данном подходе изучаются преимущественно социально-психологические функции массовой коммуникации в определенном отрыве от социальных. Очевидно, более плодотворным было бы объединение элементов обоих подходов в модель субъект-субъектного общения. В таком случае аудитория СМИ могла бы рассматриваться как партнер по общению, а сам журналист как модератор (зачастую — инициатор) процесса коммуникативного взаимодействия в медиaprостранстве. В условиях владения необходимыми компетенциями поиска, формирования информационного выбора и ориентированности в предложениях глобального медиaprостранства реципиент становится полноправным субъектом медиакommunikаций. Именно эти трансформации открывают сегодня перспективы превращения односторонней «медиацентричной» коммуникации в процесс персонификации информационного обмена, опираясь на смысловую направленность «вневременных» характеристик медиaprостранства.

«Вневременные» характеристики медиaprостранства можно рассматривать как социальные и социально-психологические функции массовой коммуникации, как различные стороны одного и того же явления в их взаимодействии. С одной стороны — это функция

трансляции смыслов между разными поколениями, где принятие/непринятие определенных смысловых пластов преодолевает «межпоколенческие» барьеры; с другой стороны — это возможность журналиста выйти за рамки, предписанные условиями вещания или объемом материала (в том числе хронометражом), и получить непосредственные мнения и впечатления от адресата (что весьма немаловажно в журналистском творчестве); с третьей стороны — это возможность ощутить вечные ценности в их непреложности и себя — журналиста их персонифицированным носителем. Все указанные проявления требуют отдельных более глубоких исследований, но постановка проблемы «вневременного» характера передаваемых смыслов сегодня весьма актуальна для современного пространства медиакommunikаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. McClurg Scott. *Socia Networks and Political Participation: The Role of Social Interaction in Explaining Political Participation* / Scott McClurg // December 2003. — *Political Research Quarterly* 56 (4). — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/40222531_Socia_Networks_and_Political_Participation_The_Role_of_Social_Interaction_in_Explaining_Political_Participation (дата обращения: 29.11.20)
2. *Мультимедийная журналистика* / под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. — М., 2017. — 413 с.
3. Susska O. *Modern Approaches to the Evolution of Communication Processes in the Context of Transformation of Mediasystems* / O. Susska [Сусская О. Современные подходы к эволюции коммуникационных процессов в контексте трансформации медиасистем] // *European Political and Law Discourse*. — 2017. — Volume 4. Issue 2. — P. 195–201.
4. Сусская О. А. *Персонификация информационного обмена*. Монография / О. А. Сусская. — Киев: Логос, 2013. — 256 с.
5. Эко У. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию* / У. Эко; пер. с итал. — М.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 432 с.
6. Derrida J. "Force et signification" in *L'écriture et la difference* / J. Derrida. — Paris, 1967.
7. Тоффлер Э. *Футушок / Э. Тоффлер*; пер. с англ. — СПб.: Лань, 1997. — 464 с.
8. Хайдеггер М. *Бытие и время* / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. — Харьков: Фолио, 2003. — 503 с.
9. Луман Н. *Время и системная рациональность* / Н. Луман; пер. с нем. М. Бойченко. — Киев: Центр учебной литературы, 2011. — 224 с.
10. Сорокин П. *Человек. Цивилизация. Общество* / П. Сорокин; пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.

Национальный университет «Киево-Могилянская Академия»

*Сусская О. А., доцент кафедры связей
E-mail: susskaya.olga@gmail.com*

*National University of Kyiv-Mohyla Academy
Susskaya O. A., Associate Professor of the of the Public
Relations Department
E-mail: susskaya.olga@gmail.com*

ТВОРЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ В КЛАССИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 марта 2021 г.

Аннотация: статья посвящена Воронежской научно-образовательной школе журналистики (1961–2021) как одной из старейших отечественных школ в контексте развития научного, образовательного, информационного и культурного пространства Центральной и Центрально-Черноземной России.

Ключевые слова: научно-образовательная школа журналистики, теория и практика журналистики, секция, кафедра, факультет, научный журнал, диссертационный совет.

Abstract: the article is devoted to the Voronezh Scientific and Educational School of Journalism (1961–2021) as one of the oldest Russian schools in the context of the development of the scientific, educational, information and cultural space of Central and Central Chernozem Russia.

Keywords: scientific and educational school of journalism, theory and practice of journalism, section, department, faculty, scientific journal, dissertation council.

В 2021 г. Воронежский государственный университет отмечает шестидесятилетие специальности высшего образования «Журналистика», хотя подготовки журналистских кадров в Воронеже началась в конце 1950-х гг., когда было решено нескольких выпускников историко-филологического факультета ВГУ направить на работу в редакции районных газет Воронежской и Белгородской областей¹. Для будущих журналистов был прочитан специальный курс «Газетное дело», включавший в себя сведения по оформлению газетных полос, по проблематике и жанрам публицистики. Занятия на факультете вели сотрудники областных газет «Коммуна» и «Молодой коммунар», а также представители сектора печати обкома КПСС. Многие из тех, кто с лета-осени 1959 г. начал работать в редакциях, надолго связали свою судьбу с практической журналистикой. Официально же подготовка журналистских кадров в ВГУ началась осенью 1961 г., когда по решению Министерства высшего и среднего образования на филологическом факультете было создано заочное отделение журналистики, принявшее первые 25 человек. Его специфика заключалась в том, что это была единственная творческая специальность в классическом университете, потребовавшая особой организации учебного процесса. Основная нагрузка по созданию отделения легла на пришедших в университет Валентину Витальевну Ситенко и Георгия Владимиро-

вича Антюхина. Они же читали основные теоретические курсы по новой специальности. Для проведения практических занятий были привлечены опытные журналисты «Коммуны» Борис Митрофанович Подкопаев, Федор Николаевич Сурин, Сергей Васильевич Погребенченко.

Секция журналистики — «прабабушка» всех учебно-методических структур будущего факультета — работала в составе кафедры истории советской литературы. Следует подчеркнуть, что филологи неформально отнесли к новорожденному отделению, и неслучайно уже в первые годы набор в группы журналистов вырос с 25 до 50, а затем и до 75 человек, составивших три академические группы.

На заочное отделение журналистики принимали в то время только лиц, имеющих двухлетний стаж практической работы или службы в ВС СССР. Предпочтение при этом отдавалось штатным сотрудникам средств массовой информации. Найдена была официальная ниша: отделение журналистики ВГУ готовило корреспондентов преимущественно для районных газет, которые испытывали огромный кадровый голод. Зона обслуживания — Центрально-Черноземный регион. Это обстоятельство обусловило качественные параметры контингента сотрудников-заочников, основу которого составляли целевики — посланцы районных и городских редакций близлежащих к Воронежу областей.

Важно отметить, что создатели отделения, а затем и факультета журналистики — участники Великой Отечественной войны Георгий Владимирович Антюхин, Борис Владимирович Кривенко, Горислав Валентинович Колосов — пришли в педагогику, отдав дань работе в прессе, а затем найдя свой путь и в журналистской науке, в журналистском образовании.

¹ Кройчик Л. Е., Тулупов В. В. Роль Воронежского государственного университета в развитии СМИ региона // Славянский мир: общность и многообразие: Материалы международной научной конференции. Воронеж, 2003. С. 181–185.

Г. В. Антюхин стал признанным историком русской провинциальной печати и краеведом. Окончив историко-филологический факультет ВГУ, он сначала работал старшим научным сотрудником Государственного архива Воронежской области, затем — редактором отдела критики и публицистики журнала «Подъем», а с 1960 г. стал преподавать в альма-матер. После защиты докторской диссертации в 1984 г. возглавил кафедру истории журналистики и журналистского мастерства. Профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области» (2002) Г. В. Антюхин — автор около 300 печатных работ, в том числе более 10 изданных в Воронеже книг: «Встречи на воронежской земле» (1969), монографии по истории Воронежской печати 1798–1945 (1973, 1976), «Друзья Л. Н. Толстого Г. А. Русанов и В. Г. Чертков» (1983), «Литературное былое» (1987) и др. Организатор Всероссийской конференции по истории местной печати, первый президент Академии наук региональной печати России.

Б. В. Кривенко — лингвист и медиапедагог — стал организатором и заведующим трех кафедр: журналистики (1967–1974); практической стилистики и литературного редактирования (1974–1978); истории журналистики и журналистского мастерства (1978–1983). Его научные интересы также были разнообразны: ученого интересовали не только история и современное состояние русского языка, языка публицистики, но, например, теория и практика кино и телевидения. Б. В. Кривенко — автор около 200 научных и методических работ, в том числе монографии «Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект» (1993), «Частотного словаря языка массовой коммуникации» (1992). Он, один из создателей городского киноклуба (1965), регулярно выступал в местной прессе с материалами о культуре речи и современном кино.

Итак, в 1967 г. была образована кафедра журналистики, выпускники которой постепенно начали занимать ключевые посты в редакциях районных газет. По инициативе кафедры были организованы вечерние занятия для студентов-воронежцев. В 1968 г. был произведен первый набор на стационар. Укреплялся состав кафедры, пополняемый журналистами-практиками. Филфак делегировал Екатерину Григорьевну Мущенко, Владислава Анатольевича Свительского, Марию Афанасьевну Шлыкову. При организации журналистского образования в университете необходимо было не просто ориентироваться на практиков, но и побуждать их к научной деятельности, к освоению методики педагогики. Так на факультете появились Лев Ефремович Кройчик, Маргарита Ивановна Стюфляева, Эмма Афанасьевна Худякова, Вадим Георгиевич Кулиничев, Татьяна Васильевна Лебедева, Лидия Георгиевна Люличева, защитившие вскоре кандидатские диссертации.

Г. В. Антюхин открыл научный кружок по истории местной печати. Силами его участников был создан Музей истории печати Воронежского края, и за эту работу большая группа студентов-заочников получила грамоты Министерства. В 1975–1988 гг. вышло пять книг, авторами которых были студенты: «Университет в солдатской шинели», «Рожденный революцией», «Была бы Родина», «Интернациональная радуга ВГУ», «Университетская площадь». Составителем и редактором этих изданий был Л. Е. Кройчик, который впоследствии возглавлял одну из кафедр факультета, избирался и деканом. Автор свыше 300 научных трудов, в том числе 12 монографий: «Современный газетный фельетон» (1975), «Поэтика сказа» (1978; совместно с Е. Г. Мущенко, В. П. Скобелевым), «Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова» (1986), «Неуловимый Чехов» (2007) и др. Регулярно публиковался в местной периодике с культурологическими и публицистическими материалами. В 1962–1976 гг. как художественный руководитель возглавлял Театр миниатюр ВГУ, в 1993–2000 гг. параллельно работал также штатным редактором отдела культуры газеты «Воронежский курьер».

М. И. Стюфляева преподавала в ВГУ журналистику с 1965 г. до 2000 г. Начав трудовой путь учителем средней школы (1955–1958), она продолжила его редактором детских передач Воронежского телевидения (1958–1962), а затем преподавателем ВГУ. Основные научные интересы М. И. Стюфляевой были связаны с разработкой теории публицистики. Ее монографии «Поэтика публицистики» (1975), «Образные ресурсы публицистики» (1982), «Человек в публицистике» (1989) до сих пор являются актуальными, на них охотно ссылаются исследователи поэтики публицистики.

Таким образом, в первый — начальный — период подготовка работников прессы проходила в рамках отделения журналистики филологического факультета, что позволило дать студентам серьезную гуманитарную базу с акцентом на публицистическом творчестве.

Следующий — второй этап — связан с открытием в 1968 г. и последующим развитием дневного отделения, укреплением кадрового состава журналистами-практиками, и прежде всего Вадимом Георгиевичем Кулиничевым, Александром Тихоновичем Смирновым, Эммой Афанасьевной Худяковой.

В 1974 г. кафедру журналистики возглавил приехавший из Алма-Аты профессор Горислав Валентинович Колосов. В 1951 г. он окончил факультет журналистики Казахского государственного университета, где впоследствии работал старшим преподавателем, доцентом (1953–1975). После заведывания отделением журналистики филфака ВГУ (1975–1978), а с 1978 г. по 1985 г. — кафедрой теории и практики

журналистики (1978–1985) он стал первым деканом факультета журналистики ВГУ (1985–1989). Автор более 150 научных и учебно-методических трудов по проблемам становления, развития и современного состояния теории и практики журналистики: «Проблемы типического в очерке» (1962), «Очерк и жизнь» (1966), «Поэтика очерка» (1977), «Журналистика как творческий процесс» (1977), «Корреспонденция — жанр публицистики» — в соавторстве с Л. Е. Кройчиком и Э. А. Худяковой (1987).

Г. В. Колосов, во-первых, предложил готовить кадры не только для районных, но и для областных газет, а во-вторых, провозгласил курс на расширение «зон обслуживания» отделения, включив в нее, помимо Черноземья, и регионы Центральной России, Среднего и Нижнего Поволжья. Еще одним важным шагом, предпринятым Г. В. Колосовым, стал переезд отделения в здание бывшей средней школы на Пушкинскую, 16. Решение это носило стратегический характер: оно означало, что тогда еще отделение начинало по существу самостоятельную жизнь. Переезд позволил заметно расширить и развить материальную базу факультета: были созданы телестудия, фотолаборатория, класс машинописи, филиал зональной научной библиотеки ВГУ, сориентированной на обслуживание студентов-журналистов — так складывалась современная инфраструктура факультета. Это позволило, в частности, начать регулярный выпуск учебной газеты «Журналист».

В 1975 г. был осуществлен первый прием в аспирантуру — отделение начинает готовить кадры для себя. В 1981 г. на отделении возникает новая кафедра — истории журналистики и журналистского мастерства (первоначально ее возглавляет Б. В. Кривенко, а после защиты докторской диссертации в том же году — Г. В. Антюхин). И вот через четыре года создается факультет журналистики — тринадцатый по счету в ВГУ. На кафедрах уже успешно работают выпускники отделения журналистики. Приходят Любовь Ивановна Дзэконова, Анна Александровна Андреева, Лидия Георгиевна Люличева, Наталья Николаевна Козлова, Виктор Владимирович Гаг, Татьяна Федоровна Лапик. Будущий доктор наук Татьяна Васильевна Лебедева после окончания в 1958 г. филологического факультета МГУ работала сначала в газете «Вологодский комсомолец», а затем в Ярославском областном комитете по телевидению и радиовещанию. Переехав в Воронеж, пришла в 1978 г. работать на отделение журналистики, в 1989 г. защитила кандидатскую, а в 2004 г. — докторскую диссертацию. Научные интересы профессора Лебедевой, опубликованной более 150 работ, включая 3 монографии и 2 учебника, обширны: это и жанры радиожурналистики, и детско-юношеская пресса, и журналистика русского зарубежья, и история рекламы и PR.

В 1987 году открывается еще одна кафедра — практической стилистики и литературного редак-

тирования, которую возглавила доцент Светлана Андреевна Гостеева. Она была открыта в связи с тем, что на отделении, а затем на факультете студенты-иностранцы обучались с 1968 г. (они представляли преимущественно развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки), и на кафедре была разработана эффективная методика преподавания русского языка как иностранного.

Создается воскресная школа для работы с абитуриентами по программе творческого конкурса. Совершенствуется учебный план. В результате бурных дискуссий, в которых — дань времени — активное участие принимают студенты, в учебном процессе появляются творческие студии, свободное посещение лекций для старшекурсников, курсы по выбору студентов, три специализации: газетная журналистика; радио- и тележурналистика; реклама и паблик рилейшнз.

В 1994 г. деканом факультета становится автор данной статьи². С этого времени ведет отсчет *третьей этап* развития факультета, который можно назвать этапом зрелости, отмеченным дальнейшим развитием инфраструктуры, расширением спектра специальностей и специализаций, имеющих отношение к медиасфере, освоением современных, в том числе компьютерных технологий, развитием издательской деятельности³.

Расширяется бюджетный набор — по 36 человек на дневное и заочное отделения на «Журналистику», а также на новые лицензированные специальности «Реклама» и «Связи с общественностью» (по 12 человек на ОДО и ОЗО). Растет число студентов-контрактников (до 100 человек на курсе). Открываются бакалавриат и магистратура для иностранных граждан.

В 1999 г. факультет открыл филиал в Старом Осколе, создал учебные группы для лиц, получающих вто-

² Владимир Васильевич Тулупов — доктор филологических наук (2000), профессор (2001), декан факультета журналистики (с 1994 г. по наст. вр.), президент Академии наук региональной печати России, председатель Совета Гильдии аналитических журналистов. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Председатель регионального отделения УМО университетов РФ по Центральной и Центрально-Черноземной России, председатель диссертационного совета Д 212.038.18 при ВГУ по научной специальности 10.01.10. С 1996 г. — главный редактор научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации», с 2004 г. — главный редактор серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник ВГУ». Сфера научных интересов: дизайн и реклама в СМИ; типология прессы; менеджмент СМИ; деонтология журналистики, рекламы и СО (PR). Количество опубликованных работ: более 600, в том числе 30 монографий. Более 30 подготовленных кандидатов наук и 5 докторов наук.

³ Тулупов В. В. Научно-образовательная школа журналистики ВГУ // Вестник ВГУ. Сер. Проблемы высшего образования. Воронеж, 2020. № 4. С. 98–101.

рое высшее образование, запустил программу профессиональной переподготовки «Журналистика» для лиц, имеющих непрофильное высшее образование.

В эти годы широко развернулась сеть довузовской профессиональной ориентации школьников. Преподаватели факультета вели занятия в гуманитарных классах г. Воронежа, на подготовительном отделении, включающем подготовительные курсы, Воскресную школу журналистов (11-е классы) и Школу юных журналистов (8–10-е классы). На факультете работали школы дизайна, рекламы, работников пресслужб, фоторекламы и фотожурналистики — своеобразные курсы переподготовки для рекламистов, пиарменов, дизайнеров, фотохудожников и фоторепортеров, не имеющих специального образования. С 1993 г. проходит региональная олимпиада старшеклассников по журналистике в виде телевизионного конкурса «Проходной балл».

В 2000 г. факультет возглавил региональное Учебно-методическое объединение Центральной России и Черноземья по журналистике, взявшее на себя функции методического центра для новых отделений и факультетов журналистики в Белгороде, Ельце, Иванове, Курске, Орле, Рязани, Саратове, Тамбове, Твери, Тольятти и др., которые остаются верны главному принципу журналистского вузовского образования: сохранить традиции сочетания фундаментальной гуманитарной и прикладной — инструментальной — подготовки студентов с инновационным подходом при обучении бакалавров, магистрантов и аспирантов в сфере массовой коммуникации.

А факультет журналистики ВГУ продолжал развиваться, открыв в 2013 г. направление «Телевидение»; в 2016 г. — специальность «Военная журналистика», в 2020 г. — направление «Медиакоммуникации», расширив сеть учебных СМИ (городская детско-юношеская газета «Сорок-А», факультетская газета «Третий глаз», городской студенческий интернет-портал «5 сов»).

В настоящее время на факультете функционируют три кафедры: журналистики и литературы; электронных СМИ и речевой коммуникации; связей с общественностью, рекламы и дизайна. В каждой — по две секции: в первой — истории журналистики и теории и практики журналистики; во второй — телевизионной и радиожурналистики; стилистики и литературного редактирования, в третьей — связей с общественностью; рекламы и дизайна.

Они осуществляют образовательный процесс на направлениях высшего образования «Журналистика» и «Реклама и связи с общественностью» (бакалавриат, магистратура), «Телевидение» и «Медиакоммуникации» (бакалавриат), на специальности высшего образования «Военная журналистика», на специальности среднего специального образования «Реклама», на научной специальности «Журналистика» (аспирантура).

К концу 1960-х годов на отделении журналистики сложились научные направления: история местной печати (Г. В. Антюхин), поэтика публицистики (М. И. Стюфляева), функциональный стиль массовой коммуникации (Б. В. Кривенко). С открытием аспирантуры проблематика исследований естественно расширилась, а с начала 1990-х годов научная жизнь на факультете особенно оживилась, и прежде всего за счет проведения ежегодных научно-практических конференций с обязательным выпуском их материалов. С 2004 г. про настоящее время ежегодный майский форум, ставший по статусу международным, получил постоянное название — «Проблемы массовой коммуникации», как и проводимая также ежегодно в октябре с 2000 г. научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Журналистика, реклама, связи с общественностью: новые подходы». К этим двум конференциям прибавились секции нашего факультета на Рождественских образовательных чтениях и Песковских чтениях, а также секция на проводимой раз в два года совместно с факультетом географии, геоэкологии и туризма ВГУ научно-практической конференции с международным участием «Журналистика и география».

С 1996 г. на факультете стал выходить научный альманах «Акценты. Новое в массовой коммуникации», на страницах которого публикуются научные труды как ученых ВГУ, так и коллег с факультетов и отделений журналистики России, ближнего и дальнего зарубежья. В 1998 г. была создана Академия наук региональной печати России, в состав которой входили пятнадцать видных ученых из нескольких регионов страны, специализирующихся в изучении местной прессы. В 2003 г. начал работу совет по защите кандидатских и докторских диссертаций, а с 2004 г. был начат выпуск серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник ВГУ», имеющего ВАКовский статус. Сегодня на факультете также функционируют редакции нескольких продолжающихся изданий («УМО-регион»; «Современные проблемы журналистской науки»; «Актуальные проблемы телевидения и радиовещания», «Былое и мы»; «Практика», «Бюллетень лаборатории региональной журналистики»).

Все годы факультет не только готовил свои кадры высшей квалификации, но и привлекал ведущих доцентов и профессоров из других вузов. Виктор Васильевич Хорольский, прежде чем прийти преподавать в вуз, успел поработать учителем средней школы (станция Медведовская Краснодарского края, 1974–1975). В ВГУ — с 1989 г. Автор свыше 250 научных работ, в том числе 7 монографий («Западная публицистика XVIII–XX века: основные вехи эволюции» (2007), «Публицистика Англии и США XVIII–XX веков» (2008), «Медиаинформация и массовая коммуникация» (2009), «Западная литература и публицистика XX века: культурологический подход» (2009), «Соци-

окультурные аспекты глобализации масс-медиа Запада» (2009) и др.).

Марина Евгеньевна Новичихина также начала с учителя средней школы (1985–1991), затем защитила кандидатскую (1995) и докторскую (2004) диссертации. Ее основные научные интересы: проблемы психолингвистики, теории коммуникации, теории номинации (в частности — коммерческой номинации). Автор более 150 научных работ и 4 монографий, в том числе работы «Коммерческая номинация» (2003). В 2006–2008 гг. — заведующая кафедрой связей с общественностью факультета журналистики ВГУ.

Владимир Васильевич Колобов — выпускник факультета журналистики ВГУ 1981 г. — работал в региональной и центральной печати (в 1992–1996 гг. был главным редактором областной газеты «Молодой коммунар»). В декабре 2005 года защитил кандидатскую диссертацию «Рекламные и PR-технологии в СМИ в региональных избирательных кампаниях современной России (1995–2005 гг.)»; в 2017 году — докторскую диссертацию «Дневник писателя как документ эпохи (на материале дневника А. В. Жигулина)». Автор более 100 научных трудов, включая такие, как «Запомним его таким», «Жигулинский век», «Дневник А. В. Жигулина как документ эпохи», «Читая дневники поэта...», «Уроки “Нового мира” А. Т. Твардовского». Публиковался в журналах «Знамя», «Подъём», альманахе «Ямская слобода» и др. изданиях.

Сергей Владимирович Савинков — литературовед, педагог, доктор филологических наук (2004), профессор (2005). После окончания ВГУ работал учителем средней школы (1983–1988), откуда был приглашен работать в ВГПУ; с 2005 г. также — профессор кафедры истории журналистики и журналистского мастерства ВГУ. Область научных интересов — теория литературы, поэтика и семиотика; история русской литературы, история литературной критики. Он — автор более 100 научных трудов, в том числе 4 монографий.

Алла Михайловна Шестерина окончила филологический факультет Тамбовского государственного университета (1995). В 1999 г. защитила кандидатскую, в 2004 г. — докторскую диссертацию (2004), профессор (2006). Сфера исследовательских интересов — особенности восприятия и воздействия экранной информации, выразительные средства экрана, актуальные проблемы развития аудиовизуальных средств массовой информации, медиапсихология. Автор более 120 публикаций, в том числе монографии «Пolemический текст в современном медиaprостранстве (функциональные, жанровые и структурные особенности печатной полемики)» (2003). Редактор ежегодного сборника кафедры «Актуальные проблемы аудиовизуальных СМИ».

Елена Валерьевна Маслова — кандидат филологических наук, доктор экономических наук, доцент.

Является доцентом факультета журналистики ВГУ (кафедра связей с общественностью, рекламы и дизайна) и профессором ВИЭСУ (кафедра региональной экономики и менеджмента). Сфера ее научных интересов — стратегическое планирование в социально-экономической сфере, эффективный менеджмент и проектная деятельность, маркетинговые коммуникации, социологическое обеспечение маркетинговой деятельности, качество подготовки кадров в высшей школе, конкурентоспособность молодых специалистов на рынке труда, применение профессиональных стандартов и независимой оценки квалификации в подготовке кадров в высшей школе. Опубликовала более 100 научных трудов.

В настоящее время тема научно-исследовательской работы факультета — «Изучение истории, теории и практики функционирования средств массовой коммуникации». Она включает комплекс научных направлений, курируемых шестью секциями трех кафедр: «Журналистика в ряду других социальных институтов и смежных видов деятельности»; «Профессиональные стандарты журналистики»; «Поэтика публицистики»; «Маркетинг и менеджмент в журналистике»; «Медиадизайн»; «История отечественной и зарубежной журналистики»; «Функциональный стиль массовой коммуникации»; «История, теория и практика телевидения и радиовещания»; «Правовые и этические нормы в рекламной и СО-деятельности» и др.⁴

В ряде коллективных учебных пособий и монографий выявлялась типология и специфика новых видов коммуникации, модификаций СМИ (электронные версии изданий, сайты и др.), маркетинговые модели выпуска периодических изданий: Связи с общественностью: базовые понятия. Воронеж, 2003; Теория и практика рекламы. СПб., 2006; Техника и технология СМИ: печать, телевидение, радио. СПб., 2006; Реклама и связи с общественностью: теория и практика. Воронеж, 2015; Техника и технология медиадизайна. Электронные СМИ. М., 2019; Типология прессы: история, теория, практика. Воронеж, 2019.

Перечислим также некоторые труды, подготовленные в эти годы учеными факультета: Гордеев Ю. А. Слово и изображение в рекламе. Воронеж, 2001 (в соавторстве); Дурова О. И. Эссеизм: вопрошание о смысле. Воронеж, 2001; Жолудь Р. В. Начало православной публицистики: Библия, апологеты, византийцы. Воронеж, 2002; Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. СПб., 2000; Новичихина М. Е. Коммерческая номинация: теория и практика. Воронеж, 2018; Сапунов В. И. Зарубежные информационные агентства. СПб., 2006; Тулупов В. В. Дизайн

⁴ Тулупов В. В. Журналистиковедение: предметно-объектное поле и структура // Вопросы журналистики. Научный журнал. 2017. № 1. С. 35–46.

и реклама в системе маркетинга российской газеты. Воронеж, 2000; Реклама в коммуникационном процессе. Воронеж, 2003, Дизайн периодических изданий. СПб., 2006; Техника и технология медиадизайна. Пресса. М., 2018; Техника и технология СМИ. Бильдредактирование. М., 2019, Уроки журналистики. М., 2019; Основы моделирования в журналистике. Воронеж, 2020; *Хорольский В. В.* Медийность текстов в средствах массовой коммуникации: монография. М., 2020; *Шестерина А. М.* Психология журналистики. Воронеж, 2010.

Факультет последовательно устанавливал и развивал научные и учебно-методические связи в рамках СНГ. В начале 1990-х годов наладились хорошие контакты с Киевским институтом журналистики, с Белорусским и Ташкентским государственными университетами. Воронежские ученые также охотно публикуются в зарубежных научных журналах и сборниках тезисов конференций: *Rocznik prasoznawczy* (Сосновец, Польша), *Slavica* (Дебрецен, Венгрия), «Культура в фокусе научных парадигм», «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк), «Современная культура и образование: история, традиции, новации» (г. Луганск), «Личность художника в культуре» (г. Херсон), «Информационно-образовательные и профессионально-коммуникационные технологии XXI века» (г. Одесса) и др. Укреплению сотрудничества способствовали и семинары («Международное гуманитарное право в профессиональной подготовке журналистов», «Право и этика в журналистике» и др.), проводимые под эгидой Международного комитета Красного Креста, конференции, проводимые Европейским центром журнализма (г. Маастрихт), Свободным Российско-Германским институтом публицистики (г. Москва), Московским государствен-

ным университетом, Национальным институтом прессы, МГИМО, Международным институтом рекламы. Во многих из этих мероприятий принимали участие как ведущие преподаватели факультета, так и аспиранты.

Диссертационный совет ДС 212.038.18 при Воронежском государственном университете был создан в 2003 году. За почти двадцать лет его функционирования было проведено более 130 защит кандидатских и 15 докторских диссертаций. Если поначалу география соискателей, защищавших работы в нашем совете, как правило, ограничивалась областями Центрального Черноземья и юга России (в лидерах, очевидно, были исследователи из Воронежа, являющиеся воспитанниками нашей аспирантуры, Белгородского и Тамбовского государственных университетов, а также Южного федерального университета), то затем она заметно расширилась, захватив пространство буквально от Калининграда (Ю. О. Любановская) до Владивостока (П. В. Ушанов): Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Екатеринбург, Орел, Пятигорск, Ставрополь, Тольятти, Уфа и др.

Ученые факультета журналистики ВГУ продолжают выявлять и описывать современные технологии, применяемые в массовых коммуникациях, и прежде всего — это моделирование массово-коммуникационной деятельности, целями и задачами которой являются создание социально необходимого информационного продукта; оптимизация условий для истинно творческой самореализации индивидов (коммуникаторов — журналистов, рекламистов, пиарменов), коллективов (редакций, агентств, пресс-центров), аудитории (совокупности реципиентов); постановка профессионально-этических проблем, преодоление стереотипов, развитие целостного, синергетического образа мышления коммуникаторов и др.

Воронежский государственный университет

Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики

E-mail: vlvtul@mail.ru

Voronezh State University

Tulupov Vladimir V., Doctor of Philology, Professor, Head of the of the Public Relations, Advertising and Design Department, Dean of the Faculty of Journalism

E-mail: vlvtul@mail.ru

ОБРАЗ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА СТРАНИЦАХ ВОЕННОГО ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ «ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ 1914–1917 ГГ.» В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1915 ГГ.)

В. В. Фролов

Псковский государственный университет

Поступила в редакцию 3 января 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается и анализируется образ Великобритании, который был создан российскими дореволюционными журналистами на страницах периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.). При написании этой работы было изучено более 50 выпусков «Летописи...».

Ключевые слова: Первая мировая война, информационная война, общественное сознание, информационное воздействие, Великобритания, журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.», история российской журналистики.

Abstract: the article examines and analyzes the image of Great Britain, which was created by Russian pre-revolutionary journalists on the pages of the periodical «The Chronicle of the War of 1914–1917» in the early years of the First World War (1914–1915). When writing this work, more than 50 issues of «The Chronicle...» were studied.

Keywords: The First World War, information war, public consciousness, information impact, Great Britain, the journal «The Chronicle of the war 1914–1917», the history of Russian journalism.

В истории международных отношений двусторонние связи России и Великобритании всегда занимали одно из важнейших мест. Порой полная противоречивых коллизий эволюция российско-британских отношений оказывала прямое влияние на расстановку политических сил на мировой арене и во многом определяла ход истории.

В начале XX в. отношения между Лондоном и Санкт-Петербургом были напряженными: противоречия в Иране, Центральной Азии и на Дальнем Востоке не позволяли этим двум великим державам завершить процесс по созданию в Европе военно-политического блока, направленного против Германской империи и ее союзников. Вплоть до 1907 г. Россия видела в лице Великобритании потенциального врага, который мог стать реальным в любой момент времени. Однако англо-русская конвенция, подписанная 18 августа 1907 г. российским министром иностранных дел А. П. Извольским и британским послом Артуром Николсоном, положила конец «Большой игре» в Азии и завершила складывание Антанты.

В представленной статье мы обратимся к рассмотрению образа Великобритании, который формировали на страницах своего издания корреспонденты российского военного журнала «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.), когда Россия и Британская империя официально были союзниками и вместе воевали

против общего врага — государств Тройственного (позднее Четверного) союза.

«Летопись войны 1914–1917 гг.» — печатное периодическое издание, являвшееся одним из основных официальных информационных источников Российской империи о событиях Первой мировой войны. Этот еженедельный военный иллюстрированный журнал выходил в свет до свержения монархии в России. Всего было выпущено 132 номера «Летописи...». Главным редактором издания являлся генерал-майор Д. Н. Дубенский. Печатался журнал в типографии «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» в Санкт-Петербурге [1].

В современной российской историографии образ Британской империи начала XX в. в той или иной степени исследовали такие авторы, как А. П. Давидсон [2], В. В. Борискин [3], Л. А. Петухов [4], Д. Д. Тетюева [5], М. Н. Лукьянов [6], М. А. Оболонкова [7] и др. При этом научных трудов, посвященных рассмотрению и анализу образа Великобритании в период Первой мировой войны, создаваемого российской периодической печатью, нами обнаружено не было.

Перед тем как непосредственно обратиться к реализации выше обозначенной цели нашего исследования, необходимо отметить, что прямое столкновение в Крымской войне (1853–1856 гг.), взаимная враждебность во время Русско-турецкой, Англо-бурской, Русско-японской войн формировали и закрепляли англофобию как ведущий дискурс в спектре отношений к Великобритании (Англии) и британцам

(англичанам). Однако после заключения в 1907 г. между Британией и Россией союза в повестку правительства обеих империй был включен курс на преодоление взаимных предрассудков и культивирование дружественных отношений. В России министр иностранных дел А. П. Извольский даже начал специально работать с прессой, чтобы противодействовать англофобским стереотипам [7, 50]. Все это не могло не отразиться на особенностях образа Великобритании, формируемого на страницах российских периодических изданий в предвоенный период и годы Первой мировой войны.

На страницах «Летописи войны 1914–1917 гг.» ее корреспонденты уделяют достаточно много внимания Великобритании — ключевому и наиболее боеспособному союзнику Российской империи в войне против военно-политического блока, возглавляемого Германией.

В № 2 «Летописи...» за 1914 г. в аналитической статье «Силы воюющих сторон» ее автор Виктор Новицкий называет Британию могучей морской державой, благодаря которой народы, «воюющие против самоуверенного стремления немцев к захвату гегемонии в Европе», могут быть спокойны за морские театры боевых действий, так как военный флот британцев способен справиться с любым противником. В своей публикации В. Новицкий заостряет внимание и на том, что Великобритания не ограничивается только участием в морских баталиях с Германской империей. «Англия послала на континент свои лучшие войска и вооружается для дальнейшей борьбы с истинно британской методичностью и серьезностью». Он выражает уверенность в том, что Великобританией будут приняты все меры для того, чтобы достойно поддержать свои союзные и дружественные нации. «Гордая и могущественная Англия, как и ее отдельные сыны, свято исполняют свой долг». Завершает свою похвалу Британской империи В. Новицкий заявлением не в полной мере истинным, но патристичным: «Английские колонии спешат не отставать от метрополии, и поэтому вспомогательные отряды английских колоний пересекают океаны под защитой боевого флота владычицы морей и неуклонно стремятся к границам страны, которая зажгла этот небывалый пожар» [8, 37].

В рубрике «Обозрение войны» (№ 3 за 1914 г.) корреспонденты «Летописи...» выражают твердую уверенность в том, что Великобритания не нарушит своего обязательства перед союзниками по Антанте и не при каких условиях не заключит сепаратного мира с Германией. Здесь же авторы данной рубрики высказывают мысль о том, что такой союзник, как Британская империя, не может не гарантировать Антанте преимущества на море. В подтверждение этому корреспонденты издания отмечают, что германский флот не рискует вступать в бой с английским. «Результат частного столкновения немецких крейсе-

ров с английскими судами близ острова Гельголанд не таков, чтобы побудить немцев испытывать боевое счастье в борьбе линейных флотов». По убеждению авторов этой рубрики, «будущее Германии на морях» уже переходит в «прошлое» [9, 44].

В этом же номере журнала в информационной рубрике «За границей» сообщается о том, что Британия выражает России всяческую поддержку и восхищение. «В Лондоне и других городах Великобритании растут симпатии к России и всему русскому». Британцы поражены мужеством русского солдата. Особенно англичане были воодушевлены победой русской армии в Галицийской битве (август — сентябрь 1914 г.), в результате которой русские войска заняли почти всю восточную Галицию и Буковину, а также осадили Перемышль. Этот успех русского оружия был «якорем спасения» для британцев и французов на Западном фронте [9, 55], а британцы, по мнению корреспондентов «Летописи...», умеют быть благодарными.

В статье «Морские силы воюющих держав» (№ 5 за 1914 г.) ее автор обращает внимание на тот факт, что к началу Первой мировой войны Великобритания обладала флотом, состоявшим из 22 дредноутов, 10 крейсеров-дредноутов, 40 броненосцев, 34 бронированных крейсеров, 65 легких крейсеров, 270 миноносцев, около 80 подводных лодок и более 100 судов особого назначения. В военное время при флоте также состояло больше 1000 паровых рыбачьих судов, приспособленных для вылавливания мин, и около 500 гидроаэропланов, несущих преимущественно разведочную службу [10, 85]. При этом, как отмечает автор данной статьи «Летописи...», 16 дредноутов английского флота вооружены 13,5-дюймовыми орудиями. «Это крупное преимущество перед Германией, на судах которой самый большой калибр — 12 дюймов». Корреспондент исследуемого нами издания также делает акцент на том, что Великобритания имеет в своем распоряжении четыре крейсера-дредноута типа *Luon*, которые, обладая ходом до 35 узлов и крупной артиллерией из 8–13,5 дюймовых орудий, всегда могут занять выгодную позицию в бою и «своим страшным огнем заставить неприятеля изменить первоначальный план действий». Остальные крейсера Британской империи, как броненосные, так и легкие, отличаются быстроходностью, сильной артиллерией и «во всех отношениях стоят выше немецких». Английские подводные лодки снабжены новейшими изобретениями и усовершенствованиями (беспроволочным телеграфом, легкой артиллерией и др.) [10, 86]. Все эти факты должно убедить читателей «Летописи...» в том, что Британия является эффективным и надежным союзником России.

В рубрике «За границей» (№ 39 за 1915 г.) развивается мысль о военно-морской мощи Великобритании: отмечается, что с самого начала войны Британия

подвергла блокаде германское побережье. Имперский флот закрыл все доступы к немецким портам. «Снабжение Германии, как военными, так и съестными припасами почти прекратилось» [11, 436].

В № 9 «Летописи...» за 1914 г. в статье «Эхо печати. Безумство храбрых и автоматический героизм» перед читателями журнала предстает образ британского солдата. «Английский солдат сохраняет свою невозмутимость и флегму в пылу сражения, в самые трудные минуты, под губительным огнем вражеской артиллерии. В битвах он показывает чудеса хладнокровия, упорства и изобретательности. Британец с удивительным упорством держится своих привычек. Ни при каких обстоятельствах он не забывает тех уроков гигиены, которые он получил в школе...» [12, 151]. Мужество, упорство, чувство собственного достоинства — это те качества, которые, по мнению корреспондентов «Летописи войны 1914–1917 гг.», сближают русского и английского солдата, и почти не свойственны германцам.

В рубрике «Обзорение войны» (№ 12 за 1914 г.) корреспонденты журнала останавливают свое внимание на речи военного министра Британской империи лорда Герберта Китченера, произнесенной на лондонском торжественном банкете 27 октября 1914 г. В ней министр в присутствии представителей всех союзных Великобритании держав подчеркивает, что британский народ пропитан патриотизмом и массово откликается на призыв встать под знамена армии Его Величества. Г. Китченер убежден, что британская армия едина как никогда и готова до конца следовать своему союзническому долгу [13, 199].

В рубрике «На Руси» (№ 19 за 1914 г.) сообщается о том, что 10 декабря 1914 г. английские ученые, писатели и деятели культуры обратились к своим российским коллегам с адресом, в котором отмечали «превосходство русской культуры как культуры духа перед внешними материальными стремлениями культуры германской». Представители британской интеллигенции выражали уверенность в том, что после победы над Германией и ее союзниками страны Антанты будут помогать друг другу «в напоминании о том духе, которым были проникнуты союзные нации, в целях защиты слабых, освобождения угнетенных, а также для того, чтобы принести облегчение страждущему человечеству и залечить его раны» [14, 310]. Это послание британцев было адресовано всему российскому обществу сразу после того, как Германия обвинила Россию и ее народ в варварстве. Целью адреса было поддержать дружественное государство, а также показать, что Великобритания готова оказывать не только военную, но и моральную поддержку своему союзнику.

В № 24 «Летописи...» за 1915 г. в статье «Полгода войны» среди основных заслуг Великобритании в борьбе против государств Тройственного союза указаны: военная помощь Бельгии и Франции на За-

падном фронте, фактическое уничтожение торгового флота Германской империи, потопление части броненосных крейсеров («Эмден», «Шарнгорст», «Гнейзенау» и др.) немецкого военного флота, захват у Германии колонии в Африке, Азии и Океании (Того, Камерун, Циндао и Соломоновы острова), общей площадью 3 млн. кв. верст [15, 353–354]. По мнению автора вышеобозначенной статьи, Великобритания, наряду с Россией, сыграла одну из ключевых ролей в подрыве военного могущества Германии в первые полгода войны.

Анализируя материалы, представленные на страницах военного журнала «Летопись войны 1914–1917 гг.», мы можем отметить следующие отличительные черты образа Британской империи, создаваемого журналистами данного периодического издания. Британская империя — это:

— союзник России, готовый до конца следовать своим союзническим обязательствам в борьбе против стран Тройственного союза;

— государство, которое обладает мощнейшим военно-морским флотом, способным парализовать почти любые действия Германии на море;

— страна, которая вместе со своими союзниками по Антанте ведет справедливую, освободительную войну против агрессора.

В заключение следует отметить, что периодическое издание «Летопись войны 1914–1917 гг.» в годы Первой мировой войны являлось одним из инструментов информационного воздействия на сознание населения Российской империи. На страницах данного журнала формируются различные образы государств-участников крупнейшего военного конфликта начала XX в. («врага», «нейтрального государства» или «союзника»). Великобритания в этом издании предстает надежным союзником Российской империи, который в ходе Первой мировой войны оказывает ей огромную помощь на Западном фронте, поддерживая боеспособность французской и бельгийской армий, и на морских театрах боевых действий, сдерживая агрессию военно-морского флота Германской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролов В. В. Журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.» как информационный источник о событиях Первой мировой войны / В. В. Фролов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 26. — С. 176–180. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/46436.htm> (дата обращения: 02.01.2021).

2. Давидсон А. П. Образ Британии в России XIX и XX столетий / А. П. Давидсон // Новая и Новейшая история. — 2005. — № 5. — С. 51–64.

3. Борискин В. В. Россия и Великобритания: проблемы взаимовосприятия в политико-историческом контексте / В. В. Борискин // Среднерусский вестник общественных наук. — 2008. — № 3. — С. 47–52.

4. Петухов Л. А. Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бурской войны (1899–1902 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Л. А. Петухов. — М., 2008.

5. Тетюева Д. Д. Образ Великобритании в интерпретации российских публицистов второй половины XIX в. / Д. Д. Тетюева // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2016. — № 3. — С. 22–30.

6. Лукьянов М. Н. «Образ врага» или «образ друга»? : Германия и Великобритания глазами русских правых накануне Первой мировой войны / М. Н. Лукьянов // Вопросы культурологии. — 2010. — № 8. — С. 45–49.

7. Оболонкова М. А. Репрезентации образа англичан в сознании российских интеллектуалов и Первая мировая война / М. А. Оболонкова // Вестник Пермского университета. Серия: История. — 2017. — № 3. — С. 48–55.

8. Летопись войны 1914–1917 гг. — 1914. — № 2.

9. Летопись войны 1914–1917 гг. — 1914. — № 3.

10. Летопись войны 1914–1917 гг. — 1914. — № 5.

11. Летопись войны 1914–1917 гг. — 1915. — № 27.

12. Летопись войны 1914–1917 гг. — 1914. — № 9.

13. Летопись войны 1914–1917 гг. — 1914. — № 12.

14. Летопись войны 1914–1917 гг. — 1914. — № 19.

15. Летопись войны 1914–1917 гг. — 1915. — № 24.

Псковский государственный университет

Фролов В. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории

E-mail: frolov1406@mail.ru

Pskov State University

Frolov V. V., Candidate of History, Associate Professor of the Russian History Department

E-mail: frolov1406@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СПОРТИВНЫХ ЖУРНАЛОВ

У. Ю. Эшкинина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 16 октября 2020 г.

Аннотация: в статье рассматривается трансформация специализированных спортивных журналов в период с 2000 по 2019 гг. Изучаются жанровые, тематические и визуальные особенности изданий, выявляются общие и частные закономерности их развития. Представлены результаты контент-анализа пяти журналов. Исследование показало, что исчезли такие жанры, как опрос, колонка, очерк, репортаж и портрет, материалы с темами о рейтинге и статистике перешли со страниц печатных изданий в интернет-версии, а иллюстративность журналов повысилась.

Ключевые слова: трансформация, спорт, журналы, спортивные журналы, спортивные специализированные журналы.

Abstract: the article examines the transformation of specialized sports magazines in the period from 2000 to 2019. Genre, thematic and visual features of publications are studied, General and particular patterns of their development are revealed. The results of content analysis of five journals are presented. The study showed that such genres as survey, column, essay, reportage and portrait disappeared, materials with topics about rating and statistics moved from the pages of print publications to the Internet version, and the illustrative power of magazines increased.

Keywords: media, magazines, transformation, sports, sports magazines.

Трансформация спортивных СМИ на сегодняшний день изучается преимущественно по нескольким направлениям. Наиболее тщательно исследовано происхождение и развитие спортивной прессы. Выявляется необходимость смены идеологии в освещении спорта [1], предпринимается попытка системного исследования постсоветской спортивной печати и выделяются основные этапы ее формирования [2], обнаруживается родство дореволюционной спортивной журналистики с советской и современной [3], прослеживается трансформация восприятия спорта — от прикладного характера до идеологического оружия.

Не менее актуален для исследователей концептуально-содержательный аспект спортивных изданий: предмет, целевое назначение, особенности аудитории, жанрово-стилевая структура текста, периодичность, тираж специализированных спортивных журналов. [4] Спортивная журналистика рассматривается как феномен социокультурной и информационной деятельности, выявляются особенностей функционирования и распространения спортивной информации в разных видах СМИ. Особое внимание исследователи уделяют тематическим направлениям и типологическим признакам спортивных изданий с момента их возникновения [5–9]

На современном этапе развития на первое место выходит такое направление, как влияние циф-

ровых технологий на спортивные медиа. Увеличивается роль онлайн-коммуникации при освещении спортивных событий, воздействующая на оперативное распространение специализированного медиаконтента [10], возрастает спрос на инновационные разработки при создании материалов в условиях жесткой конкуренции спортивной сферы [11]. Жизненной необходимостью становится функционирование спортивных СМИ в системе Web 3.0 [12], повышается важность визуальной подачи спортивной информации [13], укрепляются позиции спортивных СМИ в интернете [14].

Исследуются пиар-технологии и коммуникационные стратегии в спорте, выделяются наиболее эффективные способы рекламы [15]. Определяется идеальная модель журналистской работы для успешного освещения международных соревнований [16], выявляется значимость продвижения в медиа спортивных брендов и формирования имиджа спортивных деятелей [17].

В данной статье исследуются тенденции развития специализированной спортивной прессы на примере журналов «Легкая атлетика», «Лыжный спорт», «Мир дзюдо», «64 — Шахматное обозрение» и «Конный мир».

Процессы, протекающие в журналистской сфере с 2000 г., представляют особый интерес для исследования. Несмотря на большое разнообразие специализированных спортивных журналов в отечественной системе СМИ, лишь единицы из них

просуществовали несколько десятилетий, включая исследуемый период. Подавляющее количество журналов, начавших свой путь в советские годы, закрылись при распаде СССР. Большинство постсоветских специализированных спортивных журналов выходили на протяжении 3–5 лет, они не смогли пережить кризисные времена и не преодолели рубеж нового тысячелетия. В 2005–2008 гг. стали появляться новые профильные журналы, однако длительность их функционирования меньше изучаемого периода и не отображает всех процессов трансформации сегмента спортивных медиа. Так, в выборку вошли пять изданий, соответствующие временным критериям отбора.

«Легкая атлетика» — ежемесячный иллюстрированный спортивно-методический журнал, который издается с июня 1955 г. В советское время учредителем являлся Госкомспорт СССР, а с 1992 г. — Всероссийская федерация легкой атлетики. Его объем варьируется от 32 до 56 страниц в зависимости периода, освещаемого в номере. За более чем шестидесятилетнюю историю существования у журнала сменилось несколько редакторов. Средний тираж журнала составлял 20 тысяч экземпляров, максимальный в 1973 г. — 150 тыс., к середине 1990-х гг. он уменьшился примерно в десять раз, а сейчас составляет 1–1,5 тыс. экз.

«Лыжный спорт», изначально называвшийся «Лыжные гонки», издается с 1996 г. Учредитель журнала — ООО «Редакция журнала «Лыжные гонки». Первоначальный объем составлял 40–64 страницы, печатался в Финляндии. В 1998 г. издание было переименовано, количество страниц увеличилось до 96–196 страниц. Выходил четыре раза в год на мелованной бумаге с полнокрасочной печатью. Тираж составлял 25 тыс. экз. В 2016 г. перестал издаваться в бумажной версии, полностью трансформировался в портал о лыжном спорте, сохранив прежний состав редакции.

«Мир дзюдо» был учрежден спортивным клубом

«ЯВАРА-Нева» в 1991 г. Тираж составлял 25 тыс. экз., на сегодняшний день эта цифра снизилась до 10 тыс. экз. Журнал выходит 6 раз в год, объем варьируется от 40 до 66 страниц. Целевая аудитория издания — как профессионалы (спортсмены, тренеры, судьи, организаторы), так и любители дзюдо.

«64 — Шахматное обозрение» издается с 1980 г. До 2000 г. выходил два раза в месяц. После — раз в месяц. Тираж менялся с 74 тыс. экз. в первые десятилетия до 15 тыс. в 2000-е гг., а на сегодняшний день заявлена цифра в 25 тыс. экз. Главными редакторами были великие шахматисты, а членами редколлекции — деятели шахматного движения. В настоящее время сотрудники редакции также шахматисты высокого уровня. До 2008 г. выходил на 64 страницах, а с 2008 г. поменял формат и дизайн. Количество страниц увеличилось до 96 страниц.

«Конный мир» начал свое существование в 2000 г. Издается 5 раз в год на 128 страницах. До 2002 г. учредитель журнала — ЗАО «Издательский дом «Друг», а с 2002 г. — ООО «Королевский издательский дом». Заявленный тираж составляет 30 тысяч экземпляров. В журнале освещаются не только спортивные темы, но и общие вопросы коневодства.

Методу контент-анализа были подвергнуты 97 номеров этих изданий, по одному случайному выпуску за год с 2000 по 2019 гг. Журнал «Лыжный спорт» анализировался с 2000 по 2016 гг., так как в 2017 г. полностью перешел из формата журнала в формат сайта. Несмотря на это, он все равно представлял интерес для исследования, а полученные результаты оказались показательны для массива выборки. Номера выпусков были определены компьютерной программой случайных чисел *randstuff*. Были изучены 20 номеров «Легкой атлетики», 20 — «Шахматного обозрения», 20 — «Мира дзюдо», 20 — «Конного мира» и 17 — «Лыжного спорта». В общей сложности 2383 публикации. Выпуски изданий были взяты из традиционных и электронных архивов редакций.

Таблица 1.

Количество исследованных выпусков и публикаций

Журнал	Количество исследованных выпусков	Количество исследованных публикаций
Легкая атлетика	20	389
Мир дзюдо	20	515
Шахматное обозрение	20	523
Конный мир	20	692
Лыжный спорт	17	264
Всего	97	2383

Все публикации исследованы по нескольким категориям: жанры, темы и иллюстративность. Жанры выбирались в соответствии с известными классификациями [18–19]. Темы выявлялись по принципу

максимального покрытия всех сфер спортивной деятельности — соревнований, тренировок, питания, здоровья, рейтингов. Иллюстративность выражалась в сопровождении публикаций фотографиями,

рисунками, инфографикой и другими наглядными элементами. Изучаемые характеристики были зашифрованы и собраны в специальный кодификатор.

Проведенное исследование выявило несколько направлений изменения содержательных особенностей специализированных спортивных журналов. Это трансформация жанров и тем, а также трансформация визуального контента.

ЖАНРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

С помощью контент-анализа были определены жанровые особенности журналов «Легкая атлетика», «Лыжный спорт», «Мир дзюдо», «Шахматное обозрение», «Конный мир». Интерес представляют как обобщенные данные по пяти изданиям, так и их индивидуальная специфика.

Таблица 2.

Процентный показатель по жанрам

Журнал	Кол-во материалов	Заметка	Репортаж	Корреспонденция	Отчет	Интервью	Опрос	Комментарий	Анкета	Статья	Обзор	Колонка	Портрет	Очерк	Фоторепортаж	Другое
МД	515	21	1	1	3	22	2	8	0	6	23	2	4	1	5	1
ЛС	264	4,5	8	0,5	3	24	1	8	0,5	10	25	6	2	6	1	0,5
КМ	692	32	0,5	0	1	4	0	2	0,5	9	33	2,5	4	9	0	2,5
ШО	523	8	5	1	3	16	0	5	0	7	40	3,5	5	5	1	0,5
ЛА	389	8	1	0	12	12	0	2	0	14	39	1	5	4	1	1
Всего	2383	17	3	1	4	14	1	5	0	9	31	3	4	5	2	1

Как видно из таблицы 2, наиболее востребованный жанр в специализированных спортивных изданиях — обзор. У всех исследуемых журналов он находится на первом месте с сильным преимуществом. Далее следует заметка, интервью и статья. Наименее популярна анкета, представленная лишь в «Лыжном спорте» и «Конном мире», корреспонденция и опрос. Одинаковое количество раз используется колонка и репортаж. Последний регулярно встречается только в двух журналах — «Лыжном спорте» и «Шахматном обозрении». Во всех остальных — единичные случаи. Со средними показателями в журналах представлен портрет.

Также необходимо отметить частные трансформации в отдельных журналах. В «Легкой атлетике» наблюдается тенденция исчезновения портрета, часто встречающегося до 2008 года, и комментария — уменьшающегося с 2007 г. После 2004 г. в этом издании появился только один репортаж. С 2009 г. больше внимания начинают уделять очерку, а с 2011 г. — фоторепортажу.

В «Шахматном обозрении» с 2010 г. всего один раз встречается отчет, актуальность этого жанра снижается. С 2013 г. более активно используется фоторепортаж. С 2009 по 2012 гг. отсутствуют заметки. В этом журнале практически в каждом ис-

следуемом выпуске присутствует колонка. Как правило, это колонка главного редактора, в которой он подводит итоги за прошедший период либо рассказывает о ближайших планах. На первых страницах выпуска он дает краткую повестку номера. В «Конном мире» достаточно объемно представлены очерк и портрет, численность которых заметно уменьшается с 2008 г. На протяжении всего исследуемого периода в данном журнале много заметок. С 2011 г. увеличивается количество интервью. «Мир дзюдо» с 2008 г. перестает делать публикации в жанре опроса. В этот же период на десять лет (до 2017 г.) пропадает колонка. В каждом номере большое количество интервью. Регулярен фоторепортаж. Журнал отличается красочностью и визуальными компонентами. В «Лыжном спорте» практически одинаково представлены обзор и интервью. До 2011 г. на постоянной основе присутствует колонка, которая полностью исчезает с 2012 г. В этот период после длительного перерыва снова появляется очерк. В тройке наиболее многочисленных жанров находится статья. Как правило, это материалы с подробным анализом методики подготовки и техники езды, с результатами международных тестирований лыжников и лыжного оборудования и их разбором.

Таблица 3.

Жанровые тренды журналов по годам

Год	Кол-во материалов	Заметка	Репортаж	Корреспонденция	Отчет	Интервью	Опрос	Комментарий	Анкета	Статья	Обзор	Колонка	Портрет	Очерк	Фото-репортаж	Другое
2000	116	21	4	1	9	14	1	7	0	5	26	5	13	5	2	3
2001	132	11	10	3	5	9	2	6	0	7	63	4	3	7	0	2
2002	130	22	3	2	9	15	4	7	0	13	30	4	6	10	3	2
2003	147	19	1	0	5	19	2	9	0	14	50	3	12	12	0	1
2004	128	18	0	0	7	21	1	3	1	12	40	6	9	8	0	2
2005	158	43	2	0	3	30	0	10	0	9	41	3	6	8	2	1
2006	133	28	6	2	6	22	1	11	0	9	33	5	3	4	1	2
2007	178	24	6	0	6	13	1	5	0	10	89	5	6	10	2	1
2008	112	20	5	0	4	16	0	9	0	8	36	2	5	6	1	0
2009	115	8	5	1	3	25	0	4	0	3	54	3	2	4	0	3
2010	92	6	4	0	6	16	0	5	0	14	26	5	5	3	2	0
2011	102	14	3	0	3	19	0	6	0	10	32	3	6	3	2	1
2012	101	16	6	0	3	16	0	5	0	8	32	1	3	7	3	1
2013	104	14	1	0	3	14	0	5	0	12	43	1	1	6	4	0
2014	119	22	3	0	3	14	0	5	0	15	38	3	2	9	3	2
2015	108	27	0	1	7	22	0	5	0	11	21	1	5	6	2	0
2016	108	27	0	1	4	10	0	2	4	12	30	1	2	7	5	3
2017 (4)	99	24	2	0	4	13	1	4	0	11	26	3	3	3	4	1
2018 (4)	103	21	2	1	2	15	0	1	0	13	28	4	7	4	4	1
2019 (4)	98	27	1	0	2	10	0	1	0	16	30	2	2	5	1	1
Всего	2383	412	64	12	94	333	13	110	5	212	768	64	101	127	41	27

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

По тематическому наполнению сложнее выделить наиболее востребованную тему. У всех журналов они разные. Можно определить лишь круг топовых тем — это международные и российские соревнования, опыт спортсмена, спортивное образование и инвентарь/тренировочные условия. В рейтинге самых малочисленных тем — спортивное питание и антидопинг. Несмотря на то что это одни из самых актуальных тем современности, в специализирован-

ных спортивных журналах они представлены крайне редко. Вероятно, ситуация будет меняться в ближайшем будущем, ведь проблема допинга в спорте выходит на первое место.

С 2018 г. в «Легкой атлетике» после долгого отсутствия стали появляться материалы на тему допинга. Предположительно, их число будет только увеличиваться в следующие годы из-за сложной ситуации в этой сфере. В данном журнале много материалов со статистическими данными и рейтингами.

Таблица 4.

Процентный показатель по темам

Журнал	Кол-во материалов	%														
		Спортивное питание	Судейство/организация	Антидопинг	Профилактика заболеваний и травм	Спортивное образование и просвещение	Российские соревнования	Международные соревнования	Особенности подготовки	Тренерская работа	Опыт спортсмена	Инвентарь/тренировочные условия	Спортивная медицина	Методические рекомендации	Рейтинги/статистика	Другое
МД	515	1	5	0	1	9	24	19	8	7	9	3	3	3	3	5
ЛС	264	1	4	0	0	5	11	9	6	7	18	26	0	4	2	7
КМ	692	0,5	0,5	0,5	3	22	12	16	5	0,5	4	16	5	5	1	9
ШО	523	0	4	0	0	9	14	32	3	3	20	1	0	5	3	6
ЛА	389	1	0,5	0,5	2	0,5	9	40	6	4	16	0,5	2	5	10	3
Всего	2383	1	3	0,5	1,5	11	15	23	5	4	12	8	3	4	3	6

В рубриках, отведенных под эту информацию, периодически перепечатывают данные из советских выпусков журнала. Практически в каждом номере представлена эта тема. О российских соревнованиях пишут в пять раз меньше, чем о международных. В первом десятилетии количество материалов об опыте спортсменов значительно больше, чем в следующем. Во втором десятилетии сильнее акцентируется внимание на особенностях подготовки спортсменов и тренерской работе.

В «Шахматном обозрении» игнорируется тема спортивного питания. Отсутствуют материалы об антидопинге, профилактике травм и заболеваний, спортивной медицине. Внимание уделяется опыту спортсменов и спортивному образованию. С 2010 г. сократились рейтинги и статистика. В первом десятилетии также больше материалов и о судейской/организаторской практике. Равномерно заполняются на протяжении всего исследуемого периода методические рекомендации.

В «Конном мире» максимальное количество публикаций на тему спортивного образования. В этом журнале много материалов с просветительской информацией о коневодстве, об уходе за лошадьми и общении с ними. Разница в освещении международных и российских соревнований не так велика, как, например, в «Легкой атлетике». На лидирующих позициях тема, касающаяся оборудования/инвентаря и всего, что касается технических моментов занятий конным спортом. Большое количество материалов о спортивной медицине — в основном, связанных также со здоровьем лошади. «Конный мир» по количеству публикаций с тематикой «другое» лидирует среди остальных. Это единственный из всех исследуемых журналов, который включает в себя разделы не только о спорте, но и просто о конном мире.

Много материалов о породах лошадей, об их происхождении, о новостях, не связанных со спортом (например, о краже лошади, выведении новой породы, установлении скульптуры лошади). Темы, освещаемые в этом издании, удовлетворяют интересы не только спортивного сообщества, но и любителей этих животных, владельцев лошадей.

В «Мире дзюдо» заметно преимущество в освещении российских соревнований по сравнению с международными. Трансформируется тематика о судействе и организации — несмотря на регулярное освещение, количество материалов снижается. С 2015 г. появляется интерес к теме профилактики травм и заболеваний, пропадают статистические данные в таком количестве, в котором были ранее. С 2008 г. появляется интерес к особенностям подготовки. С этого же года публикуется больше материалов о спортивном инвентаре / тренировочных условиях.

В «Лыжном спорте» основной акцент направлен на инвентарь / тренировочные условия и оборудование. Эта тема ключевая в журнале. Обзоры отечественного и зарубежного оборудования, а также лыжных трасс и баз по всему миру привлекают читателей — профессионалов и любителей, помогая выбрать необходимый инвентарь или определиться с местом проведения тренировочных сборов. До 2014 г. спросом пользовалась рубрика о тренерской работе. Количество поднимаемых тем в каждом выпуске не такое разнообразное, как в предыдущих журналах. «Лыжный спорт» публикует объемные материалы с красочным оформлением и большим количеством фотографий, поэтому публикаций в одном номере не так много. После 2010 г. перестали печатать рейтинги и статистику. Эта тема полностью перешла на сайт издания.

Таблица 5.

Тематические тренды журналов по годам

Год	Кол-во материалов	Спортивное питание	Судейство/организация	Антидопинг	Профилактика заболеваний и травм	Спортивное образование и просвещение	Российские соревнования	Международные соревнования	Особенности подготовки	Тренерская работа	Опыт спортсмена	Оборудование/базы/инвентарь	Спортивная медицина	Методические рекомендации	Рейтинги/статистика	Другое
2000	116	0	5	0	0	5	12	32	4	8	21	10	2	2	6	9
2001	132	1	4	0	1	5	10	66	5	5	12	8	0	3	3	9
2002	130	0	6	0	0	14	27	21	5	2	15	16	4	5	7	8
2003	147	0	2	0	1	12	28	26	9	1	31	12	3	8	5	9
2004	128	0	4	0	2	14	11	30	8	7	13	9	9	9	7	5
2005	158	1	8	0	2	20	20	39	3	6	22	15	3	8	3	8

2006	133	3	7	0	2	22	23	25	0	8	15	8	4	4	5	7
2007	178	3	7	0	2	15	25	69	1	4	12	16	6	6	4	8
2008	112	1	3	0	0	6	16	24	5	4	19	11	2	5	6	10
2009	115	1	4	0	1	7	19	37	6	4	10	15	1	2	1	7
2010	92	0	1	0	1	13	21	11	7	2	10	6	2	3	5	10
2011	102	0	3	0	3	8	16	11	9	7	20	10	4	5	1	5
2012	101	0	2	0	1	11	20	21	6	5	12	7	1	5	3	7
2013	104	1	1	0	1	9	15	24	10	5	14	9	4	7	2	2
2014	119	0	5	0	2	22	15	16	11	5	13	7	3	6	3	11
2015	108	0	1	0	3	19	11	12	7	4	12	14	3	6	5	11
2016	108	2	1	0	2	11	17	21	9	8	7	7	2	7	2	12
2017 (4)	99	1	1	1	2	7	13	24	8	3	10	3	4	5	9	8
2018 (4)	103	1	0	1	5	12	18	20	8	3	13	10	1	3	2	6
2019 (4)	98	2	2	1	2	22	9	26	8	2	7	5	1	7	2	2
Всего	2383	17	67	3	33	254	346	555	129	93	288	198	59	106	81	154

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА

Благодаря совершенствованию цифровых технологий и появлению нового оборудования, возможность издавать журналы в более красочном и ярком

варианте увеличилась. Иллюстративность анализировалась по наличию фотографий, рисунков, инфографики, коллажей и скриншотов. Был также вариант «без иллюстрации».

Таблица 6.

Процентный показатель по визуальному содержанию

Журнал	Кол-во мат-лов	Фотография	Рисунок	Инфографика	Коллаж	Скриншот	Без иллюстрации
		%					
МД	515	88	2,5	2	0	0,5	7
ЛС	264	77	2	8	1	6	6
КМ	692	66	3	0,5	0,5	1	29
ШО	523	56	30	0,5	0	0,5	13
ЛА	389	70	6	3	0	0	21
Всего	2383	70	9	2	0,5	1,5	17

Для всех изданий редки случаи появления инфографики, коллажа и скриншота. Максимальное количество материалов — с фотографиями, причем до 2005 г. во многих выпусках это были черно-белые фотографии. Показательно, что в «Шахматном обозрении» с 2007 г. количество материалов без иллюстративного сопровождения снизилось вдвое, а с 2016 г. и вовсе исчезло. В этом издании на высоком уровне находится количество публикаций с рисунками, тогда как в остальных эта цифра с трудом достигает 20–30. Данный журнал можно назвать наиболее трансформировавшимся по критерию визуализации. Если сравнивать выпуски до 2008 г. с выпусками, которые издавались позже, заметно, как в издание приходит цвет и иллюстративность. Первые исследуемые номера больше напоминали методическое пособие по шахматам, чем специализированный спортивный журнал, а уже начиная с 2008 г. страницы заполнены фотографиями с турниров, фотографиями спортсменов, тренеров и чиновников.

Менее всех по исследуемому критерию транс-

формировался журнал «Мир дзюдо». Он изначально был очень красочным, с большим количеством фотографий. С 2013 г. появляется инфографика, а рисунок, используемый в начале десятилетия, постепенно сходит на нет.

«Легкая атлетика» и «Лыжный спорт» по яркости не уступают журналу о дзюдо. Уже со дня своего издания они равномерно заполняются визуальным контентом. «Лыжный спорт» предпочитает публиковать фотографии с лыжных баз, горных склонов и трасс. В журнале представлены скриншот и инфографика в большем количестве, чем в остальных изданиях. «Легкая атлетика» акцентирует внимание на фотографиях с соревнований и фотографиях отдельных спортсменов. С 2010 г. увеличивается такая форма визуализации, как рисунок, сопровождая чаще всего публикации на темы методических рекомендаций и особенностей подготовки. Четвертая часть всех материалов — без иллюстрации.

«Конный мир» с годами меняется несильно. У этого издания самый высокий показатель отсутствия

иллюстративности. Однако так было и в 2000-е гг., и в настоящее время. Без иллюстраций в основном публикуются заметки, которыми изобилует «Конный мир». С 2013 г. все визуальное наполнение делится на два варианта — с фотографией и без.

Так, трансформация по иллюстративному при знаку коснулась всех изданий, но в разной степени. Максимальным изменениям подвергся журнал «Шахматное обозрение», минимальным — «Конный мир».

Таблица 7.

Иллюстративные тренды журналов по годам

Год	Кол-во мат-лов	Фотография	Рисунок	Инфографика	Коллаж	Скриншот	Без иллюстрации
2000	116	67	17	2	0	2	28
2001	132	94	20	0	0	1	17
2002	130	80	17	3	0	4	26
2003	147	105	16	3	0	5	18
2004	128	76	15	2	1	4	30
2005	158	111	19	3	1	1	23
2006	133	99	13	3	1	1	16
2007	178	130	16	4	3	2	23
2008	112	78	10	0	0	3	21
2009	115	93	6	0	0	2	14
2010	92	72	2	1	0	0	17
2011	102	69	9	2	0	2	20
2012	101	60	10	2	0	1	28
2013	104	70	9	4	0	0	21
2014	119	76	10	3	0	0	30
2015	108	81	5	6	0	0	16
2016	108	75	10	4	0	0	19
2017 (4)	99	82	5	1	0	0	11
2018 (4)	103	82	3	2	0	0	16
2019 (4)	98	78	3	2	0	1	14
Всего	2383	1678	215	47	6	29	408

Таким образом, спортивная журналистика под действием различных факторов трансформируется. Так, исчезают опрос, колонка, очерк, репортаж и портрет, но по-прежнему лидируют обзор, интервью, заметка, которые составляют 62% от всех публикаций, и фоторепортаж. Третья часть исследуемых публикаций (2383) — это обзоры (768). Данный жанр оказался самым востребованным и удобным для написания материалов о соревнованиях, спортивных базах, трассах, инвентаре — темах, наиболее часто встречающихся в журналах. Практически вдвое меньше этой цифры — количество заметок (412). Седьмая часть всех публикаций — интервью (333). Благодаря этому жанру читатель получает возможность узнать информацию от первого лица, ближе познакомиться с героем, понять его нужды, увидеть спортивную персону не только через призму результатов и статистических данных, но и с человеческой стороны.

Не теряют востребованность темы российских и международных соревнований — 346 и 555 публикаций. Турниры и состязания — это важнейший

элемент спортивной жизни, показанные результаты — итог работы всех представителей спортивного процесса: атлетов, тренеров, чиновников, персонала, организаций. На протяжении всего исследуемого периода сохраняется интерес к личному опыту спортсменов (288) и тренерской деятельности (93) — человеческий фактор всегда притягивает к себе внимание. Эти темы стабильно освещаются в журналах. Согласно полученным результатам, изменениям подверглись темы инвентаря и тренировочных условий (198), а также особенностей подготовки (129). Их количество увеличилось. Данные аспекты спортивной сферы меняются с приходом новых технологий — появляется более продвинутое оборудование, экипировка, разрабатываются спортивные девайсы, программы и приложения, облегчающие тренировки. У спортсменов повышается уровень цифровой грамотности, они самостоятельно тестируют себя, составляют планы занятий. Глобализация стирает границы между странами, способствуя интеграции американской, западной, восточной и отечественной спортивных традиций. С помощью

социальных сетей даже юные атлеты могут наблюдать за особенностями подготовки именитых зарубежных спортсменов и напрямую с ними общаться. Между тем снизилось количество публикаций о рейтингах и статистике — эти темы уходят в интернет-пространство. Такие сообщения оперативно появляются в онлайн-режиме на специализированных сайтах, и для изданий, выходящих раз в месяц или реже, становятся неактуальны. Перенос данных тем со страниц печатных изданий в Сеть экономит место в журналах, снижая расходы на типографские услуги. Также меньше становится материалов о судействе и организации. Они переходят в интернет, на порталы федераций видов спорта. Неоправданно мало статей на тему здоровья (33) и спортивного питания (17). Для таких материалов необходимо привлечение экспертов, влекущее за собой дополнительные траты. В связи с допинговыми проблемами в стране предполагается, что начнут набирать популярность темы об антидопинге (3) и спортивной медицине (59), а также не исчезнут рубрики с методическими рекомендациями (106): необходимо искать новые пути и ресурсы для совершенствования результатов.

Следует отметить как одну из ведущих тенденций визуализацию контента. Особенно это заметно на примере «Шахматного обозрения», где из иллюстраций больше всего фотографий (1678 из 2383). Для спортивных журналов визуальный контент является не дополнением к основному материалу, а равноправным источником информации. Иллюстративность должна быть на высоком качественном уровне. Сегодня это возможно благодаря современным технологическим средствам. Ориентация на зрительный образ повышает спрос аудитории большинства изданий, и спортивные специализированные журналы не исключение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туленков Д. А. Советская физкультурно-спортивная журналистика во второй половине 1930 гг.: особенности функционирования / Д. А. Туленков // Журналистика 2004: СМИ в многополярном мире. — 2005. — С. 311–312.
2. Баранов В. В. Спортивная печать РФ. Формирование новой системы: 90-е годы: дис. ... канд. филол. наук / В. В. Баранов. — М., 2001.
3. Алексеев К. А. Спортивная пресса России XIX — начала XX вв.: историко-типологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. А. Алексеев. — СПб, 2008. — 26 с.
4. Слюсаренко Е. А. Специализированные журналы о спорте: типологические и профильные характеристики: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Слюсаренко. — М., 2003.

ки: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Слюсаренко. — М., 2003.

5. Алексеев К. А. Основы спортивной журналистики: учеб. пособие / К. А. Алексеев, С. Н. Ильченко. — М.: Аспект Пресс, 2016.
6. Михайлов С. А. Спортивная журналистика: учеб. пособие / С. А. Михайлов, А. Г. Мостов. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2005. — 223 с.
7. Туленков Д. А. Спортивная публицистика и спортивная журналистика: особенности специализированного направления / Д. А. Туленков // Журналистика. Молодые исследователи: Межвузовский сборник научных работ студентов и аспирантов. — СПб., 2004. — Вып. 3. — С. 173–180.
8. Шустер О. С. Средства массовой информации и спорт / О. С. Шустер. — СПб: Изд-во ГАФК им. П. Ф. Лесгафта, 1998.
9. Войтик Е. А. Первые спортивные периодические издания в России XIX в.: к проблеме типологии / Е. А. Войтик // МедиаСкоп. — 2013. — Вып. 4. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1482> (дата обращения: 10.10.20).
10. Данилова М. Н. Спорт как медиакоммуникационный феномен / М. Н. Данилова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7. — № 3. — С. 519–538.
11. Ващук М. А. Организация работы национального фотопула на Олимпийских играх в Сочи 2014 / М. А. Ващук // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2014. — № 2. — С. 36–45.
12. Маметьев Е. В. Функционирование спортивных СМИ в социальных медиа. Спортивная журналистика в эпоху Web 3.0 / Е. В. Маметьев // МедиаСреда. — 2017. — № 12. — С. 179–184.
13. Крылова А. А. Особенности подачи спортивной информации в СМИ с помощью инфографики / А. А. Крылова // Молодой ученый: вызовы и перспективы. — 2016. — № 2. — С. 100–106.
14. Ильченко С. Н. Спорт и электронные медиа: аспекты коммуникативного взаимодействия / С. Н. Ильченко // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. — 2009. — Вып. 4. — С. 232–236.
15. Корнилова К. С. Пиар-технологии в современной индустрии спорта / К. С. Корнилова, М. П. Гурьева // МедиаАльманах. — 2016. — № 5. С. 99–106.
16. Данилова М. Н. Сочи-2014 как спортивное медиасобытие в отражении российских интернет-СМИ / М. Н. Данилова // МедиаАльманах. — 2017. — № 2. — С. 103–113.
17. Костиков В. Ю. Имидж спортивного тренера: инструменты и методы конструирования / В. Ю. Костиков // МедиаАльманах. — 2017. — № 4. — С. 110–118.
18. Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста / А. В. Колесниченко. — М.: Аспект Пресс Москва, 2013. — 399 с.
19. Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 310 с.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Эшкинина У.Ю., аспирант факультета журналистики
E-mail: marsipelamin@mail.ru

Lomonosov Moscow State University
Eshkinina U. Yu., Postgraduate Student of the Faculty of Journalism
E-mail: marsipelamin@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.